

Принято считать Петра 1 реформатором. И мало кто знает, что большинство реформ начал старший брат Петра. Федор Алексеевич. А если царь Федор не умрет в молодом возрасте, да ему поможет в реформах попаданец из 21 века?..

Предисловие

Ну что тут скажешь, зная, что, батюшка мой вот-вот скончается, приехал я из Преображенского 28 января. Как оказалось вовремя. Весь день мы проговорили, батюшка, понимая, что учился я не зря, а ранее он и сам мне не раз давал советы, но в этот раз спешил ещё поделиться житейской мудростью.

День прошёл, хотя было видно, что батюшке говорить было трудно. Так же он с трудом, вставал, сидел. Но с утра 29 ухудшение стало явное. Когда я зашел в его опочивальню, ещё раз сказал, что благословляет меня на царство. Потом же долго молчал, закрыв глаза. Я вышел, нужно было дать указания, своему окружению.

Вечером батюшки не стало. Говорили, что всё время с ним кто-то был, а в тот момент, как душа батюшкина отлетела, в покоях никого не было.

Как только обнаружили остывающее тело, поднялись крики, плач.

Я быстро направился к батюшкиной опочивальне. В дверях столкнувшись с мачехой Натальей Кирилловной, которая зачем то с собой притащила своих детей, братца моего Петрушку, сестер Наталью, Феодору.

С моей стороны тоже подошли сестры, особенно выделялась Софья, гневно глянувшая на мачеху.

Но стояли мы молча, каждый был один в своём горе. Зашел боярин Артамон Матвеев, буквально выпроводил всю семью, говоря, что государя надо готовить к похоронам.

На следующий день уже были похороны. Батюшка был одет в бархат цвета вишни, вышитый узорами красного и зеленого шелка, покрытый жемчугом. Гроб же отделан алой тканью с золотыми и серебряными узорами.

На мне был черный кафтан с воротником вишневого бархата, в черной шапке в руках держал, черный посох.

Сзади шло все семейство. Однако мачеху Наталью Кирилловну несли в санях. Я же в отличие от прошлой жизни шел сам. Но об этом чуть позже.

Батюшку похоронили в Архангельском Соборе. А вот теперь можно вернуться к истокам. Рассказать о себе чуть подробнее.

Итак, был двадцать первый век. Или нет двадцать первому веку, предстоит ещё наступить и нескоро. Он ещё будет. А я буду сидеть на скамеечке в парке. Проходящий мимо человек или наверно теперь я понимаю, что это точно не человек. Так вот прохожий, начал разговор сначала о природе и погоде. Потом постепенно перевел на мою любимую тему. Я даже не понял как, будто я сам захотел поговорить о средневековых царях.

Просто на пенсии заняться нечем, вот и увлёкся. К тому же нашёл интересную тему. Царь Федор Алексеевич, старший брат Петра первого, сделал много чего важного и нужного для России. Но приписали это Петру или он воспользовался наработками старшего брата. Я серьезно переживал этой вопиющей несправедливостью. Получилось, что Федор Алексеевич забытый царь.

Вот и прохожий, сначала, как мне показалось, пошутил:

— Хочешь исправить несправедливость?

— Да ну это невозможно.

— В первую очередь, невозможно, потому что Федор Алексеевич правил пять лет и умер, потому что болел.

— А если вам, вдруг оказаться в теле Федора Алексеевича, как бы вы правили? К тому же оказаться в здоровом теле.

— Ну, я не знаю.

— Вижу, вы уже почти согласны, к тому же ранее вы не раз примеряли на себя возможность оказаться в теле вашего кумира.

В моём возрасте, уже нет той авантюристности, присущей молодым людям. Но всё же, я в задумчивости прошептал.

— Почему бы, нет!

— Вот и славно.

В следующее мгновение я повалился на скамейку. Но тело своё видел сверху. Потом всё закрутилось, слышался женский смех, конское ржание и я погрузился в темноту.

Долго ли я был без сознания или пришёл в себя сразу же, трудно понять. Во всяком случае, открыв глаза, обнаружил вокруг себя темноту.

— Просто ночь, к тому же зима, да и оконца маленькие.

От неожиданно зазвучавшего голоса в ночной тишине я подскочил на кровати.

— Ты кто?

— Всё тот же, Прохожий. Мы только что расстались с тобой в двадцать первом веке. И вот уже на дворе век семнадцатый.

Я лежал молча, осознавая происшедшее, к тому же Прохожий, кажется, итак слышал все мои мысли.

— Если не будешь так быстро думать, я отвечу на все твои вопросы. Первый и самый главный. Ты в теле Федора Алексеевича, который в этой реальности здоров и проживет долго. Если конечно, ты не ввяжешься в какую-нибудь авантюру. Типа сам захочешь возглавить взятие Азова.

Далее, это как говорится, рояль. Ты помнишь всё, что, когда-либо читал. Этаким своеобразный интернет в голове. Прошу не злоупотреблять. Ни к чему сейчас изобретать поезда, пулеметы. Достаточно, просто привлекать на свою сторону образованных людей и следить, насколько это возможно за новинками науки.

Второй момент. Ты в теле Федора Алексеевича и значит, умеешь всё, что умеет он. Стреляешь из лука. Говоришь на польском и латинском. К тому же пока в той реальности жив Федор, он будет главным в этом теле. Тебе придётся нелегко проталкивать свои желания и идеи. Нет, никто не будет запрещать, но придется напрягаться, потому что они будут постоянно ускользать из сознания. Ибо они чужды этому телу.

Ну, вот и всё. Живи и создавай другую реальность.

Кажется, я только заснул, но вот рядом с кроватью послышалось шуршание. Медленно-медленно приоткрыл глаза. В комнате было светло, не стеклопакеты конечно, но разглядеть женщину стоящую рядом с кроватью можно. На миг я завис. Ну да один я без сомнения знал кто это. Другой я секунду вспоминал.

В моей спальне была Анна Петровна Хитрово, моя мамочка. Как интересно тогда жили, точнее сейчас живут. Родная моя мама Мария Ильинична Милославская умерла пять лет назад. А сейчас со мной сидела, можно сказать, нянька, ибо она с самого моего рождения была рядом, но называлась мамой. Таким образом, первое время у меня было две мамы. А теперь одна полностью заменившая родную мать.

— Ну что, Феденька. Как себя чувствуешь?

— Отлично, мамочка, могу бегать, прыгать.

— Погоди, дитяtko, придет доктор Данила Жидовин, посмотрит тебя, тогда и гулять.

Вскоре пришёл доктор. Официально на Руси его звали Данило фон Гаден. Впрочем, это ничего не значит, фоном он не был, как и Данилой стали звать уже здесь. По виду был типичный иудей. Это позднее за многие годы люди перемешаются, и никто не догадается, что какой-нибудь голубоглазый блондин имеет в своих предках одних евреев.

Мне не хотелось никаких осмотров и тем более лекарств. Я подскочил, потом кувыркнулся на своём поистине царском ложе. Затем снова попрыгал.

— Смотрите, доктор я здоров.

— Давай, государь, посмотрю.

Это обращение, государь сбilo меня с настроя, не даваться. Я просто завис. Тем временем, доктор, щупал меня, заглянул в глаза. Кажется, даже пульс проверил.

— И всё же, государь, лучше, хотя бы сегодня полежать.

— Подумаешь, немного полетал. Птицы летают, их никто в постель не укладывает.

— Государь, не птица.

И тут меня заклонило. Очевидно, Прохожий это и имел виду, говоря, что я всё помню, где-то слышал этот стих, уже не помню, где слышал, но четверостишие пронес на одном дыхании, нараспев.

— Дивлюсь на небо, тай думку гадаю,

Чому я не сокил, чому не літаю,

Чому мени, Боже, ти, кршльлив не дав?

Я землю-б покинув и в небо злітав!

— Государь, так вы малоросскую мову знаете?

— Ну что ж, мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь.

— Государь, я сейчас вас покидаю. А вы ещё денёк полежите. Вы уж присмотрите, Анна Петровна.

— Хорошо, хорошо.

Анна Петровна вышла вслед за лекарем, а я откинулся на подушки.

— Что-то меня с этими стихами понесло куда-то не туда, или как попаданец, должен перепеть песни Высоцкого. А командирскую башенку куда пристрою?

Шутки шутками, но отдохнуть мне не дали. Весь день шли посетители. Прибегали сестры. Заходили тетki, конечно же, не все вместе. Отчего посещения растянулись. Перед обедом заходил батюшка с мачехой. Были и придворные. Хотя эти не задерживались. Зашел учитель Симеон Полоцкий. Вроде бы занятий не было. Но весь наш разговор выглядел, как экзамен.

Надеюсь, я нигде не засыпался, ибо теперь я знал, больше, чем сей ученый муж.

Вообще считаю, эти посещения были для меня экзаменом. Ведь я сегодняшней был другим не тем, что вчера.

И только вечером, оставшись наедине, я смог поразмыслить, как жить дальше.

Итак, первый этап, до смерти батюшки осталось два года. Вряд ли кто ко мне будет прислушиваться, просто потому что есть реальный царь, а я всего лишь наследник. Хотя что-то, вроде игры можно попробовать. Вон Петр первый, играясь полки создавал. Надо и мне что-нибудь подобное замутив. Хотя на уроках истории, почему то умалчивалось, но полков иноземного строя на Руси половина всех войск. Нам же подавалось, что всё с нуля Петрушка создал. Ну да бог им судья.

Второй этап это правление Федора Алексеевича, как в той истории. Но я с ним. Значит

пусть он свои дела делает, а я свои. Мне же важна экономика, та часть, где зарабатывание денег. Во вторых армия. В третьих флот.

Третий этап, когда сознание Федора полностью сольётся с моим. И я уже во всех смыслах буду править один. Помню что в той истории, правившая после меня сестрица Софья дважды посылала войска на Азов. Потом Петрушка тоже дважды ходил. Мне же эти прогулки ни к чему, пользуясь послезнанием, возьму за один раз. Дальше война со шведами, думаю, что строить на болотах Санкт Фёдорбурх не буду. Есть уже отличный город-порт Рига.

Ну и, пожалуй, самое главное собирать вокруг себя верных людей. К примеру, столько людей умерло до нынешнего дня. Сколько умрет после, а врач всё один и тот же. К сожалению, я ему ничего предъявить не могу, может он и не виноват. Но всё равно, надо искать других более умелых.

Так в думах я и заснул. На следующий день попытался развить попаданческую деятельность. Для начала хотя бы встретиться с батюшкой.

— Ага, счас. Поневоле вспоминается, песенка, всё могут короли. Не знаю как королям, а нам царям непросто. Ну и что с того, что я не царь пока. С батюшкой встретиться не мог, потому что у Государя Алексея Михайловича весь день расписан. Кстати у меня тоже.

Были бы часы, можно бы засечь, когда батюшка освободится и мне подойти.

Часы у меня есть, как их описал один из моих дядек. Дядька это не брат отца, а наставник. Так вот про часы сказано было, что часы куплены у иноземца Галанской земли Логина Фабричьуса. Часы боевые, столовые, медные, золоченые, с перечасьем и с будильником немецкого дела, самые добрые.

Это конечно всё хорошо, но на руку такие не оденешь. Стоят себе у стенки и пусть стоят.

Я же прокрутился весь день. Сначала с сестрой Софьей делал уроки под руководством Симеона Полоцкого.

После обеда игры. Ну как игры, совместно со своими ровесниками, которым позднее суждено стать моими стольниками. Стрельба из пушек, из луков. Вот только меня единственного не допустили до верховой езды. Свежи были воспоминания, как я слетел с коня. Впрочем, здесь мы с Федором Алексеевичем удачно соединились. Он в конях души не чаял. Я тоже равнодушен не был.

Кстати можно заняться разведением коней. Вывести новую породу коней, за сто лет до графа Орлова. Кто знает, может и не будет, в дальнейшей истории Руси никакого Гришки Орлова, ни его братьев.

День пролетел незаметно. К тому же это был декабрь месяц. Я в отличие от других попаданцев, про которых читал, отменять современный календарь не собираюсь. Пусть будет новый год в сентябре, а год сейчас семь тысяч сто восемьдесят четвертый. В конце концов от того какое летоисчисление, положение в экономике не изменится. Помню, как в том моём мире Пётр 1 поднимал экономику с помощью бритья бород. Но я-то помню, что при Федоре Алексеевиче бороды бояре брили добровольно, никому тупыми ножницами не приходилось отрывать. Мне же это только предстоит сделать.

На удивление набегавшись, я рано завалился спать, ну а что делать, на улице мрачная темень, до изобретения телевизоров и интернета, ещё столетия.

Утро началось стандартно. Молитва, Завтрак. Занятия.

Даже грустно. Сын с отцом не может поговорить. В этом плане простые люди, гораздо

проще живут. Однако нет, батюшка сам зашел меня проверить, тут я и напросился на разговор.

— Батюшка, вот у нас общий двор. Точнее даже всё твоё. Это конечно правильно. Но я подумал, что мне нужен свой двор. Свои повара, свои лекари, свои конюшие, свои столы. То есть я хочу, как бы учиться царствовать. При том ты всегда будешь рядом, всегда подскажешь. К тому же вспомни, как ты начинал царствовать. Мятаж, привычных людей вынужден был удалить. Я же взойду на трон со своими людьми, никто мне не посмеет мешать.

— Хорошо говоришь, сынок. Вот только, что ты с моими людьми делать будешь?

— Те, кто сразу примет меня за государя, с теми делить нечего. Ну а те, кто начнет наушничать, да свары заводить, тех подвину.

— Хорошо сынок, я подумаю. Скоро день рождения, тогда и поговорим.

Отец пошел, но у двери повернулся.

— А где ж ты новых поваров, да постельничих возьмёшь?

— Ну, у тебя же есть повара, да постельничие, вот пусть их дети будут. А я присмотрюсь.

— Хорошо, сынок, не возражаю, но до дня рождения не торопись.

Отец вышел, а я мысленно хлопал в ладоши. Всё получилось. По прошлой истории знал, какая сумятица будет после смерти отца. Все власть начнут делить, да влияние на меня. А тут стоп, у меня уже свои помощники.

Итак, первый этап разделился на два, до дня рождения. Всё как обычно. И после дня рождения, там скорей всего будут изменения. Какие-нибудь, но будут обязательно.

А пока дни летели за днями. Забавно, одно дело знать. А другое, быть непосредственным участником.

Я, конечно, знал, что Федор Алексеевич играл на музыкальных инструментах. Но теперь это был я. Я разговаривал на польском языке. Читал стихи на латыни. Также стрелял из пищалей затинных и ручниц. Вот только затинная пищаль это пушка. А ручница это уже ружьё.

Возился с лошадьми.

Что удивительно всё это было привычно. Всё это я умел. Вот представьте, вы умеете ездить на велосипеде. А потом долго не ездили. И вот вам выпала возможность спустя годы, снова сесть на велосипед. Первый момент побаиваетесь. Потом увлекаетесь. И едете, как ездили раньше. Так и я. Сначала побаивался, а потом всё шло и шло хорошо. В конце концов, чего мне бояться, если я чего — то не умел в прошлом или будущем. Короче в прошедшем будущем, то теперь это я умею. И умею и знаю больше, чем раньше.

Кстати с батюшкой мы виделись почти каждый день. Он либо посещал занятия. Либо наблюдал за военными играми.

Так прошла зима, Пролетела весна. Ведь мой день рождения 30 мая.

Дни рождения сейчас не праздновали. Подумалось, надо ввести привычку отмечать эти даты. Сложностей никаких. Начну праздновать, за мной подтянутся придворные, за ними бояре.

И, да праздновать не праздновали, но подарки дарили. Это была какая-то куча мала. Все хотели прогнуться перед наследником. Среди подарков была одежда, оружие. Зная мою любовь к лошадям и лукам, дарили и это.

Но, пожалуй, самым забавным подарком, был медвежонок, бьющий в барабан. Кто-то

скажет эка важность удивить на Руси медведем. Пусть даже дрессированным. Но это был необычный медведь. Даже не медведь. Это была заводная игрушка. Что для нынешнего времени необычно и дорого. Сами подумайте обычная корова, кормилица семьи стоила два рубля. А медвежонок этот стоил тридцать рублей.

Но самый большой подарок, конечно, сделал батюшка.

— Ну что, Федя, ждёшь, не дождёшься моего ответа.

— Да уж, батюшка, совсем извёлся.

— Не гоже, так, Федя, государь должен быть терпелив. Ждать своего часа.

— Но ведь так можно и не дожждаться.

— Можно и не дожждаться. Всё в воле божьей. Но предложение твоё мне понравилось.

Увидеть при жизни своей, каким правителем ты становишься. Вот держи.

Батюшка протянул грамоту, в которой сказывалось, что в дар мне переходит Измайловский остров, что на восток от Москвы.

— Но смотри, Федя, усадьба отныне твоя. Однако и гости там будут, и я буду наезжать, и театр остаётся. Тебе ведь люди нужны. Надеюсь, пока я жив, ничего перестраивать, не будешь.

Я пообещал, что менять не буду без его позволения. Очень хотелось, ехать скорее, но уже был вечер. Думал от волнения, не засну. Получилось наоборот. Не только заснул, но и проспал.

Но проснувшись, начал гонять всех своих и батюшкиных. Со мной ехали не только мои стольники, которые пока таковыми не считались. Просто друзья для игр. Была и взрослая охрана, стрельцы, десяток воинов иноземного строя и десяток рейтаров.

Помолившись и позавтракав, мы помчались к новым впечатлениям. От Кремля до моего нового места жительства, по прямой линии километров одиннадцать. Но сначала узкие московские улицы, с уже попадавшимися прохожими и возницами. А потом, наконец, свободная дорога. Но тоже не Щёлковское шоссе.

Дворец в Измайловском селе был хорош. Стоял он на острове, который окружала цепочка прудов. Я понимал, что, несмотря на то, что батюшка этот дворец мне подарил, всё равно настоящим хозяином оставался он. Государь на Руси истинный хозяин всего.

Однако меня это не напрягало. Главное было иметь пусть относительную свободу. Тем я выигрывал небольшой отрезок времени. Потом через полтора-года государь освободит трон. Но если в той истории Федор Алексеевич долго болел и на трон взошёл спустя полгода после смерти отца. То сейчас я венчаюсь на царство сразу же после смерти батюшки. И если, как говорит Прохожий, править я буду долго, то уже ни сестричка моя Софья, ни братик младшенький Петруша трон не займут. И пойдёт история по другому руслу.

А пока я обживал новое место жительства. Набирал войско. Точнее не войско, а людей преданных мне, которые позднее будут сухопутными и морскими офицерами, дипломатами и прочими чрезвычайно важными персонами служащими мне и государству.

Тут подошел сентябрь, и отметили наступившее 7182 новолетие или по европейски 1672 год.

В общем, я старался не делать резких движений, каких-то реформ. Зачем напрягаться, если вскоре всё будет мое, и я спокойно буду строить новую Русь. Пока же просто делал заготовки, записывал какие преобразования в первую очередь.

Так в заботах и учебе пролетело это лето. Отметили наступившее 7183. Здесь батюшка официально объявил, что я теперь наследник и после его смерти буду следующим царем.

А затем не прошло и полгода, как батюшка скончался. Спустя семь дней в Успенском соборе патриарх Иоаким венчал меня на царство

Глава 1. Лето 7184. (год 1676)

— Проходи Артамон Сергеевич, присаживайся, кваску испей. Вот Милославские говорят, что злоумышляешь против меня, государя твоего.

Боярин, только примостившийся за стол, вскочил, как молоденький, упал на колени.

— Государь, лжа и напраслина. Не виноват. Воистину оговор.

Со стороны, наверно смотрелось дико, боярин с бородой, стоял на коленях перед тринадцатилетним отроком. Ну а как иначе, отрок сей был государь московский Фёдор Алексеевич, а боярин пусть и высокого чина, как-никак Глава Посольского Приказа, но всё же подчинённый государя.

Я встал со стула, подошел к боярину.

— Ну, вот что Артамон Сергеевич, пригласил я тебя, не для того, что б обвинять. Помощь мне от тебя нужна, как раз по твоей должности, присаживайся.

Дьяк сел за стол, в два глотка выпил литровую кружку квасу.

— Прости, государь.

— Ничего. Вот для того, чтоб никто зря языками не трепал, хочу я тебя отправить из Москвы. Дело как раз по тебе поедешь в Митаву к герцогу Курляндскому Якобу. Задание же моё будет таково, ну, во-первых, конечно же, мир, дружба, помощь. Это важно. Но обязательно договорись, чтобы к нам ехали корабелы и моряки.

— Государь дозвошь спросить?

— Говори.

— У Руси же нет выхода к морю, разве что в Архангельске.

— Вот что, Артамон Сергеевич. Служил ты моему батюшке, верой и правдой, надеюсь и мне, так же послужишь. Потому открою, то, что пока тайна. Собираюсь брать город Азов на юге, и возможно придётся воевать со Швецией, где тоже корабли понадобятся.

Я протянул грамоты, лежащие рядом со мной, на столе.

— Вот бери. Сдавай Приказ дьяку Украинцеву Емельяну и, не откладывая в долгий ящик, собирайся с посольством.

Здесь надо пояснить, почему я тороплюсь с взятием Азова. Вспомним то, что после смерти Федора Алексеевича, Русью правила сестра Софья. Так вот при ней дважды ходили брать Азов и оба раза неудачно.

Потом власть взял Петр. Тоже два раза ходил на Азов. Первый посуху и неудачно. А второй раз с кораблями, построенными на Воронежской верфи.

Вот и мне, чтоб туда-сюда народ не гонять, надо строить корабли в Воронеже, чтобы с первого раза взять Азов. Но этого мало. Надо и крымских татар, турок значительно подвинуть, чтоб не получилось, как в прежней истории тот же Азов обратно туркам вернули.

А пока надо послать гонца в Воронеж. Пусть лес корабельный заготовливают и сушат.

Так с Матвеевым разобрался. Теперь, надо что-нибудь поручить Ивану Богдановичу Милославскому. Тот тоже вроде бы мой сторонник, но и себя, свою семью не забывает. В Казань отправить, как было в той истории. А может сразу в Воронеж, пусть следит за строительством верфи. Сделаем, как было при Петре Воронежское Адмиралтейство.

Впрочем, легко сказать, но трудно сделать. Тяжелой оказалась Шапка Мономаха. Оказалось что большую часть времени я занят, не тем, что хочу, а тем, что должен. Возможно, позже я втянусь, ведь идёт только неделя, как я взошёл на трон, но надо

освобождать время для личных дел. К тому же у царя нет личных дел, любое дело государственное.

Иван Богданович в панику не впадал. Всё-таки по матушке он мне двоюродный дядя. Выслушал молча, единственно уточнил, не рано ли по зиме ехать. На что я сказал:

— Можно не торопиться. Выехать, когда снег сойдёт, земля подсохнет. Время терпит. Вот только как узнать, сегодня некуда спешить, а завтра времени не хватает. Так что, дядя, не тороплю, но и не затягивай. Лучше приехать и осмотреться, чем всё второпях делать. Повтори-ка задание.

— Государь, приехать в Воронеж. Оглядеться, где больше корабельного леса, тот лес пилить и сушить. А на слиянии рек Дон и Воронеж строить верфи. Только, государь, не строили мы этих верфей.

— Ничего, главное лес пилить, надеюсь к нужному времени, мастера подъедут. Вот тебе в грамотцах всё подробно отписано. Ну, ступай.

Боярин откланялся и вышел.

А на следующий день пришел в Боярскую Думу с указом, да бы указ сей Дума утвердила. В указе говорилось.

С сего времени стольником и стряпчим, и дворянином московским, и дьяком и жильцом, и всяких чинов служилым людям носить служилое платье ферязи и кафтаны долгополые для того: по его, великого государя, указу они... бывают на его государевых службах в полках носят ферязи и кафтаны и иное служилое платье, а к Москве приехав вместо того служилого платья носят городовое платье охабни и иное и в той перемене чинятца им убытки большие и для того то городовое платье охабни и иное отставить, чтоб впредь вышеписанных и иных чинов служилым людям в том убытков не было, а коротких кафтанов и чекменей никому не носить не которыми делы, а носить всем то служилое.

Надоело мне, что все ходят, в чём попало. Правда получилось не совсем по моему. Такое впечатление, что многое говорил настоящий Фёдор Алексеевич.

В принципе это мне не только не помешало, а скорее помогло. К тому же, уже не в виде указа, а в виде пожелания высказал, чтоб бороды брили, и волосы на голове стригли.

Ну, мне это не трудно было. В мои пятнадцать лет бороды ещё не было. А вот чтобы объяснить. Какую стрижку хочу, пришлось одного стригаля подстричь, чтоб другой по образцу меня подстриг.

Хорошо быть царем. В царстве пока ещё мало было нормальных зеркал. У меня же были, в этих зеркалах смог оценить работу стилистов семнадцатого века. Не совсем то, но надежда есть, что со временем будет похоже на то, что хочу.

На следующий день Боярская Дума собралась в единой одежде. Уже хорошо. Хотя большинство пришли с бородами и нестриженые. Ну что ж главное начало положено. Да и перед входом надо бы раздевалку организовать, а то сидят в шубах, потеют, воняют.

В другой истории, Федор Алексеевич, после смерти отца долго болел. Потом только в июне венчался на царство. А я уже задолго до дня рождения царь. И наверно не стоит ждать. Поэтому за два года, до того, как было в реальной истории, приказал провести перепись населения. Но это дела внутргосударственные, от батюшки досталась мне в наследство война с Турцией. Ещё при жизни батюшки, некий гетман Дорошенко прислал все знаки власти, кроме булавы. Казалось бы всё хорошо. Но Дорошенко отказался сдавать город Чигирин. А Чигирин был второй столицей Запорожского казачества. Как говорили сами казаки: “Кто владеет Киевом и Чигирином, с тем и мы будем”. Киев был под нами под

Москвой. В Чигирине же сидел гетман Дорошенко, которого тянуло к туркам. Вот и сейчас мы вынуждены были выжидать, куда пойдут турки. Пойдут к Чигирину, придётся отступить. Пойдут на Речь Посполитую, будем брать Чигирин.

Но пока у меня есть небольшой бонус. Даже если история пойдёт по другому пути, а она обязательно пойдёт, ближайшие лет шесть отклонения будут незначительные, значит, мне просто готовиться к тому, что будет.

Например, та же война с Турцией. Конечно, надеюсь, мы её разобьем быстрее, и урон нанесем сильнее. Вот тогда для меня всё будет внове, потому что история пойдёт по другому пути. А если Прохожий меня не обманул и Фёдор Алексеевич, то есть я, не умру в ближайшие шесть лет, то всё будет по — другому. Не будет Софья гонять войска на Азов. Не будет стрелецкого восстания, и гибели многих верных трону бояр. Петр не будет завозить табак, и уничтожать русские традиции. Правда, возможно, не будет и Санкт-Петербурга. Я имею ввиду, не название, просто пока не решил, стоит ли закладывать крепость в устье Невы.

Ну а пока, готовятся рейтары, конные войска. Отливаются пушки. Тренируются войска иноземного строя. Хотя возможно с небольшой переделкой и стрельцов сохраню.

Так что телега истории громыкает на стыках времен, можно и поспрашивать. Что поспрашивать? Так у меня, точнее у Федора Алексеевича день рождения приближается. Надо себя любимого порадовать. Понятно, что подарки будут, но и чтоб развлечения были.

День рождения приближался и чтоб не запутаться, приказал писарям писать грамотки пригласительные. Как бы все кого пригласил ближние люди, а кому грамотки не досталось, извини, подвинься, знать не судьба.

Всех кого пригласил, перечислять не буду, ибо пришлось пригласить всю Боярскую Думу с чадами и домочадцами, чтоб обиды не было. А этих думцев почти семьдесят, да их семьи. Пригласил мачеху, Наталью Кирилловну, но без детей. Ибо старшему Петрушке всего четыре года.

Кстати и здесь я не прогрессор. Дело в том, что первый раз день рождения государя или день всемирной радости отпраздновали, как раз 30 мая 1676 года.

День был солнечный, тихий. Поэтому праздник состоялся не во дворце, а на лужайке.

На возвышении стоял мой стол. От него лучами расходилось ещё несколько столов. Понятно, что ближе ко мне сидели, так сказать приближенные, те, кому я доверял или вынужден был считаться. Был женский стол, потому что Наталью Кирилловну или Анну Петровну Хитрово далеко не посадишь. Но надо считаться и с традициями. Мужчины отдельно, женщины отдельно. По этому поводу был и детский стол, ну как детский, там сидели взрослые дети бояр и стольников, но ещё не замужние и неженатые. Вот их я посадил вместе. Мужская половина по одну сторону стола, женская по другую.

Но обед был потом. Сначала подарки. Все знали, что самым ценным для меня подарком, конечно же, кони. Но не все могли сделать такие дары. Впрочем, подарками завалили. Да и мне ли жаловаться. Потом посмотрели короткое театральное представление. Наконец сели за стол. Вот всегда, удивлялся, как в этом времени умеют, есть. Бесконечно. Поэтому я встал из-за стола. Сразу все зашевелились. Но я сказал, что сегодня особенный день, поэтому не обязательно соблюдать обычаи. Ведь сегодня первый раз отмечается День рождения Государя. Кто-то очевидно изрядно выпивший опустил на своё место. Кто-то встал, не зная чем заняться.

Я прошёл к балаганщикам. Батюшка запретил скоморохов. Ну что ж балаганщики, это

уже немного другое, скорее цирковые артисты.

Потом прошел к тиру. По моему приказу была установлена загородка, где периодически стреляли мои снайперы. Как долго я их выбирал из всех умеющих стрелять. К тому же специально для них были закуплены винтовальные ружья.

Народ начал потихоньку разбредаться, кто-то смотрел балаганщиков, кто-то пытался догнать снайперов в точной стрельбе. Где-то образовывались кучки по интересам. Особенно молодёжь, которая легко учится всему новому.

Но вот два боярина вцепились друг другу в бороды, не найдя других доказательств в споре. Разнял я их простым образом. Прямо при всех зачитав указ, что эти бояре отныне всегда будут ходить с босым лицом. Если же нарушат мой указ, то это коснётся и их детей.

До ночи было далеко, но солнце уже начало своё движение к горизонту. Тогда я приказал обозначить окончание праздника пушечным салютом.

Потом я прощался с каждым гостем или каждой семьёй. На удивление немалая часть гостей, оказалось, живет здесь в Измайловском замке.

Казалось бы, спи спокойно, после столь бурного дня. Но что-то меня потянуло деньги посчитать. Точнее мысли пошли с формулы, которая возникла в моей голове. Есть деньги, можно спокойно воевать, а воюешь, чтобы были деньги. Будет выход на моря, будем сами товары возить. Вон у батюшки, какие поля здесь в Измайловском. И лён, и конопля. Первый раз, когда про коноплю услышал, завис. Но до появления наркотиков ещё лет двести. К тому же наркотическая конопля растет в Индии. А из местной конопли, получается отличная пенька. Дорогой, между прочим, товар.

Кстати Хамовники идёт название ото льна, потому что сейчас льняная ткань это хам.

Так что торговать есть чем. То что Азов я возьму, сомнения не было. Только южнее проливы под Турцией. На Балтике шведы. Единственное что прямо сейчас это строить верфи в Архангельске. Тут конечно есть небольшая проблема, Архангельск город летний, зимой Белое море замерзает. Мурманск незамерзающий северный порт построят в начале двадцатого века. Если сейчас построить? Но без железной дороги туда не добраться. Но это и не обязательно. Можно все корабли и товары перегонять на зиму в Мурманск. Однако пока это дальние мечты.

Очевидно, всё, что мне надо я обдумал, ибо не заметил, как погрузился в сон.

День начался обычно, не спеша. Я разглядывал подарки, в первую очередь те что стояли в конюшне. Наверно потому, сразу не обратил внимания на конский топот. И зря. Это примчался гонец из Кремля. Оказывается прибыли первые мастера из Курляндии.

— Ну, молодец, Артамон Сергеевич, не ожидал. Нет конечно и ждал, и надеялся. Но всё же так быстро уговорил мастеровых и отправил, и прибыли. Надо какую-нибудь награду. Сейчас нет ни медалей, ни орденов.

Гонец примчался пораньше, но и мастеровые вот-вот должны были прибыть.

Принял я мастеровых в Малом Зале. Выслушал, кто что умеет. Вопросов почти не задавал. Время покажет, как они будут работать. Единственный недостаток, всё это были младшие мастера. На родине, все места заняты, вечно работать в учениках. Здесь же у них есть надежда на будущий рост. Да и обещано им было много. А куда деваться если у меня таких мастеров нет, а нужны очень. Так что всё обещанное им я подтвердил и отправил обедать. После же готовиться к переезду к основному месту работы.

Воронеж показался на пятый день поездки. Кто-то скажет опасно в наше время на дорогах. Но пятьдесят рейтар впереди и столько же сзади. Да десяток стольников со мной,

промчались, никто и не чихнул в нашу сторону.

А съездить в Воронеж, я решил после того, как отправил туда мастеров корабелов. Надо было и самому посмотреть, что происходит. Конечно, доверял Милославскому, но доверие растёт с годами. А тут пока неизвестно вдруг ошибся.

Иван Богданович Милославский, окольник и боярин, тако же Глава мореходного строительства. Вместе со всей свитой встречал меня на въезде в город.

В это время Воронеж трудно назвать городом, хотя если бы, не восстание Степана Разина, так и стен крепостных не было.

— Ну здравствуй, дядя Иван Богданович, всё ли хорошо?

Мы обнялись.

— Божией милостию, все здоровы. Как ты государь?

— Да вот появились мастера-корабелы, едут сзади.

Я махнул рукой, а Иван Богданович, заглянул мне за спину, будто мастера вот-вот должны были появиться.

— Потому решил посмотреть, как дела идут.

— Дела идут. Но к корабельному строительству не готовы.

— Обожди, Иван Богданович. Давай сейчас в баньку, потом за стол. Ну а утречком, покажешь и расскажешь.

Смотреть, в общем-то пока было не на что. Лес пилился, свозился, сушился. Ни верфи, ни тем более кораблей не было. А вот то что рабочие жили в землянках. На это я дядьке попенял.

— Вот смотри, Иван Богданович, людишки в земле живут, в сырости. Ты саблю свою, тоже хранишь, как попало, вечером в лопухи бросаешь, утром идёшь махать, не вытерев, не наточив. Так и людишки, это инструмент, и инструмент не должен ломаться — болеть. К тому рабочие с опытом, становятся ценнее. Выйдем к морю, там корабли будем ставить, а мастера у нас уже есть, те кто здесь начинал. Так что у меня к тебе два пожелания. Пусть пока не для всех, но для лучших ставь дома. Кстати для тех мастеров, что из Курляндии приехали, их точно в землю не поселишь. Заодно и мне какой-нибудь летний терем поставь. Ещё не раз приеду.

Теперь второй вопрос. Лекарей побольше. Можно из простых людей, главное чтоб лечить умели. Люди это тоже богатство. Помрут все, и мы ничего не сможем. А мне сейчас и мастера и воины нужны.

Ну и наконец. Наказывать пока никого не буду. Но указ мой не выполняется. Все должны ходить в единой одежде. Ну а если бороды будете брить. Будете от мужиков отличаться.

Дома для мастеров-корабелов из Курляндии, поставили за день. Через несколько дней и они подъехали. Ещё раз обговорили условия оплаты и работы.

Счастливый я отбыл в Москву. Хотя это была радость в предвкушении. Как бы думалось, что корабли построены. Но договорились начинать строительство не ранее чем следующей весной.

А тем временем, на границах было неспокойно. Пришлось посылать пополнение на Дон.

На одном из участков Белгородской засечной черты, татары прорвались, попытались захватить скот. Но защитники черты отбили и полон и скот. В другом месте калмыки шалили, тоже безрезультатно. Но лучше, чтобы было тихо и спокойно.

Для этого князь Григорий Григорьевич Ромодановский совместно с гетманом Самойловичем отправились к городку Чигирин, чтобы покончить с протурецки настроенным гетманом Дорошенко. Но тот не стал долго сопротивляться, ибо турки не пришли на помощь, а среди запорожцев у Дорошенко поддержки не было.

В середине сентября Чигирин сдался Ромодановскому. А Дорошенко был отправлен в Москву. Теперь мне предстояло решать, что с ним делать.

А тем временем в Московском Кремле ремонт закончился. В моих покоях поставили кровать деревянную, резную, с шатром, с бахромой. Повесили зеркало, во весь рост.

Глава 2. Лето 7185 (год 1677)

Всю зиму без перерыва работала Боярская Дума. Собственно здесь я себя цену набиваю Дума так и так, работала три дня в неделю.

Были вопросы, которые решались мгновенно. Если слово мгновенно подходит к пяти заседаниям. На этих заседаниях решили и издали указ. Всех малолетних нищих высылать в украинные города, где нищие выполняют общественные работы, либо обучаются ремеслам. Тех, кто по достижении двадцати лет не научился ремеслу, отправлять в армию или флот.

В два раза больше заседаний ушло на то, чтобы обсудить калечение преступников, ссылкой. Раньше за воровство отрубали руки, ноздри вырывали и тому подобное.

И не сказать, что бояре злобные и мечтали жить в стране, где вокруг одни инвалиды. В первую очередь придерживались традиции. При дедах так было, и мы не будем менять.

Переубедить бояр удалось, когда я рассказал, что люди это инструменты, а инструмент должен быть исправен. Так что надо телесные наказания заменить ссылкой, чтобы было кому осваивать новые земли. Здесь я на свою голову предложил разделить наказания на три части. Особо тяжкие преступления, казнить смертью. Просто преступления, наказание ссылка. Ну а при небольшом ущербе и при отсутствии увечий у потерпевших, провинившихся отправлять в армию и флот.

Но это всё-таки были спокойные обсуждения. Страсти разгорелись, когда начали обсуждать сокращение Приказов. Сам подумайте, Разрядный, Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский и Приказ Сбора ратных людей, это же один Приказ по военным делам. Тут мне ещё Федор Алексеевич подгадил. Как какой? Тот самый в теле, которого я нахожусь. Прохожий же предупреждал Федор будет поддерживать, если я буду делать, так как он хотел и будет противиться, если я против. В той истории Федор Алексеевич прикрыл Разбойный Приказ. Я же сейчас хотел оставить, по сути, это обычное министерство внутренних дел. Ага, счас оставил, как меня заколбасило. Сначала думал простыл или ещё что. Но как-то догадался вовремя, потому что, как только меня отпустило, в Думе озвучил идею оставить Разбойный Приказ. Чуть с трона не улетел. Здесь уж я недолго сомневался. Махнул рукой, отменить так отменить, потом что-нибудь придумаю. Только так подумал, сразу полегчало.

Итак, все Приказы имеющие отношение к военному делу свели в один Приказ. А были там не только, к примеру Пушкарский или Бронный Приказы, но и Разрядный Приказ Провиантский Приказ. И назвали этот Приказ — Ратный. Ну не называть же его министерством обороны.

Адмиралтейский Приказ вывели из Ратного, но в нем были не только военные корабли и торговые и транспортные. Тем более, что в это время и торговые и военные имели пушки и большие трюмы.

Приказы Книгопечатный и просто Печатный объединили.

Все территориальные Приказы отменили. Но я предложил сделать Приказ новых территорий. То есть все вновь присоединённые территории год подчиняются этому Приказу. Приказ за год наводит порядок и рекомендует воевод, а я выбираю. Хотя могу и без рекомендации назначить, кого посчитаю нужным.

Но вскоре, моим заседаниям в Думе пришлось прерваться. Ну как пришлось. Из Воронежа примчался гонец с сообщением, что собираются начать закладку кораблей.

Сотню царских рейтар вёл ротмистр Долгоруков Борис Федорович. Для ротмистра бы

он молод, всего-то двадцать два года. Но я принимая на службу и давая это звание, так и сказал.

— Возможность командовать у тебя есть, теперь докажи, что я не разочаруюсь в тебе.

Что ж, командовал Борис, несмотря на молодость строго. Вот только содержание рейтар казне обходилось дорого. Всех рейтар. А царские особая статья. Я уж не говорю, что рейтары за государственный счет вооружались, брали доспехи. Коней из царской конюшни. К тому же на сотню в год выделялось жалование девять тысяч.

Здесь в своё оправдание могу сказать, что рейтары это передовые войска этого времени. Все вооружены стрелковым оружием. Несколькими пистолетами, карабином. Ну а уж когда заряды кончатся, идут в сабельную атаку. И не надо забывать, что все в доспехах. А это уже мини-танки семнадцатого века. Ну и для устрашения все доспехи красились в черный цвет. Это в обычных полках. Моя сотня имела, конечно же дорогие, более крепкие доспехи, которые не красились, а воронились.

В Воронеж мы прибыли, до начала распутицы. На север в сторону Москвы лежал снег. А здесь теплые ветры нагревали выглянувшую землю.

Уже привычно, встречал меня боярин Иван Богданович Милославский.

Мы сразу же проехали к месту закладки кораблей. В принципе смотреть пока было не на что.

Милославский просил дождаться государя, мастера наоборот торопили. Выбрали среднее, немного подождали и начали строительство.

Всё-таки я не мог сорваться в один день, как в прошлый раз. Надо было оставить заместителей на царстве, пять бояр из Боярской Думы решали насущные вопросы. Кстати перед отъездом дать задания Думе, чтоб всё обдумали и только после этого выехал.

Первый день в Воронеже отметили праздничным ужином. За столом были мои стольники и люди со стороны боярина Милославского. Мастеровых не приглашали, им на следующий день на работу.

Я почти не пил. Точнее совсем не испытывал тягу к спиртным напиткам, правда в этот раз потягивал из бокальчика гишпанское вино. По правую руку сидел дядя Иван Богданович.

— Так что, государь, неужто пойдем турка воевать?

— Пойдем, боярин, пойдем. Не даст нам турок спокойно жить.

— И Азов будем воевать.

— А без Азова сейчас совсем нельзя. Для того и корабли строим.

— Государь, пойдёшь на Азов, возьми с собой.

— Ну как не взять. Возьму. Ты же Иван Богданович с поляками воевал, со шведами дрался, даже от разбойника Стеньки Разина оборонялся. Так что теперь тебе сам бог велел на турка сходить.

После вечерних посиделок проснулся, когда солнце было высоко. Это летом ложусь попозже, встаю пораньше. А сейчас куда спешить. Позавтракав решил ещё раз съездить на строительство кораблей.

Рейтары здесь жили отдельно. В прогулке сопровождал меня, дежурный десяток. Рядом ехал ротмистр, о чем-то разговаривали. Вдруг из толпы работников выскочил мужик с топором. Как то все расслабились, поэтому мужик успел добежать. Сразу я не понял, споткнулся или нарочно упал на колени, впрочем, не выпуская топор из рук. Подъехавшие рейтары, схватили мужика, выбили топор, ударили, хотели тащить для допроса.

— Подождите!

Мужика снова бросили на колени. Я спрыгнул с коня.

— Кто таков? Что хотел?

— Смилуйся, государь. Челом бью. Дочка у меня, забрали дочку.

— Кто забрал? Зачем?

— Люди твои. Дочка у меня Евдокия, повитуха. Сказали, будто лекаркой возьмут.

Я оглянулся. Подъехавший боярин Милославский, пожал плечами.

— Ладно, с дочкой разберемся. А с топором, зачем бросился?

— Так я это. Плотник я. Нельзя мне без топора.

Боярин Милославский показал на свою свиту.

— Вот Тимофей Ильич, про лекарей всё знает.

— Хорошо, плотника отпустите. И топор верните. Поедем, посмотрим на лекарей.

Мы подъехали к бараку, который должен был символизировать лечебницу. Идея была моя, но люди строившие сие заведение, не представляли, как должны выглядеть лечебницы. Впрочем, мне понравилось, лучше так, чем в каждой каморке, больные без ухода.

Однако повитухи здесь не было. Она пошла работать по своей специальности, то есть принимать роды. Нас проводил лекарь, кстати тоже не иноземец.

Роды очевидно прошли. Из дома вышла женщина, не видя нас, повернула в другую сторону.

Очевидно, напугали её догнав целым “войском”. Но виду не подала. Повернувшись, слегка поклонилась всем сразу.

— Здравствуй, Евдокия.

— И тебе, поздорову.

— Говорят ты повитуха хорошая. Поедешь со мной в Москву?

— Зачем тебе повитуха?

— Не мне конечно. Сестры у меня, тетки. Да мало ли кому может понадобится. А хороших повитух нет. И батюшка твой не будет волноваться. У меня тебя никто не обидит.

— А батюшку мово возмёшь? Он древодел хороший.

— Ну что ж если хороший, возьму. Готовься. Земля подсохнет и поедем.

В Воронеже пришлось задержаться ещё на несколько дней. Ударили морозы, не надолго, но потом развезло дороги. К тому же теперь не все ехали верхами. Со мной ехала лекарка Евдокия, пришлось и отца её взять. Пригласил на день рождения Иван Богдановича. А он тоже не молод, чтоб верхом ехать. Так что в этот раз и выехали позже и ехали дольше.

Конечно я обрадовался, когда показалась Москва, но въезжая в эти узенькие, кривые и грязные улочки, настроение опустилось.

Ну, ничего. Вспомнилось, что именно Фёдор Алексеевич улучшил канализацию в Кремле. По его инициативе строились каменные дома и мостились улицы. Даже кредиты выдавались под строительство каменных домов. Так что тогда он, а теперь я, буду улучшать Москву.

Поехали сразу в Измайлово. Хорошо в двадцать первом веке МКАД есть. А сейчас одна дорога через Москву.

Приближалось две даты, счастливая дата, мой день рождения. И неприятная дата, наступление турок.

День рождения можно сказать, прошёл почти привычно. Почти те же гости.

А вот война с Турцией шла уже несколько лет. Это если можно так сказать, была сезонная война. На зиму турки и крымские татары уходили на юг. С наступлением тепла и

появлением травы шли в наступление.

Вот и сейчас решили взять Чигирин, который отошел к Руси год назад.

Для меня пока был бонус, я знал, как прошли эти бои. Поэтому представлял, где можно вмешаться, а где и так, без меня всё будет хорошо.

Турецкая армия под командованием Ибрагим «Шайтан» паши выступила из лагеря под Исакчей 6 июня и двинулась к Чигирину. В походе к ней присоединились крымские татары во главе с ханом Селим-Гиреем, а также молдавского господаря Антона Росетти и валашского Георгия Дуки. 13 июля турецкая армия была в Тягине (Бендеры), 23 июля переправилась через Буг у Песчанного брода на Кучманском шляхе, и 30 июля передовой отряд крымских татар показался в окрестностях Чигирина. Основные силы Ибрагим «Шайтан» паши подошли к городу 3 августа и встали лагерем в версте от городских стен (крымский хан с основной ордой прибыл 10 августа), и с этого дня началась осада Чигирина.

В первый же день осаждённые сделали вылазку. Около тысячи стрельцов, и более тысячи казаков. Бой продолжался целый день. Удалось отогнать турок от крепости. Первая небольшая победа.

Но это было только начало. На следующий день турки отрыли шанцы и поставили в пятидесяти сажнях или примерно всего в ста метрах две батареи из шестидесятифунтовых и пятидесяти фунтовых орудий. Затем турецкий командующий послал в крепость требование о сдаче. Получив отказ, турки за два часа до рассвета, открыли огонь по городу. Бомбардировка продолжалась весь день. Тяжелые орудия подавили артиллерию крепости и разрушили верхнюю часть стены.

Потом враг продвигался каждый день примерно по десять сажень. Наконец остановившись на расстоянии в двадцать сажень, теперь турки вели стрельбу практически в упор.

Тогда стрельцы и казаки произвели вылазку, закидали турок гранатами и перекололи врага копья, захватив ближнюю траншею.

После чего усилили свои укрепления, насыпав позади разрушенной стены новый вал. На котором поставили пушки.

Видя упорное сопротивление турки применили своё тайное оружие. Дело в том, что у них в плену был один из гетманов Запорожья Юрий Хмельницкий, сын Богдана Хмельницкого. Этот Богдан известен тем, что подписал договор о дружбе между Московским царством и Гетманщиной. Так вот турки понадеявшись, что влияние Юрия Хмельницкого так высоко, что он поссорит казаков со стрельцами.

Получилось наоборот. Стрельцы видя, что казакам можно доверять, усилили оборону, добавив ещё больше казаков в охране стен и вала.

Артиллерийская и ружейная перестрелка под Чигириным продолжалась несколько дней.

В один из дней стрелецкий полуголова Иван Дуров с отрядом из шестисот стрельцов и пятисот казаков произвел вылазку, закидав турок гранатами, бросились врукопашную. «Повеселились» изрядно. Но турки подтянули подкрепление. И русскому отряду пришлось скрыться за стенами.

Затем турки, подвели подкоп под одну из стен. Разрушив стену, крупными силами бросились в брешь, но снова были отбиты.

Через неделю, туркам удалось взорвать восемь сажень стены. И в эту дыру повалило турецкое войско. Здесь уже малым отрядом не отделаешься. Навстречу туркам вышли

двенадцать стрелецких сотен и казаки. И снова удалось отбиться.

После чего наступило позиционное затишье. То есть с одной и другой стороны стреляли пушки и ружья. Стрельцы изредка делали вылазки. Удалось даже захватить три турецких знамени. Вовремя заметили подкоп.

И тут случилось чудо. Время такое было, чудеса иногда случались. Раненый стрелец Фрол Балябин во сне видел старца в иноческом одеянии. Старец сей повелел, чтоб держались крепко, ибо помощь уже близка.

Тогда чигиринский воевода генерал-майор Трауэрнихт по этому поводу устроил торжественный молебен для поднятия духа гарнизона. А священники окропили стены святой водой.

Тем временем турки подбирались всё ближе, засыпая рвы землёй и обстреливая город зажигательными стрелами и бомбя мортирами.

Но через два дня после молебна в город распустив знамена и под барабанный бой вошли восемьсот белгородских драгун подполковника Фадея Тумашева, восемьсот сердюков Данилы Жеребиловского и четырёхсот казаков Лубенского полка.

Ещё через два дня в Чигирине слышали стрельбу со стороны Днепра и поняли, что русско-запорожское войско вышло к реке. На следующий день Ибрагим паша и крымский хан со значительной частью войска выступили к Бужину перевозу.

Чтобы помешать переправе русского войска, крымчаки бросились к переправе. Но опоздали и были отогнаны артиллерийским огнём.

Наши войска начали переправляться через Днепр, ну а татары беспорядочным огнём пытались помешать. Их разогнали пушечным огнём, с левого берега. Где установкой пушек руководил сам Ромодановский. Благодаря этому передовые части переправились без потерь и в короткой схватке отбросили турецкий отряд и заняли плацдарм.

Генерал майор Шепелев принял командование войсками на правом берегу. Туда же на правый берег переправился Второй Выборный полк Матвея Осиповича Кравкова и полк Патрика Гордона.

Лишь во второй половине дня турки атаковали русские позиции. Однако полки отбили и эту атаку. Ибрагим Паша, послал подкрепление, а сам ещё раз попытался взять Чигирин.

Но Ромодановский и Самойлович переправили уже пятнадцать тысяч и сами перешли в атаку.

На следующий день сражение продолжилось. Но здесь и рассказывать нечего. Турки были разбиты на голову. На поле боя остались лежать сын крымского хана и сыновья паша. Турок погибло около десяти тысяч убитыми, у русско-запорожского войска потери оказались меньше две тысячи пятьсот убитыми и пять тысяч ранеными.

Ибрагим-Паша был вынужден снимать осаду с Чигирина и бежать. Кстати и с нашей стороны победа могла оказаться поражением. Так боеприпасов оставалось дня на три.

По представлению я присвоил очередные звания. Аггей Шепелев стал генерал-поручиком, а Матвей Кравков генерал майором.

Единственное удовольствие, что турки при отступлении оставили значительные запасы продовольствия, ядра и гранаты.

Теперь нужно готовиться к следующему году. И если я ничего не изменю, то турки возьмут Чигирин.

Но это всё на юге земель Московского царства. А в Москве тем временем Боярская Дума во всю думы думала.

Боярская Дума ввела подворное обложение вместо посошного. Здесь всё ясно, был налог с сохи, теперь с каждого двора. Впрочем и здесь идея не совсем моя, а того настоящего Федора Алексеевича. Идея хорошая, должна повыситься собираемость налогов. Но налоги не единственный и не самый лучший способ пополнения казны.

Нужно было наводить порядок и в простой уличной жизни. Потому Дума запретила монахам шататься по улицам, держать крепкие напитки. Монахиням запрещалось держать торговые лавки. Нищих же, которые в Москве никому прохода не давали, велено было разобрать. Те кто действительно больны содержать за счет царской казны со всяким довольством. Вот такое социальное общество при царе. Ну а ленивых и здоровых отправить на работы.

Пока все эти указы решались Боярской Думой, я решил съездить на встречу с победителями в битве за Чигирин.

Послал гонца, чтоб все командиры прибыли в Воронеж для дальнейшего обсуждения войны с турками.

— Итак, господа в первую очередь я собрал вас, чтоб поздравить с победой под Чигирином. Аггея Алексеевича со званием генерал-поручика, а Матвея Осиповича генерал-майором. Потом вручил золотые полковникам и гетману Самойловичу.

— И ещё сообщение Приказы, стрелецкий, рейтарский, пушечный, и все прочие воинские, объединены в один Приказ Ратный. Управлять этим Приказом будет боярин Ромодановский Григорий Григорьевич.

Я думал, все кинутся поздравлять воеводу. Но очевидно в присутствии Государя такое было неуместно.

— Это всё что я хотел вам сказать. Теперь вопрос. Не секрет, что османы захотят взять Чигирин в дальнейшем. Что делать будем?

И опять тишина. Очевидно, военачальники не знали что делать.

— Иван Самойлович, скажи ты можешь увеличить своё войско. Добавить казаков в сам Чигирин, ну и в свой отряд.

— Сделаю, государь.

— Ну я со своей стороны стрельцов пошлю и в Чигирин, и в Белгородский разряд. Чтс ещё сказать. Пушки льются, в Чигирине стены укрепляются.

Больше никто ничего не добавил. На этом и разошлись.

Мы не спеша ехали возвращаясь в Москву. За лето дорогу привели в божеский вид. Поставили постоянные дворы. Здесь всё было хорошо. А вот что делать с будущим наступлением турок или как сейчас говорят османы. На моей стороне было то, что я примерно помнил, когда турки выступят. Можно подготовиться. Но наверно надо больше войск. В той истории осман было больше русских войск, в два раза. Самойлович обещал привести больше казаков. Мне надо больше послать стрельцов. Ну и те ошибки, которые были сделаны московским войском, на этот раз не допустить.

Второй вопрос деньги. Пока казна прибывает. Но надо увеличивать количество мануфактур. И самое главное выход в море. Морская торговля в это время самая выгодная. Но Азов к сожалению не в этом году и не в следующем. Значит пока Архангельск и возможно Курляндия. Хотя герцог Якоб Кетлер через четыре года умрет и всё посыплется. Но сейчас можно купить готовые корабли и возить товар. Пока из Либавы, потом из Архангельска. А начинать надо срочно.

Глава 3 Лето 7186 (год 1678)

Кстати возвращаясь к стрельцам. Помня, как в той истории, стрельцы в силу своей независимости частенько устраивали бунты, я решил сделать из них пограничников. Пусть пока такого слова и нет. Но мало — помалу всех стрельцов переведу на охрану северных, западных, южных и восточных рубежей.

Все знают про русско-турецкие войны, русско-шведские. Но мало кто помнит, что в конце семнадцатого века была “Албазинская война”. Маньчжуры напали на русский город Албазин. Увы, получилось, как всегда. Русские войска победили во всех битвах, но из-за нехватки продовольствия были вынуждены отступить и уступить часть земель.

Но это всё будет через десять лет, пока же шла война с турками. Поэтому я отправил несколько стрелецких полков в Чигирин. А Ромодановский собрал дополнительное войско в Москве и направился в Белгород, чтобы объединиться со стоящими там войсками и уже после идти на поддержку Чигирина.

Пока всё предварительно. Главное не повторить ошибок той истории. Занять заранее высоты и переправы. И ни в коем случае не сдавать город. Как говорили историки, что сам царь, Федор Алексеевич распорядился если город не удастся удержать, то взорвать его. В этой истории удержание Чигирина будет явной победой.

На Руси была война. И в душе моей была война. Казалось разве можно праздновать, тот же день рождения. Но стоило мне заикнуться, что в этом году необязательно, как все столычники взвились,

— Да разве можно, Государь? Весь народ ждёт.

— Да! Подумалось, — Приучил, но ведь здесь не только праздник, но и встречи с разными людьми. Послы всех государств обязаны быть. И каждому надо уделить, хотя бы пять минут.

И потом нет, не телевидения, ни интернета, что в данный день происходит, могу только догадываться. Вот только пить на собственном дне рождения нельзя. Нет не по болезни. Просто хорош будет государь напившийся. Да ещё взять и обоссать колесо чьей — ни будь кареты. Такой праздник и такой государь запомнится и через столетия.

К тому же люди, просто живут, строят дома. Между прочим, могу гордиться, строятся каменные дома, закладываются парки, нищие с улиц почти исчезли. Впереди столько дел. Если Прохожий не обманул, то исполню планы и Федора Алексеевича и свои. В конце концов, что я за попаданец, если ничего не изменю?

Тут вспомнилось. А ведь в Европе уже есть, картошка, помидоры, подсолнухи. Надо сказать в Посольском Приказе, чтоб привезли немного. Заставлять выращивать не буду. Пусть растут на моих землях. Глядишь сначала, начнут подражать ближние, там и остальные подтянутся.

Ну а война? Война продолжалась. Уже с января крымчаки начали делать набег.

Но только к апрелю. Боярская Дума согласилась отправить к Чигирину войско под руководством Ромодановского. И это ещё хорошо, так большинство бояр надеялись, на то, что османы согласятся заключить мирный договор.

К тому же не надо забывать, что Чигирин цель номер один для турецкого паши. Но цель номер два это Киев, который тоже надо укреплять и там также должно стоять войско.

С большим трудом уговорил Боярскую Думу, послать ещё одно войско, хотя бы три

стрелецких полка. Войско это возглавил Шеин Алексей Семенович, на тот момент, не имеющий больших должностей, однако Дума согласилась и с этим назначением.

Потом я послал гонца в Воронеж к боярину Ивану Борисовичу Милославскому. Гонец вёз указ, чтобы Милославский заменил Ромодановского. И далее помогал осаждённому Чигирину.

Наконец отправил царских рейтар, оставив себе в охрану двадцать человек.

Что ж количество я увеличил, по сравнению с той предыдущей историей. Ромодановский был очень скромен тогда, надеюсь, Милославский не будет сдерживаться. Скромность Ромодановского при этой защите Чигирина, заключалась в том. Что этот безусловно смелый человек, почему-то затянул с помощью защитникам Чигирина.

Шеин пусть малыми силами, но всё-таки добавка. К тому же он пойдет на Киев, а оттуда подойдет к Чигирину с запада, в отличие от всех прочих войск, идущих с востока.

Мои же рейтары в боях не были, но тренировал, я их регулярно, надеюсь, не подведут.

После того, как я отправил на битву, всех кого только можно, осталось ждать результатов. Радиостанций нет, а ближайшие гонцы будут месяца через два. Пока войска только сходятся.

День рождения вначале казалось, не задался. С утра было пасмурно, к обеду начался мелкий дождик. Пришлось всю эту ораву приглашенных устраивать в Измайловском дворце. Не надо забывать, что приглашая какого-нибудь боярина, я настоятельно требовал прибывать с супругою и детьми, если они взрослые.

Некоторые тащили с собой слуг, но теперь и этот вопрос был оговорен в приглашении. Слуги будут царские. А если кто прибудет со слугой, пусть слуг оставляет с кучером.

Праздник я разделил на две части. Сначала все садятся за стол, едят, пьют и поздравляют именинника, то есть меня. Кстати на столе хмельных напитков не было.

В процессе поздравлений мне сообщили, что дождик закончился, на улице солнечно.

Тут же я прервал поздравления. Велел всем выходить для продолжения празднования. Теперь актеры показали небольшое представление. Потом я хвастался своими конями. Конюхи, одетые в одежду похожую на стрелецкую провели показ лучших коней царской конюшни. Была стрельба из лука. Потом строевой показ пехотной роты.

Здесь надо отвлечься. Нам на уроках истории, рассказывали, что на Руси бродили толпы стрельцов. А больше никаких войск нет. Но оказалось, задолго до Петра, сейчас ему шесть лет, уже были войска подобные петровским преображенцам. Называемые войска нового строя.

Свой же отряд я не хотел называть измайловцами, просто потому, что в планах было построение военной школы. Для кавалеристов, пехоты и артиллерии.

Кстати столы вынесли на улицу, и теперь можно было не только закусить, но и выпить. Хмельное вино лилось рекой, и некоторые бояре явно переусердствовали.

С началом темноты, был произведен салют, означающий конец праздника.

Гонцов я ждал только с полей сражений. Но жизнь продолжалась, и на третий день после дня рождений прибыл гонец из Воронежа с извещением о спуске первого корабля.

Дни езды от Москвы до Воронежа показались вечностью. Как всегда прибыли к обеду, но от еды отказались. Сразу же на верфь.

Смотреть на галеру стоящую на подпорках снизу вверх, голова кружилась. К тому же, как сказали иноземные мастера корабелы, я должен подняться наверх, чтобы дать имя этому кораблю.

Оказывается швыряться бутылками начали в девятнадцатом веке, а до этого государь или адмирал, поднимались на корабль, пили вино, остатки лили на палубу и борта и просили милости у морских божеств.

Так что сейчас ничего не стали изобретать. Просто провели молебен, освятили корабль. Потом выбили подпорки и галера съехала в воду.

Кстати как мне пояснили, это не галера, а галеас. Разница небольшая, но существенная. Значительно больше размером, более устойчив и на верхней палубе устанавливают пушки.

Корабела я наградил золотым. А всем рабочим выкатили бочку медовухи, ну и закуски.

Каждому кораблю такие торжества конечно устраивать не буду, но это первый.

На следующий день послал гонца в город Лубны, где на территории Лубенского полка должна находиться русская армия.

Гонец вёз письмо такого содержания.

— Приветствую, Иван Богданович. Ещё раз хочу напомнить, что все договоренности подтверждаю. Что касается боярина Ромодановского Григория Григорьевича. В прошлое лето он дрался мужественно и за то ему моя благодарность. В это же лето, боюсь, что бояре Думы смутили его дух и будет он теперь нерешительный. Потому велю тебе никого не слушать. А действовать согласно моим указаниям. Держи переправы, захвати все высоты и обязательно помогай гарнизону Чигирина. Верь сделаешь так Чигирин останется за нами, а за тобой будет слава.

Да первый корабль на воду спущен. Назвал его в честь римского бога северного ветра “Аквилон”. Ибо наши корабли придут с севера и как ветер обрушатся на крымчаков и осман.

Остаюсь твой Государь, жду Победы.

И вот вернувшись в Москву, думал заняться привычными обязанностями, заседать в Думе, тренировать пехотный полк. Но тут прибыло посольство Речи Посполитой.

Дело в том, что Русь с Речью Посполитой воевали очень давно. И однажды это им надоело, тогда страны в деревне Андрусово заключили перемирие. Оно так и называлось Андрусовское перемирие. И вот прошло десять лет, перемирие пора заканчивать миром. К сожалению и в этот раз не получилось. Не мир, не война. Но с посольством приехали купцы, а это уже серьёзная заявка на мир.

Тогда на следующий день я пригласил во дворец торговых людей Москвы.

Рассказал, что с Польшей налаживаются нормальные отношения и значит можно ездить туда и торговать. И не только в Польшу, но и дальше.

Тут мне стукнуло в голову. Что можно иметь свой флот, не занимаясь строительством.

— А те господа купцы, что поедут в Курляндию, да купят корабли для меня, будут иметь льготы.

— Какие же льготы, государь?

— Ну, в первых могут первым рейсом сами сходить во Францию или Испанию. Разрешение и государева помощь в торговле уже льгота согласитесь, купцы.

— А скажи, государь, какая же тебе выгода, если мы купим те корабли, и сами на них будем ходить.

— Выгода моя такова, что на тех кораблях будут тренироваться будущие русские матросы, офицеры, капитаны, а может и адмиралы. Надеюсь и вы, не забудете о Родине. В первую очередь для меня важны товары, которые вы будете привозить и которые не попросишь у иноземных купцов.

Ну а совещания с польскими послами продолжались ещё несколько дней. Закончилось

тем, что подтвердили перемирие.

А дальше буквально, пока послы выезжали из Москвы в одни ворота, в другие въезжал гонец из Чигирина.

Турки осадили город. На этот раз их было больше, чем в прошлом году. Несмотря на это, защитники крепости сделали вылазку, которая переросла в настоящее сражение. При этом сражении турки потеряли около тысячи убитыми.

Но увы турок было больше, артиллерия была лучше и осада крепости продолжалась.

До этого момента я почти не вмешивался в историю, то есть вёл себя как реальный Федор Алексеевич. Ну, разве что корабли затеял строить. Теперь Чигирин отстоим, всё пойдёт совсем по-другому.

А в это время в Чигирине и окрестностях шли бои. Милославский всё-таки прислушался ко мне и поторапливался. Переправы успели занять и крымским татарам это сильно не понравилось. В том смысле, что потери у них были значительные.

А вот на высоты всё-таки не успели. Но тут сошлись и те и другие. Наши были более удачливые.

Однако это всё в окрестностях. Но вот при осаде города нашим доставалось изрядно. Турки притащили с собой около тридцати тяжелых орудий из них четыре были сверхтяжёлые.

Турки, каждый день обстреливали крепость. И вот начали сказываться результаты. Пробоины в стене, осыпалась защита. Тогда османы начали долбить такие места, где защита была совсем слабой. Враг пытался пробраться в эти бреши, но защитники успевали создавать новые заграждения из подручных средств.

Тогда турки против одного из таких проломов, поставили большинство своих орудий. Здесь защитникам обороны, противопоставить было нечего. Единственный минер на всю крепость, погиб в начале осады.

А вот у османов получилось. Не только обстрел, но и подрыв мины на этом участке, привел к тому, что часть стены рухнула.

В этот пролом устремились десятки тысяч турок. Завязался ожесточенный бой. Всё-таки защитники крепости смогли выбить противника. Но тут произошло грустное событие. Воевода крепости Ржевский Иван Иванович, пошел осматривать последствия прорыва, и был убит гранатой.

Вечером на собрании офицеров, решили выбрать, временным воеводой полковника Патрика Гордона.

После этого сражения, осада на какое-то время, приняла позиционный характер. Нет и с той и с другой стороны вели пушечный огонь, делали вылазки, но всё как-то нехотя, без азарта. Обе стороны готовились к решающей битве.

Удержали бы крепость или нет, но в главный лагерь русских войск пробрался капитан-поручик Шеин Алексей Семенович. Показав царскую грамоту воеводе Милославскому, они быстро пришли к соглашению, что не османы, так государь лишит головы за оставление Чигирина. Решено было провести генеральное сражение. Хорошо, что турки не могли полностью обложить город. В Чигирин к воеводе был послан гонец, что б защитники крепости поддержали, наступление наших войск.

И вот дата пятнадцатое августа войдёт во все учебники будущего, как начало Битвы за Чигирин. Почему именно пятнадцатое. Просто так совпало. Когда я отправлял Милославского на командование в грамоте был указан примерный срок,

— Если же войска до двадцатого августа не начнут наступление, то лучше тебе, собираться и ехать к османам, в противном случае с головой на Москве я тебя не жду.

Тут всё просто, в прошлой истории, турки перешли в наступление двадцать первого и захватили Чигирин. Надеюсь моё скромное вмешательство в историю, пока даты не сильно меняет. И турки готовятся к атаке на Чигирин в то же время.

А во вторых с Шейным была договоренность, через два дня после встречи начать наступление.

Так что пятнадцатого августа в три часа ночи, русские войска и казаки Самойловича двинулись на османский лагерь.

Конечно же, как только начало рассветать караульные османского лагеря подняли тревогу. Появились крымские разьезды. Пушки начали поворачивать в сторону русского войска. Здесь надо сказать, что я заранее предупредил, чтоб брали небольшие, маневренные пушки.

— Нам не крепости брать.

Турки, а точнее крымские татары, первыми бросились в атаку на подходящие цепи русского войска. Русское войско двигалось в боевом порядке, чтобы в любой момент остановиться для отражения вражеской атаки или наоборот перейти в атаку прямо из строевых порядков.

По татарам залпом выстрелили стрельцы. Потом строй распался, открывая пушки, которые также залпом неплохо проредили татарских всадников.

После вырвалась вперед казацкая конница. Стрельцы и солдаты, бросились вслед за казаками. Войска сошлись. Только мортиры через головы атакующих тревожили турецкий лагерь.

Турецкое войско настолько было огромно, что кажется не все обратили внимание, на атаку. Но русские воины были упорны, медленно сажень за саженью продвигались вперед. Османам пришлось вводить в бой дополнительные войска.

Тут внезапно для турок гарнизон Чигирина вышел поддержать атаку русского войска. Первыми вышли гренадеры. Закидав траншеи гранатами, они сравнительно легко выбили осман с первой, второй, а местами с третьей линии. Здесь за гренадерами, начали подтягиваться стрельцы, закрепляя взятое.

Но у осман всё ещё было численное преимущество и перестроившись от второй атаки они начали защищаться.

Бой шел уже несколько часов. Всё ещё не ясно было за кем победа. Но с третьей стороны к турецкому лагерю приближались стрелецкие полки Шеина.

Вот теперь османы заволновались. Несмотря на всё их преимущество всё-таки турецкие отряды таяли. К тому же теперь у них не было тыла.

И против Шеина не было артиллерии. Все пушки осман были повернуты на войско Милославского и гарнизон Чигирина. Поэтому, когда из-за стрелецких спин показались всадники в черном, в турецком лагере элементарно поднялась паника.

Как мне позднее рассказывали по рейтарам, а это были мои “царские рейтары”, так вот по рейтарам выстрелили два раза, но ни один из них даже не покачнулся. Думаю тут было три момента во первых многие турецкие стрелки промахнулись. В эти времена ещё не было снайперов. Во вторых у рейтар были крепкие доспехи. И в третьих нам помог бог.

Рейтары врезались в османское войско, как горячий нож в масло.

Перед отправкой на войну, я неустанно твердил командиру моих рейтар,

— Только не увлекайся, смотри за полем боя. И главное не подставляйся под пушки.

Ротмистр Долгоруков не разочаровал меня. Достаточно было того, что появление рейтар. Внесло панику в ряды осман.

Удивительно было, как воеводы, не закончившие никаких академий держали руку на пульсе битвы. Где-то отойти, куда-то наоборот посильнее ударить. Тяжелее всего было гарнизону Чигирина, ведь против них стояли самые лучшие части осман, готовившиеся ворваться в город.

Поэтому оба воеводы, и Милославский, и Шеин, направили свои войска, на тех осман, что сражались против гарнизона.

Казачи Самойловича бросились за отступающими османами, но Великий Визирь Кара Мустафа Паша был жив, руководил войском. Несмотря на то, что это было отступление с поля боя, но порядок был.

Бой затихал, где-то добивали сопротивляющихся, где-то уже сдавались. Но основное войско отошло от города всего на пятнадцать верст. И воеводы собравшись вместе решали, что дальше делать, готовиться к обороне или снова атаковать.

Следующие дни пришлось разделить. Одни срочно восстанавливали Чигиринские укрепления, другие хоронили погибших. Лето было жаркое, и оставлять трупы никак нельзя. Казачи в это время несли охрану. Так как войско османов было совсем рядом. Издалека показывались татарские разъезды, но не приближались.

Неожиданно на третий день после битвы татары показались с северной стороны. Ехали уверенно в сторону Чигирина. Оказалось это наши “русские” татары из Касимова, стоявшие на защите Киева. Они же сообщили, что за ними идёт войско боярина Хованского.

После того, как все русские войска объединились. Турецкое войско снялось и стало отходить. Вслед помчались казачи.

А я все эти дни ждал гонца с известием о поражении или победе. Уехал в Измайловское, там с утра до вечера гонял свой первый пехотный полк.

Но вот наконец, прибыл гонец. Увы. Всё было не до конца ясно. Штурм отбили. Войска сошлись. Но турки не ушли. Прошла ещё неделя. Прежде чем следующий гонец обрадовал, вестью про уход осман.

Здесь я снова послал гонца, с указанием, чтобы все воеводы прибыли в Орёл. Сам тоже с большой свитой выехал туда.

Думалось, ну вот я реально изменил историю. В прошлой истории османы захватили и взорвали город. Теперь он наш. Теперь мы будем диктовать условия мира. Кстати визирь Кара Мустафа, после захвата Чигирина отправился брать Вену. Думаю теперь ему будет не до того, султан наверняка “подарит” шелковый шнурок.

В орле состоялось торжественное награждение. Полковника Патрика Гордона повысил до генерал-майора. Генерал-майора Матвея Кровкова до генерал-поручика. Капитан-поручика Шеина до капитана. Хотя по тому как он командовал. Можно бы и полковника, но у него всё ещё впереди. Ротмистра Долгорукова, командира царских рейтар, поздравил майором.

Наградил первыми орденами и медалями. Всех воевод Орденом Спаса. А также медалью за защиту Чигирина.

Воеводам вручил сундучки с медалями, чтобы вручить всем защитникам Чигирина.

Гетман Самойлович, также награждённый орденом Спаса возвращался в свою столицу Чигирин.

После награждения объявил, что на следующий год, идём на Азов, потому московские стрелецкие полки на зиму распределяются по городам Полтава, Харьков, Белгород.

Глава 4 Лето 7187 (год 1679)

За всеми этими делами прошел сентябрь, наступило семь тысяч сто восемьдесят седьмое новолетие. Но нового года по другому календарю ещё не было. Зачем я так делаю? Не знаю. Но ломать всю страну, подстраивая под себя, лучше я выучу местные системы веса и расстояний. Здешние цифры и алфавит, да и календарь пусть будет такой. В конце концов в двадцать первом веке множество стран живут по своим календарям. Есть еврейский календарь и мусульманский. Армянский, китайский, иранский. В Англии календарь общий, но зато у них свои меры длины и веса. Даже дорожное движение по другому. В школе нам рассказывали, что Петр первый выбрал эти системы, чтобы удобнее общаться и торговать. Но сейчас в основном торгуют с голландцами и англичанами. У англичан свои способы измерения, значит Россия просто подстроилась под голландцев? А если у меня получится сделать Россию великой, то все примут наши системы измерений, наш календарь, наш язык? Так стоит ли огород городить. Тем более я живу в теле Федора Алексеевича и Петру не бывать царем. Кстати ему всего сейчас семь лет. Надо подбирать ему учителей. И задуматься кем он будет в дальнейшем, может генералом или адмиралом? Ну не плотником же.

Вот такие мысли изредка посещали меня. Всё-таки попаданцу труднее. Обычный человек просто живёт в привычном мире. Попаданец живет в двух мирах и всегда хочется их объединить. Вот теперь победой под Чигирином, строительством кораблей и тем, что стрельцов почти не осталось в Москве, я поменял историю. Но наверняка лет через сто родится Наполеон, кем он станет? Есть события, которые я меняю, а есть неизменные.

Менять тяжело, не знаю ни военного дела, ни физики с химией, ни медицины. Но всё-таки знания из будущего универсальны. Не будучи профессиональным военным, я обучаю солдат. Не зная химию, конечно же не создам бездымный порох. Но находить умных людей я могу. А медицина ещё проще. В каждой роте, что стрельцов, что солдат, минимум по два лекаря. Повитуха Евдокия ходит в белом халате, носит инструменты в чемоданчике и моет руки перед операциями.

Но пора в Боярскую Думу, буду продолжать прогрессорствовать.

В принципе Федор Алексеевич, сам тот ещё прогрессор. То что я озвучивал на заседании Боярской Думы, для многих бояр казалось невероятным.

Ну вот то что просил обсудить строительство изюмской черты, никого не удивило. Жизнь заставляла заниматься этим.

Но когда я просил рассмотреть создание военных округов. Меня не сразу поняли. Здесь было все просто я взял за пример Белгородский разряд. Это был уже почти готовый округ, он располагался на территории Орловской, Курской, Белгородской, Харьковской и Воронежской областей. Впрочем ни областей, ни губерний ещё не было. Но суть бояре уловили. Вот только для меня удивительно было то что полк семнадцатого века был больше дивизии двадцатого века.

Следующий вопрос, который я предложил боярам строительство отдельной типографии. Опять все возмутились. Типа церковная есть, а другой не надо. Пришлось объяснять азбучные истины, что церковные дела и государственные это разные вещи. Поняли и приняли.

Кстати на каждом собрании Боярской Думы читали газетный листок. И газета эта называлась "Куранты". В основном в листке были сообщения из-за рубежа.

Дальше пришлось объяснять, что для спокойной жизни, нам нужны победы, а для побед нужно оружие. А за артиллерией будущее. И в будущем нам нужны грамотные артиллеристы. И значит, пока в Москве нужна Артиллерийская Школа. Повозмущались, но решили рассмотреть и утвердить.

Но вот последний вопрос совсем не нашел понимания, придется ещё поугovarивать. Нет, конечно царь издал указ, все под козырек и кинулись исполнять. Но с принятием Боярской Думы надежнее.

Предложил я создать для бедных и беспризорных детей училища, в которых бы профессиям обучали.

Кстати все эти предложения, пока ещё не мои, а Федора Алексеевича. В той жизни он не смог, точнее не успел создать профессиональные училища. А в этой обязательно на Руси появятся грамотные мастера.

Кстати, у купцов получилось закупить три корабля, загрузиться и отправиться в теплые края. Ну, по сравнению с холодной Балтикой, Франция и Испания уже жаркие страны.

Я же на эти корабли простыми матросами отправил дворянских детей.

— Забудьте, что дворяне, учитесь всему. Вернетесь домой научившись, будете капитанами да адмиралами. А не выучитесь, могу и дворянства лишить.

Так я напутствовал будущих капитанов. Вот только родители с каждым слугу отправили. Сначала не хотел, соглашаться, но родители на дыбы встали, что иначе и чад своих в иноземщину не отдадут.

Подумал и согласился слуги все молодые парни, глядишь, чему выучатся, получат вольную. Тоже станут капитанами.

Решив свои дела и загрузив Боярскую Думу, дождался снега и умчался в Архангельск.

Провести тысячу километров в седле, оказалось тяжеловато. Поэтому иногда слезал с коня, да и в возке думалось лучше. А думал я о себе любимом.

Что интересно, того, кто был неугоден на троне, всячески грязью поливали. Например, Петр 3 и Павел 1, умерли не своей смертью. Но этому и оправдание наши. Дескать дурачки были.

Моя семья. Говорят все больные были. Но умирали, как-то быстро. Очень подозреваю, что болезни все эти искусственные. Потому и отдалил от себя Хитрово Анну Петровну. В той истории все кто рядом с ней были умерли. И сам Федор Алексеевич и жена его, и сын.

Но не только бояр. Менял и слуг. Трудно узнать, кто из них может служить отравителям. Конечно может это и параноя. Да, только историки рассказывают вещи страшнее, чем я могу придумать.

Но самая главная мысль была о северном порту России. И этот порт не Архангельск. Впервые об этом месте подумал в Воронеже. Потом вскольз в разговоре с Голохвастовым Иваном Демидовичем воеводой Вологды. И наконец в разговоре с воеводой Архангельским предложил устроить порт и верфи на Коле.

Воевода не возражал. Только создалось впечатление, что ему всё равно. Ну, понятно, по суше до Колы далеко, а по морю неблизко. Поэтому встретился ещё с местными моряками-рыбаками. Послушал их. Решил пока отложить, хотя это единственный порт Руси.

Возвращение было томительным. Снега выпало много, морозы были сильнее.

И только у вологодского воеводы Голохвастова Ивана Демидовича отдохнул душой и телом. Телом это сходил в баньку. А душой? Здесь я сообразил, что можно летом по реке до самого Архангельска. И быстро и смысл имеется.

По приезду в Москву я или опять же Федор Алексеевич дал о себе знать, но был издан указ о прекращении деятельности губных старост. И всё чем они занимались, будут заниматься воеводы. Губной староста это если так упрощенно сказать судья, а округ на который распространялась его деятельность назывался губа.

Правда интересно как жизнь меняется. Я в молодости сидел на губе. Но это было в армии и губа это гауптвахта, место где отбывают наказание. А здесь был район губа и сидел уже губной староста, выборный кстати. Мы то в школе считали, что цари сатрапы жестко всех наказывали, а тут своеобразная средневековая демократия.

Дальше я конечно уменьшал и закрывал Приказы. В моем понимании Приказы это те же министерства. Зачем в стране сто министерств? А ведь при батюшке, было под девяносто. Но всё-таки один приказ я учредил, хотя опять же это не моё личное пожелание. Это всё Федор Алексеевич, который находился где-то внутри меня, в то время, как я находился внутри его тела. Да! Так вот создан был Челобитный Приказ, в котором можно было жаловаться на несправедливости творимые чиновниками.

Выполнив пожелания Федора Алексеевича, я взялся за исполнение своих желаний. Точнее одного, прекратить войну с турками. А для этого, как минимум, надо взять Азов.

Насколько я помню из той истории, даже взяв Чигирин, турки на следующий год сидели смирно. Теперь и Чигирин не взяли и ущерб понесли, так что путь к Азову будет свободен. Хотя с крымчаками надо быть осторожными.

Пока же я разослал гонцов. В Воронеж, чтобы строили струги. Струг это то ли большая лодка, то ли маленький кораблик. Длина пятьдесят метров, ширина десять. Даже пушки имелись. Думаю для взятия Азова этих корабликов хватит. А вот чтоб свободно ходить по Азовскому морю, тем более по Черному, тут уже нужны фрегаты, и даже линейные корабли.

Другого гонца послал к гетману Самойловичу, чтоб готовил своих запорожцев. Ну и гонец на Дон, чтоб и донские казаки подтягивались.

Правда в Москве ещё была зима. Поэтому пока выслал обозы, то что пригодится при осаде и штурме Азова, снаряды, пушки, ружья. Обозы ушли к Воронежу и Белгороду. Именно там и будут собираться войска для выступления в поход.

В начале марта войска вышли из Москвы. До Белгорода шли без перерыва, а вот в Воронеже пришлось задержаться ждать, пока вскрыются реки.

Получились два больших войска, как две руки протягивались к Азову. Кроме московских войск, шли те кто остался зимовать в Белгороде, Харькове и Полтаве. На юге уже вовсю хозяйничали казаки и присоединившиеся калмыки.

Но самое главное. Я тоже участвовал в походе. Оставив за себя командовать трех старших бояр Боярской Думы, к апрелю отправился в Воронеж.

Приехав на место отправления, я был удивлен и восхищен обилием парусников. Конечно там были легкие струги, более похожие на большие лодки. Средние галеры и галеасы. Но самое главное красавчик фрегат, названный в честь святого, но думаю и мне желали угодить. Корабль назывался Святой Феодор. Кстати этот святой покровитель христианского войска. Очень символично ведь мы собирались на битву с магометанами.

Несмотря на то что, это была спокойная река, а не штормовое море, палуба слегка покачивалась и голова немного закружилась.

Вслед за мной на корабль начали подниматься войска, загружаться припасы. Также грузились остальные корабли, одни стояли у причалов. К другим подвозили на лодках. Какое то время на реке стоял гам, как на птичьем базаре.

Первыми вниз по реке унеслись струги и часть галер. Мы отправились только к вечеру. Я подошел к капитану.

— Не опасно плыть по реке ночью.

— О нет, государь. Я есть нидерландский мореплаватель. Я плавал не только по морям, но и по рекам и каналам, у себя на родине.

— Ну что ж капитан, доверяюсь вам.

Только я собрался отойти, как капитан окликнул меня.

— Государь, я капитан и значит хозяин на этом судне. Слежу за порядком. Но есть один непорядок, который только вы можете устранить.

— Какой же?

— На корабле нет флага.

Голландец довольно неплохо говорил по русски, с небольшим акцентом.

Но сказанное предложение прозвучало, как, на корап нет фляк

— Фляк?

Тогда голландец перешел на родной язык.

— Er is geen vlag op het schip.

Что интересно голландского языка я не знал, но на удивление, понял.

— А я понял, капитан, нужен флаг корабля?

— Ja vlag.

— Хорошо надо подумать.

Я наклонил голову, прощаясь с капитаном.

Как-то этот вопрос я упустил. Флагов сейчас на Руси множество, но это всё полковые знамена. Никакого трехцветного флага ещё не существует. С гербом тоже проблемы. Если только государеву печать использовать как герб. Но это будет единорог.

А утром над кораблем развивался красный флаг. Раньше тоже князья шли в бой накрывшись алым плащом. И для всех воинов этот плащ был как флаг.

Плавание по Дону проходило, как речной круиз. Вот только я не забывал, что в трюме корабля рота первого измайловского батальона. Понимая, что днем на палубе может находиться только команда и охрана из тех же измайловцев, предложил поручику Змееву, командиру батальона, по ночам выгуливать бойцов.

В середине мая остановились у Черкаска. Денек расслабились, походили по земле. Отсюда Измайловский батальон пойдет пешком к Азову. Как доложил гонец, город уже обложен. Генерал-майор Патрик Гордон начал строить осадные укрепления. Струги и галеры перекрыли реку, так что никакого сообщения с морем. Перед осадой казаки поймали османский обоз.

Очень хотелось пострелять по Азову, но если бы крепостные пушки попали по фрегату, то мало бы не показалось. Всё-таки фрегат сделан в уменьшенном облегченном варианте.

И вот Азовское море. Фрегат и два галеаса сопровождающие нас дружно дали салют в честь выхода в Азовское море.

Ну что сказать “царские рейтары” и часть казаков, на правом берегу следили за возможным подходом крымчаков.

Полностью всей осадой руководил воевода Голицын Василий Васильевич. Галеасы и струги с пушками обстреливали крепость с реки. Капитан Шеин со своим полком стоял с севера. Генерал поручики Шепелев и Кравков сторожили город с юга.

Были стрелецкие полки. Но наверно надо выделить гренадерский полк, который

отличился в прошлом году при защите Чигирина. Сейчас им командовал Апраксин Федор Матвеевич. Кстати именно он загнал турок в крепость.

Через неделю осады турецкая конница пыталась помешать. Но окончилась атака полной неудачей. Наши всадники не только разбили, но и взяли множество пленных.

Со стороны полка генерал-поручика Аггея Шепелева начали насыпать подвижный земляной вал.

Туркам это не понравилось, и снова сделали вылазку из крепости. Им даже удалось напасть на обоз полка Шеина. Но наша конница снова оказалась на высоте.

Дисциплина конечно нужна, но иногда приходится закрывать глаза. Около полутора тысяч донских и запорожских казаков без приказа атаковали турецкую крепость, заняли земляной вал со стороны крепости. Турки попытались отбить казаков, но уже на помощь подходили войска. Это пожалуй был единственный ожесточенный бой за время осады. Османы были вынуждены отступить внутрь крепости, а на следующий день выкинули белый флаг.

Жителей, кто не захотел оставаться пропустили к морю.

Взятие Азова отметили салютом. Всех воевод наградил серебряной медалью “За взятие Азова”. Всем принимавшим участие в осаде, также полагалась медаль, но бронзовая.

Я за время осады не только находился на корабле, но и побывал в окопах. Принимал участие офицерских советов.

В званиях подросли Змеев Василий Семенович стал штабс-капитаном. Апраксин Федор Матвеевич, также штабс-капитан. Шеин Алексей Семенович майор.

Что ж теперь, кто более заинтересован в мире. Нам он более выгоден, но посылать дипломатов не буду. Ибо с турками так не успеешь мир заключить, как опять война.

В той истории и Азов взяли позже и все события естественно происходили позже. Но сейчас я решил, не откладывая в долгий ящик заложить город Таганрог.

Строительством его пусть занимается, как и в той истории, штабс-капитан Апраксин.

Оставив усиленные гарнизоны в Азове, и во вновь зарождающемся Таганроге я отправился в Москву.

Опять круиз по Дону. Скачка по шоссе Воронеж-Москва. Ну может ещё не шоссе, но в сравнении с той грязной узкой дорогой, уже автобан.

В Москву въезжали под звон колоколов. Встречали нас, как победителей. Да мы и были победители.

А вот дальше вспоминается песенка “Всё могут короли”. В том смысле, что у правителей, есть обязанности, от которых ни на шаг. Например приближался церковный праздник “Воздвижение Креста Господня”, и я, как добрый христианский монарх, должен вместе со всей своей свитой отстоять церковную службу.

Отстояв, повернулся и почти сразу столкнулся глазами с девушкой. Мало того, что она, “красотою лепа, червлена губами, бровьми союза”. Так ещё ярким пятном выделялась на фоне окружающих боярынь.

Я повернулся, рядом оказался постельничий Иван Максимович Языков. Показав взглядом, сказал,

— Узнай. Кто такова!

Оказалось это не таким простым делом. Постельничий, явился поздно к вечеру, но после его слов, что это Агафья Семеновна Грушецкая, я начал смеяться, а потом ржать, как конь. Приговаривая,

— Ну, Федор Алексеевич, ну молодец, удружил.

Иван стоял, смотрел на меня, открыв рот. Увидев его ошалевший взгляд, я постарался успокоиться. Выпив квасу, сказал,

— Ты, Иван, не обращай внимания, просто вспомнил сказку детскую не к месту. Давай рассказывай, что узнал.

Пока постельничий делился добытыми сведениями. Я раздумывал.

Вот как получилось. Расслабился, думал достаточно поменял и всё пойдет по другому. Ну да Федор Алексеевич с будущей женой познакомились н крестном ходе весной. А сейчас осень всё остальное так же.

Ну что ж я же не против. Помня, как было в той истории, специально завел повитуху и тренировал её. А чтоб всё было надёжнее, надо и остальных Грушецких приблизить, пусть родственницу охраняют.

— Ты вот, что, Иван передай, чтоб Агафью замуж не выдавали.

Иван поклонившись вышел. Я же задумался, стоит ли, как в прошлой истории устраивать смотр невест, или если уж начал всё менять, так и здесь сделать по-новому. А то нехорошо получается, девушки надеяться будут, а я уже всё решил.

На следующем заседании Боярской Думы, я предложил устроить мою личную жизнь.

— Вот, что, господа бояре. Жизнь меняется, наши пращуры бились мечом да копьем. Но появился порох. Стали из ружей, да пушек стрелять. Также и законы приходится менять, было поместное войско, разве с тем войском, разбили бы осман? Или вот, сказывают в Англии станки новые ткацкие создали, значит и сукна другие будут. Значит и одеваться будем по другому. К чему я вас и призываю, ходить в думу не в длиннополых охабнях, а в служилом.

Но жизнь ведь во всём меняется. Приглянулась мне девица. Других не видел, а эту уже выделил. Так стоит ли устраивать смотрины, когда и так всё ясно.

Казалось бы всё по делу выступил, всё объяснил. Но нет поднялись споры, крики. Захотелось постучать по графину и сказать,

— Дайте микрофон депутату в дальнем проходе.

Вместо этого, пришлось успокаивать бояр.

— Вот, что господа деп., бояре. Я свой выбор сделал и прошу со мной согласиться. Быть по сему.

С этими словами я вышел из Боярской Думы. Что важно я им так и не сказал имя моей избранницы. А зачем им это? Лишние споры. Узнают на свадьбе.

К вечеру прислали льячка из Думы сообщить, что закон принят и Государь имеет право заранее выбирать невесту не устраивая смотрины.

Ну, вот и хорошо, пора сватов засылать.

Глава 5. Лето 7188 (год 1680)

Свадьба состоялась в середине зимы. Этаким небольшим междусобойчик.

Венчание прошло в Успенском Соборе Кремля при патриархе Иоакиме. Во время венчания из церковных служителей было только два ключаря, да соборный диакон. С моей стороны было около двадцати человек, самых ближних.

После свадьбы я начал создавать круг этих самых ближних. К сожалению, даже не Нарышкины, родня мачехи. А матушкина родня Милославские вставляли палки в колеса. Пытались сорвать свадьбу. Понятно, что те кто думает о себе больше мне точно не нужны.

Проявивший себя постельничий Иван Максимович Языков был жалован в бояре. Двоюродный дядя Семен Иванович Заборовский стал думным дворянином, а чуть позднее боярином.

Анна и Фёкла, сёстры Агафьи, были выданы за знатных женихов: первая за сибирского царевича Василия, вторая стала княгиней Урусовой; обе по милости царя и сестры-царицы получили и щедрое приданое. Двоюродные братья Грушецкие получили боярский чин «жильцов», младший чин при дворе. Пожаловал двоюродного брата царицы Василия Фокича Грушецкого в стряпчие, ещё до свадьбы. За день до свадьбы Василий Фокич Грушецкий был пожалован в стольники, а позднее — в спальники, пробыв в стольниках только три дня. Двоюродных братьев Кузьму Осиповича, Кондратия и Михаила Фокичей царь сделал своими комнатными стольниками. Отцу царицы Семёну Фёдоровичу было дано боярство. Матери её, боярыне Марии Ивановне Грушецкой (в девичестве Заборовской), пожаловано было село Васильевское с Ордынками, Борисовской, Быковкой и Бяконтовым. Новые царские родственники и свойственники сразу заняли привилегированное положение среди московских чинов. Грушецкие и Заборовские, а также их близкая и дальняя родня большим кланом вошли в состав верхов столичного дворянства.

Однажды, я собрал всех Грушецких и Заборовских, а также пригласил Языкова.

— Вы все знаете, как я сильно люблю свою жену. Благодаря ей вы получили эти чины. Теперь вы, именно вы, должны заботиться и охранять Агафью. Никто из посторонних не должен подходить и даже интересоваться ей. Рядом может находиться, только кто-нибудь из вас или тот кого я назначу.

— Государь, ты что-то знаешь?

— Было бы проще, если бы знал. Хотя порой узнать уже поздно. Сами знаете, как пытались помешать нашей свадьбе. Так что заботьтесь о моей женушке, а уж я не оставлю вас без своих милостей.

Первое время, я терялся, хотелось быть поближе к жёнушке. Но жизнь продолжалась. То дела в Боярской Думе. То вопросы на Воронежских верфях. Там я сказал делать только легкие фрегаты. Наверняка турки пригонят свои флоты к Азову и к Таганрогу. Значит, нужен свой флот.

Всё-таки пожалуй построю Мурманск. Пошлю туда думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого, дам ему звание думный дворянин, пусть берет стрельцов, народ для работ и строит верфи, склады.

На западе в Курляндии, бегают кораблики купленные купцами. Возят товары, закупают нужное. Кстати в этом году будем сажать картошку, помидоры, подсолнухи. Отписывают, что и посланные мной люди в матросы, осваивают науку мореходства.

Внезапно мне вспомнилось, что все указы я издавал с опережением, на год-два. А тут забылся, в это Лето Федор Алексеевич издал “Указ об унификации чинов”. Значит и мне не стоит затягивать. Вот только он пытался и полки иноземного строя, и стрельцов под одни звания подвести. Насколько помню стрельцы были недовольны этим. Значит пока стрельцов трогать не будем, но добавим статью про дворянство. Примерно будет так.

“Чин из простого сословия дослужившийся до капитана-сотника, получает дворянство. Чин из простого звания дослужившийся до полковника-есаула получает дворянское звание барон. Чин дослужившийся из простого сословия до генерала-наказного атамана получает дворянское звание граф”.

Теперь, что касается званий.

“Солдат, рейтар, драгун-стрелец-казак. Капрал-десятник-приказный. Урядник, только у казаков. Прапорщик пехота — вахмистр казаки. Поручик-пятидесятник-хорунжий. Капитан-сотник-сотник. Майор и для казаков подъесаул. Подполковник-полуполковник-есаул. Полковник-полковник-войсковой есаул. Далее идут общие для всех генеральские звания. У казаков могут быть походный атаман и наказной атаман.”

Вот как-то так.

Написав указ и отдав стольнику отнести в Ратный Приказ, я задумался о своих отношениях с Агафьей. С одной стороны, вот так сразу, быстро влюбиться, со мной такого в прошлой жизни ни разу не было. Всегда сначала узнавал, что за человек, а здесь... Не иначе Федор Алексеевич постарался. Хотя какая разница, она мне искренне нравилась. Я ее даже воспринимал, как свою современницу, настолько она отличалась от местных боярынь.

Но прибыл стольник из Ратного Приказа с грамоткой, в которой указывалось, что сейчас на Руси двадцать шесть рейтарских полков. Посчитать рейтаров я просил ранее. Ничего так, да! А нам, с какой целью внушали, что Петька создал с нуля русскую армию? Кстати ему уже восемь лет и надо чем-то занять мальчика, чтоб не вздумал старшего брата с трона скинуть.

Но вернёмся к рейтарам. После побед под Чигирином, да захвата Азова турки и крымчаки будут себя вести поскромнее. А если рейтар, пусть не всех, да запорожцев, да донцов, да калмыков послать в южные степи. Нет, ну а что, году не проходит, чтоб крымчаки к нам набеги делали, почему бы и нам не сделать алаверды?

Сказано сделано, разослал гонцов к Запорожцам, к донцам. Рейтар поручил организовывать ратному приказу.

День рождения, можно сказать привычно. Ну почти. Кроме того, что вручали подарки. Я хвастался своими конями. Выучкой своих солдат и рейтар. А также сценка из театра. Ко всему прочему, поздравляли с моим днем рождения и государыню. Агафья улыбалась, благодарила за поздравления.

А тем временем южные степи тряслись от топота, почти пятидесятитысячной конницы Московского Царства. Целью этого набега, было тоже, что и делали крымчаки, запугать, пограбить. Если невозможно захватить татарский городок, его обходили, оставляя малые силы для осады. В основном жгли, убивали. Впрочем я просил, татарских детей если это возможно не убивать, а доставить в Москву. Так делали все, в том числе и турки с крымчаками. Воспитывали детей врага. Я же хотел более полно использовать человеческий ресурс. Не только для войны, но и вырастить мастеров.

Запорожцы знатоки этой местности, знали где прячутся татары, где их аулы.

Периодически татары оказывали сопротивление, но их было ещё мало.

Главным в этом рейде я назначил командира царских рейтар майора Долгорукова Бориса Федоровича. И строго настроено ему наказывал не увлекаться. Соберут крымчаки орду такую же по численности или больше и мало не покажется.

Поэтому не дожидаясь неприятностей Борис Федорович набравши полона и добычи развернул войско.

Однако, запорожские гетманы и донские атаманы, настаивали на продолжении набега. Майор смог многих уговорить, сказав, что добычи достаточно. А кто считает, что ему мало, может и без этого остаться.

К сожалению некоторые отделились от войска. Как позднее рассказывали, кой-кому повезло остаться в живых.

Но хан Мурад-Герай не мог простить такую наглость урусов и собрав войско отправился вдогон.

Хан был умный человек, однако видя разгром, устроенный русской конницей, поневоле злился. Впереди видели казачьи разъезды, но никак не могли догнать. Азарт сыграл плохую шутку с крымчаками.

Они наконец догнали русскую конницу, почему то стоявшую на месте. Хан также ехавший верхом, стал кричать пытаясь оставить своё войско. Но распаленные крымчаки, наконец догнавшие русских бросились вперед.

Но рейтары разъехались и дружный пушечный залп, снес первые ряды крымчаков. Вперед начали выбегать стрелки, залп ещё залп. Потом гренадеры и наконец пикинеры, окончательно остановили немногих доехавших до строя русской пехоты. А рейтары стоявшие сбоку добились тех немногих, что выжили после залпов артиллерии и ружейного огня. Войско татар уменьшилось сразу на четверть. Их ещё пока было больше. Но у русских были не только всадники, но и пехота с артиллерией. Можно конечно попытаться обойти этот отряд но где гарантия, что через пятьдесят верст, не стоит ещё одно войско.

Конница крымских татар развернулась, отъехала и остановилась.

На следующий день татарское войско исчезло. Преследующие их запорожцы сообщили, что татары довольно быстро возвращаются в Крым. Постояв ещё сутки наше войско, также отправилось по своим зимним квартирам.

Всем участникам рейда вручили серебряные медали, на одной стороне написано “За рейд”, на обратной Лето 7188. Кроме медали командир “Царских рейтар”, получил повышение до подполковника.

Самым ценным из добычи были, ружья, пушки и книги. А вот с малолетними пленниками возникла небольшая проблема. По-русски, никто из них не говорил. Пришлось срочно искать, место с высоким забором и звать всех московских татар, желающих послужить государю. Придется пленников первый год учить русскому языку. А уж потом переводить в ремесленные или военные училища.

Заодно обратился к сестренке.

— Софья, милая, помоги. Дел много, не успеваю задумал я. Да что я. Наш учитель Симеон советовал создать Славяно-греко-латинскую Академию. Видит бог, занялся бы. Да не успеваю. То Дума боярская, то дела военные. А ведь дело образовательное, важное. Просто так, походя не сделаешь. Ещё одна просьба. Чтоб в эту академию не только знатных людей, но и из простых принимали. Поможешь?

— Что ж, братец подумаю.

— Ты не думай, возмись и делай.

— И денег...

— И денег дам. Не сомневайся. Вот тебе “Привилегия на Академию”

Таким способ я надеялся подстрелить ещё одного зайца. Помня и прошлую историю. Когда Софья какое-то время правила государством. И сейчас видел, что без дела ей не сидится. Интригует потихоньку, в том числе и против меня. А зачем мне такое счастье. Пусть лучше делом занимается.

Вон другие мои сестры особенно Катя и Мария, только знай бегают за моей Агафьей. Смотрят, как и что одеть. Шапочки эти польские по очереди меряют. А по мне пусть меряют, всё лучше, чем интриговать.

*

В конце летних месяцев к речному причалу Архангельска причалили три струга. С первого сошли два боярина и стрелецкий начальник. Со второго посыпались стрельцы. С третьего медленно, даже важно сошли простые мужики.

— Это что, дядька Панкрат и есть Архангельск?

— Видать так, Андрейка, приехали. Погодь. Эй служивый, так что Архангельск? Куда теперь?

Один из стрелецкого отряда, откликнулся.

— Сейчас, сотник, всё узнает, тогда и даст команду.

Но сотник не появился. И как то незаметно все разбрелись по прибрежному лугу.

— Эх, дядька Панкрат, перекусить бы чего.

— Да, уж солнце высоко, не мешало.

Надо сказать дядька Панкрат, как и его племянник Андрей, выделялись из окружающих ростом и широкими плечами, потому конечно и проголодались быстро. Неизвестно, что бы они предприняли для добывания хлеба насущного. Но тут появился мужичок на телеге, спросив достаточно громко,

— Вы люди боярина Шакловитого? Держите.

С этими словами скинул на землю небольшой мешок, и две корзины.

Мужики и стрельцы собрались посмотреть. В мешке была крупа, в одной корзине хлеб, в другой корзине побольше, рыба.

Мужик как его не окликали, не оглядываясь погонял лошадь. Командование неожиданно для всех над сборным отрядом принял Панкрат.

— Еду сюда доставили, значит здесь будем сидеть ждать дальнейших указаний. Сколько сидеть неизвестно. Еду привезли на раз и потом ещё привезут, то неведомо. Поэтому делим на несколько частей и обустроиваемся.

Народ обосновавшийся недалеко от речных причалов, оказался терпелив. Нет приказаний, будем ждать. У всех мужиков, оказались топоры заткнутые за кушак. Быстро нарубили хворост для костров, также быстро наготовили веток для шалашей. Разожгли два костра, не перемешиваясь. Костёр для стрельцов, костёр для мужей.

Стрельцы пусть и не выставляли явный караул, но один всегда глядел, за всем, что происходит вокруг.

Мужики же перекусив занялись своими делами. Кто-то точил топор, кто-то стругал деревяшку.

День прошёл. На удивление, будто про них забыли и второй день пролетел также неторопливо. А вот на третий день едва успели перекусить. Пришел местный архангельский стрелец.

— Кто десятник, Соколов? Вот читай.

Стрелецкий десятник, взял грамотку, прочитал. Почесал в затылке. Ещё раз прочитал.

— Ну. Прочел? Велено вас проводить. Собирайтесь.

Десятник крикнул Панкрату,

— Собирай своих. Пойдем. Сам построил стрельцов. И под командой местного стрельца отправились в путь.

Пройдя через весь Архангельск, отряд вышел к морским причалам.

У одного из судов стояли бояре и стрелецкий сотник. Один их бояр, тот, что моложе, обратился к мужикам.

— Вот что братцы, чтобы дальше путешествовать, надо нам сей корабль загрузить.

Работы оказалось много. Грузили брёвна. Кирпичи, мешки с продуктами, ящики с инструментами, даже две пушки.

На обед остановились только перекусить и дальше без отдыха продолжили погрузку. Работали не только мужики, но и стрельцы. Погрузка закончилась к вечеру.

Казалось бы, можно отдохнуть, но бояре поднялись на борт корабля и скомандовали подниматься всем.

Матросы полезли наверх, распуская паруса. Андрей уже знал это слово. Вот корабль оторвался от причала и пошел в море. Вскоре закончилось устье Двины. И корабль подпрыгивая на волнах, весело побежал вперед. Андрей стоявший ближе к корме услышал разговор господ.

— Капитан, надо бы людей в трюм загнать.

— Надо бы, но я вам не советую.

— Советовать будете в другом месте, а я вам приказываю.

— Видите ли, господин боярин. На земле вы господин. Но так ведётся во всех странах, на корабле хозяин капитан и только он. Только капитан отвечает за всех пассажиров и все грузы. К тому же вы скоро сами убедитесь, почему я сейчас не хочу, чтобы люди спускались в трюм.

— И то верно, Федор Леонтьевич, нам нужно добраться до места. А уж корабль большой людишки нам не помешают.

Вмешался третий голос.

И тут Андрей с удивлением увидел, как дядька Панкрат замычал, как бык. Стоявший рядом матрос, крикнул: “К борту”- и толкнул дядьку. Тот глянул ошалелыми глазами. Снова замычал и бросился к борту. Вскоре уже почти все мужики и стрельцы выстроились вдоль обеих бортов.

С мостика спустился капитан.

— О! А ты молодой человек, моряк.

— Нет.

— Ну как нет раз не кормишь рыб в первый выход в море, ведь ты первый раз?

— Да, первый.

— Вот. Значит, будешь моряком. Кстати твои господа, тоже кормят рыб. Хочешь постоять за штурвалом?

— Не знаю.

— Пойдем.

Капитан развернулся и снова поднялся. Андрей поднялся за ним.

— Эрвин, подвинься, я привел тебе смену.

Капитан повернулся к Андрею.

— Как тебя зовут?

— Андрей.

— Андрэ. Великолепно. Вставай за это колесо. Только не крути.

Так продолжалось плавание. Сухопутные валялись. Оказалось если лежать, то мутит меньше.

Однажды все проснулись и вышли на палубу. Была обычная северная ночь. Солнце сидело у горизонта, подмигивая в раздумье, то ли нырнуть глубже, то ли начать восхождение.

— Капитан, уже прибыли?

— Нет господин воевода. Жду, когда солнце взойдет выше, чтобы не пропустить поворот в залив.

Больше с палубы никто не уходил, посмотреть на ночное солнце. Для жителей русских земель необычно.

Капитан приказал сниматься с якоря и отойти подальше от берега. Во первых, чтобы лучше разглядеть залив, а во вторых ветер усилился, и боцман всех сухопутных загнал в трюм. Разве, что кроме Андрея, который за эти дни для команды стал своим.

Ветер быстро усилился. Волны стали перехлестывать через борта. Андрей схватился за канаты и боялся пошевелиться. Проходящий рядом матрос, стукнул по плечу и показал глазами вверх. Капитан стоя за штурвалом, звал Андрея.

— Ну как, моряк, не видел такого?

Андрей, глядя с высоты на разбушевавшуюся стихию, на валы волн, набегающие на корабль, на чаек спокойно летящих между волнами, ошарашенно пробормотал: “Нет”.

— Ничего. Держись, сейчас повернем в залив.

Капитан стал поворачивать, отчего волны стали бить в борт. И начало казаться, что корабль ляжет мачтами на воду. Но капитан и команда были опытными, ни за что бы не дали бы погубить свой корабль.

— Ну вот и всё.

Андрей повернул голову, на слова капитана. Казалось бы волны также били корабль. Но нет, с каждым мгновением тише.

И вот уже, на горизонте с обеих сторон виднелась земля, берега залива.

На место прибыли к вечеру. Сначала хотели ночевать на корабле. Но мужики уговорили, что хочется твердой земли после этой качки. Да и капитан поддержал.

Быстро из маленького лесочка соорудили шалаши для мужиков, стрельцов и корабельной команды. Для воевод, капитана с помощником и стрелецкого сотника поставили шалаши побольше размером.

Хорошо утром просыпаться, когда не качается под ногами. Не свистит ветер в парусах. Не спеша разжечь костер. Приготовить завтрак.

Потом стали строить временную пристать, чтобы корабль смог подойти для нормальной разгрузки. Внезапно на корабле выстрелила пушка. Матросы бегали по кораблю и показывали на берег. Стрельцы разобрали оружие, приготовившись к обороне.

Из-за невысоких деревьев показались стрельцы. Много стрельцов. Очень много стрельцов.

— Кто такие?

— Думный Дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый по указу Государя, послан сюда. А вы

кто?

— Стрелецкий полуполковник Иван Федорович Соколов. Вы, господа всего десять верст не дошли до Колы, древнего города.

Стрельцам приказали отпустить ружья, а потом два отряда перемешались. Полуполковник пригласил гостей к Кольскому воеводе Якову Максимовичу Стрешневу.

*

Пока все эти дела, набег на юге и путешественники в Заполярье. Моя Агафьюшка вот-вот должна была родить. Я решил её спрятать, очень уж боялся повторения тех событий, что были в прошлой истории.

Недалеко от Москвы в лесах поставил терем. Поселил там только тех, кому как казалось мог доверять. Это были все люди и родственники из семьи Грушецких и Заборовских. Также там поселил повитуху Евдокию Панкратову с помощницами. Терем тот охраняли царские рейтары и солдаты первого измайловского полка.

Сам я старался, почти каждый день находиться в тереме.

И вот в конце октября царица родила. В тереме была суматоха. Позднее я понял, что всю суматоху создал я сам.

Крестным отцом, как и в той истории сделали игумена Иллариона. Крестил сына, конечно же патриарх Иаков. Наследника решили назвать, как и тогда Илья.

Очень я боялся повторения. Но царица была здорова, здоров и наследник.

И тогда я пошёл к патриарху, просить отпустить протопопа Аввакума. Гром и молнии которые метал патриарх Иаков были ужасны. Но я сказал, что это мой крест перед богом. Просил отпустить этот грех. Дело в том, что я уже послал гонца с приказом выпустить Аввакума. А потом сказал, что издал указ, о прекращении преследования старообрядцев. Снова гром и молнии. На что я сказал,

— Мы не преследуем магометан, не преследуем католиков и лютеран. Зачем же братьев своих по вере уничтожаем? Они просто заблудились. Как мытарь Савл, исправившись стал апостолом. Так будем надеяться, что наши заблудшие братья увидят истинный свет.

Патриарх, как-то внезапно успокоился.

— Может ты и прав, государь.

По всем городам Руси разослали сообщения о появлении наследника.

В начале зимы из Архангельска приехал Василий Фокич Грушецкий, один из тех дворян, что я направил строить новый город. Он мне и рассказал, что город уже есть, построен. Есть и верфи, добывают жемчуг, рыбу. В общем зачем строить город, когда он уже есть.

Вот вы мне скажите, как попаданцы всё знают, всё помнят? Я помнил, что Мурманск построили в начале двадцатого века. А про Колу не вспомнил ни разу. Вот здесь я конкретно попал. Впрочем, пусть Кола развивается, а там где высадились мои посланцы, будет порт, верфь и склады.

Глава 6. Лето 7189 (год 1681)

В ноябре начали съезжаться выборные стольники, полковники, стряпчие, дворяне московские жильцы, а также городовые дворяне и дети боярские. Вызваны они в Москву были по моему указу.

Два месяца они решали, как лучше служить, стольникам, дворянам и прочим знатым людям. И решили всё оставить как есть.

Так и вспомнилось будущее думали, думали и ничего не придумали. Впрочем всё-таки местничество отменили. То есть если раньше должности получали в зависимости “от места”. Должности получали в зависимости от рода. То теперь, будут получать соответственно от заслуг.

Ещё я стрельцов убрал с военной службы. Не совсем, но стрельцы либо служили на окраинах (границе). Либо несли городовую службу, что-то вроде полиции, следили за порядком в городах. Во всех кроме Москвы. В Москве будет особая городовая служба. Потому что столица особый город. В дополнение, к этому учреждались выборные полки. Нечто похожее уже было при батюшке. Но я задумывал, что-то типа омона, собра и прочих силовиков.

Дальше продолжить процесс христианизации. Всем мусульманам, племенной знати и прочим верований прилагались льготы. А те кто не познает веры лишатся дворянства.

Все эти указы приехавшие дворяне и Боярская Дума утверждали на Земском Соборе.

К сожалению обсуждение затягивалось, а дел было много.

Так например с доброй вестью прибыл Тяпкин Василий Михайлович. Дипломат, стрелецкий полковник, думный дворянин и стольник. Василий Михайлович ездил заключать мирный договор с турками. Если в той истории договор заключали на территории Крыма в Бахчисарае. И даже наш дипломат посидел в яме. Но всё равно заключил выгодный договор. То теперь переговаривающиеся стороны встречались в ногайском селе Киз-Яр. А так, как Русь отстояла Чигирин, захватила Азов, провела удачный набег, то все козыри были у нашего дипломата. Он не только отстоял левобережную Гетманщину, фактически уже русские земли, но и часть по правую сторону Днепра остались за нами.

Ордена я заранее не разрабатывал. Придумывал по случаю. Вот и сейчас надо бы наградить, но орденов и медалей пока нет. Придумался орден “служение Отечеству”. Вот орден четвертой степени я и вручил дипломату. Велел отдохнуть, а через месяц отправляться на восточную Украину (границы на востоке государства). Там маньчжуры пошаливают, будут и бои. А после боёв переговоры. Важно на этих переговорах землей своей не торговать.

Сам же я направлял на восточные земли Руси ещё отряды стрельцов и пушкарей. Надо отстоять Албазин, тогда и дипломатам легче будет.

*

По Кольскому заливу весело бежал поморский коч. Воевода Шакловитый велел, чтоб на один сезон. Плотникам и стрельцам помогали и рыбаки. А чем помогать знанием местных условий, да рыбалкой. Хотя в декабре из домов почти не выходили. Нет больших морозов не было, но для южных людей какими были и плотники и стрельцы, дневная ночь была страшна.

Ещё осенью, пока дни были похожи на дни, отстроили дома. Для плотников свой. Для стрельцов свой, для поморов свой. Построили большой склад. В остальное время плотники и

стрельцы прокладывали дорогу до Колы, казалось бы всего десять верст. Но когда день не начавшись заканчивался, да зимние метели. И десять верст покажутся бесконечными.

Так получилось, что Андрей прибил к поморам. Своей старательностью, охотой выполнять любое задание. А главное интуицией и умению учиться. Андрей быстро вписался в поморскую артель. Менее, чем за полгода, добился уважения. Когда не всякий помор, мог определить погоду, направление ветра. А он выросший в деревне на берегу речушки, в которой воды по колена быстро становился моряком.

Сегодня было особенно тепло. Если на середине пролива, тянуло свежестью. То на берегу, таял снег. Плотники и стрельцы вышедшие помогать выгружать улов, не одели верхней одежды.

Так как все воеводы уехали в Москву, то старшим был стрелецкий сотник. Но и он всех задумок воевод, а тем более государя не знал. Дело в том, что поморы засобирались домой в Архангельск, считая, что сезон закончился, и свой ряд они выполнили.

Сотнику всё же удалось уговорить, дождаться первый корабль из Архангельска, считая, что на корабле придут воеводы и разъяснят, что дальше делать.

*

Воевод я задержал, собираясь с ними отправиться в Архангельск. А возможно побывать в Мурманске. Но держали дела. Во первых прибыл гонец от Артамона Матвеева посла в Курляндии. Дела там шли хорошо, я же отправил дворянских детей учиться морскому делу. И в море они находятся уже два года. Понятно, что справедливо им послать замену.

Во вторых в прошлом году я впервые сажал картошку, помидоры и подсолнухи. Урожай получился вполне симпатичный. Наверно слугам было забавно наблюдать, как Государь колдует на кухне. Но жарить картошку и готовить салат из помидор я никому пока не доверял. Только парочке поваров разрешил наблюдать и учиться.

Вот и в этом году все иноземные продукты снова посадили. Люди что в прошлом году учились ухаживать за картошкой и помидорами будут наблюдать.

Наконец распорядившись и решив все вопросы, мы выехали в Архангельск. Агафья тоже хотела со мной, но оставлять полугодовалого наследника, на волю няnek, совсем не хотелось.

В Вологде пришлось задержаться. Ну как пришлось, государь я или не государь. Воевода тоже был в Москве и приехал за несколько дней до нас. Но уже приготовился к встрече. Если ты настоящий Государь, то должен показать подчиненным, что видишь их заботу и ценишь. Всегда при случае отблагодаришь. Хотя подчиненные заботятся о Государе, не ради награды. Но Государь всё равно должен помнить всех кто о нем заботится.

Здесь мы задержались дня на два. А потом скоростной спуск по Двине.

И вот корабль подходит к причалу Мурманска. Но не бывать Мурманску городом, скорей это будет портовый район Колы. Конечно у них есть порт. Но здесь, как я и задумал, будет порт двух городов Колы и Архангельска.

И вот мы сошли на берег. Надо сказать, что в той жизни я бывал в Мурманске. Но сейчас что меня понесло? Что я хотел увидеть? Железнодорожный вокзал? Гостиницу Арктику, Дом Моряка? Понимал ведь, что кроме нескольких сараев ничего не увижу, всё равно добрался сюда, на край земли Русской.

Кстати в той жизни, в море меня укачивало, а сейчас, стоял себе, любовался на природу. И ничего.

На берегу нас встретили стрельцы выстроившись, плотники в поклоне и поморы сняв

шапки.

Закипела работа по выгрузке. Я же стоял, задумавшись смотрел на залив, окрестные сопки, не сразу услышал, обращение ко мне.

— Государь...

Это капитан корабля, на котором мы прибыли.

— Государь, этот работник хороший моряк. В первый раз на море, но стойко держался.

У меня на штурвале стоял, паруса поправлял.

Капитан показывал на высокого детину.

— Да?

Задумчиво сказал я повернув голову. Но там стояли поморы, очевидно решившие, что я к ним обращаюсь.

— Воистину, Государь. Всю зиму с нами на промысел ходил.

— Хорошо я подумаю.

Но тут прибыл посланец из Колы. Воевода ещё из Москвы не прибыл. Получилось по воде с Вологды до Архангельска и с Архангельск до Мурманска мы быстрее добрались, чем воевода выехавший раньше, но сухопутным путем. Но всё равно нас встретят, накормят, напоют и в баньку сводят. Что ещё надо царю после долгой дороги.

Мне подозвали этого здоровяка.

— Как зовут?

— Андрей.

— Говорят ты моряк?

— Какой же я моряк, Государь? Море в прошлом лете в первый раз увидел.

— Ну, вот капитан говорит ты моряк, да и поморская артель клянется, что ты моряк.

Знаешь что. Сейчас и проверим, моряк ты или нет.

Мы загрузились в поморский коч. Я попросил у старшего, чтобы на время плавания до Колы старшим стал Андрей. Собственно, что тут плыть. Это по берегу десять верст, а по воде и того меньше.

В Коле провели около двух дней. Как-то вылетело, что не только Милославские родня по матушке, но и Стрешневы, по бабушке родня. Здешний воевода мне получался троюродный брат. Правда возраста уже изрядного.

Пока разгрузившийся корабль подошел. Загрузили иноземными товарами. Одновременно отправив часть посуху. Интересно, какая разница по времени, всё-таки по воде путь дальше.

Андрея тоже взял с собой, переодев из плотницкой одежды в некоторое подобие морского костюма. Во всяком случае, надо придумать форму и звания.

С капитаном я договорился, что всем на корабле будет распоряжаться Андрей. Капитан же постоянно будет рядом, следить, чтоб Андрей не допускал ошибок.

Когда подходили к Архангельску, я обратил внимание на три корабля, нет в порту стояло множество кораблей. Но как показало дальнейшее, это оказались те три корабля, что купили в Курляндии. Теперь там были полностью русские экипажи.

Увидев приближающийся корабль с государевым флагом. Все выстроились на берегу. При моём сходе с корабля, прокричали троекратно: “Слава, Государь”!

Ну что ж, теперь речь надо толкнуть.

— Приветствую, вас моряки. Теперь вы встанете на защиту Государя, охраняя морские украинны. Поздравляю, чином, мичман.

Тут все грянули троекратно, ура.

И откуда это у них, в море ходили на обычных кораблях, не военных?

— Завтра, утром построение, будем решать вашу судьбу, кому на какой корабль. Заодно пошить мундир, какой на Андрее Мурманцеве.

Андрей стоял сзади меня, так что я вытолкнул вперед, пусть видят свою форму. А фамилию я ему на ходу придумал. Не гоже, мичману государева флота, одним именем обходиться.

— Ну а сейчас, всем вольно, разойтись. Свободны, до завтра.

Показалось, что вся эта толпа меня сейчас затопчет. Но нет, все бросились к Андрею узнавать, как шить форму, какой материал.

Пока мы проводили построение, подошли воевода Архангельский, Хованский Петр Иванович и начальник корабельного строительства Милославский Иван Михайлович.

Вечером у воеводы сидели, разговаривали, но надо же и указания дать, царь я или не царь.

— Ты, Петр Иванович, как хозяин Архангельска, обеспечь моих моряков жильем в первую очередь. Ты же Иван Михайлович, считай, как адмирал, начальник над всеми моряками. Всё что им потребно, обмундирование, оружие, всё предоставь. Но первое время, если они не дай бог провинятся в чем, вы их не наказывайте, шлите ко мне гонца. Я буду решать, есть за ними вина или нет.

Вот так и посидели, поговорили, к тому же воевод я заранее извещал о прибытии моряков. Так что они приготовились.

Я же решил разделить всех мичманов на два флота Архангельский и Азовский, чем их и обрадовал на утреннем построении.

На стол положили мешок, в котором белые и красные камни. Те, кто доставали красные камни, отходили. Эти люди поедут на Азовское море. Ну и естественно с белыми камнями оставались на Белом море.

Дальше уже Иван Михайлович Милославский распределял по кораблям. Но кораблей пока было мало, поэтому не все стали капитанами, кто-то помощником. А кому — то будучи мичманом пришлось занять должность боцмана.

Вот наконец путь домой. Но начавшаяся семейная гроза превратилась в шторм в постели. Сначала жёнушка мне высказала, что я прогулял свой день рождения. Ну а потом и не приехал на её день рождения. Здесь казалось бы мы договорились, что мне частенько придётся покидать дом родной. Но тут Агафьюшка начала требовать, чтоб я больше строил католических храмов. На что я ей ответил, что это Россия и в Польшу её превращать не буду. Есть одна Польша и хватит. Короче ругались долго и страстно. Нет страстно, это уже в постели, я даже не заметил тот момент, когда вроде бы ругаемся и когда уже не ругаемся.

*

Мичман Андрей Мурманцев подъезжал к Воронежу. Конечно не он один. Все моряки, все мичмана, которых отобрал Государь для службы на Азовском море, видели крыши Воронежа. Отношения в этой компании сложились нейтральные. С одной стороны все они ходили вместе в моря, все учились морскому делу. К тому же все были дворяне. А с другой стороны Андрей прибыл с государем, был всё время вместе. Да и уезжая, государь вручил ему какой-то свиток.

Впрочем теперь это не имело значения. Сейчас все разойдутся по кораблям, может быть, даже больше не увидятся.

Однако был вечер. После ужина, все разместились в казармах рейтарского полка, ныне пустующие.

Ну а утром все завертелось.

Андрей только не мог понять почему моряками в Архангельске занимался Иван Милославский и здесь тоже Иван Милославский.

Про себя подумал, потом спрошу у кого-нибудь. Вручил бумаги Ивану Богдановичу Милославскому. Тот прочитал, “Ну что ж пожелание государя закон.”. Обратился к мичманам, стоящим неподалеку, “Алёша подойди сюда”

— Вот тебе, господин мичман помощник.

— Марк, возьми этих молодых людей, доставь на “Святого Илью”, ну и дальше, вниз по реке. Перед тобой капитан и помощник корабля.

Капитан Марк, сказал, “Гут”, махнул рукой приглашая идти за ним, и направился к берегу.

Группа спустилась в струг, который пошел вдоль кораблей стоящих на рейде. Потом корабли закончились. Молодые люди удивленно обратились к капитану.

— А мы куда?

— Потерпите немного.

Капитан довольно неплохо говорил по русски, но иногда акцент чувствовался.

Река повернула, и впереди показался красавец фрегат.

— Вот ваш корабль. Команда уже на борту. Продукты, оружие, всё что нужно для плавания уже на борту. Сразу же отплываем. Я назначен к вам временным лоцман-капитаном, провести по реке.

Андрей стоял, разглядывал сменяющиеся пейзажи.

— Любуешься?

— Да, Алексей ещё недавно я был там где холода, летом солнце не садится в море, а сейчас меня везут, туда где жарко.

— Нас ещё недавно гоняли иноземные капитаны, а теперь я сам почти капитан.

— Будешь ещё капитаном.

— Точно, мы Милославские всегда впереди.

— Ты тоже Милославский?

— Почему, тоже?

— Ну в Архангельске воевода Милославский, в Воронеже Милославский.

— Так в Воронеже дядька мой, отцов брат. В Архангельске, тоже из родственников.

— Хорошо тебе семья большая, а у меня только дядька, мамкин брат остался. И тот теперь далеко в Мурманске.

— Это где такое место?

— Недалеко от Архангельск, порт есть не замерзает, Колой зовут. Вот там Государь решил ещё один порт рядом строить.

Так за разговорами по реке спустились к Азову. Но в Азов не заходили, а боковыми протоками вышли в Азовское море.

Сразу же капитан Марк Рютте передал свои полномочия Андрею. И даже демонстративно спустился на палубу.

— Что, Андрей волнуешься, ничего и я подскажу. Да и этот хитрый голландец будет рядом.

— Всё понимаю, и ходил ведь. Но здесь другое. Там я всё равно был ученик, а здесь

всегда я капитан. Впрочем разговоры вскоре прекратились. Команда, процентов на восемьдесят были новички и не знали, как реагировать на легкую качку.

Вскоре показался Таганрог. К штурвалу вновь поднялся Рютте, но теперь он строго выполнял роль лоцмана.

В порту достаточно уверенно пришвартовались и господа мичманы пошли знакомиться со своей будущей жизнью.

*

В этом году был хороший урожай картошки. Хотя наверно сравнивать пока не с чем, посадили всего лишь второй раз. С помидорами были небольшие проблемы. Теплиц нет, парников нет, просто пленки нет. Надо было выкручиваться, хотя люди, которым было поручено смотреть за помидорами, наверно дышали на них. Самое простое что мы придумали, это сажать их на южные склоны, закрытые с севера, востока, запада кустами. Подсолнухи кстати тоже хороший урожай, но слишком много, чтобы тупо лузгать и слишком мало, чтобы из них делать масло. К сожалению южные земли ещё пока не свободны. Хотя чуть южнее Воронежа можно начинать разводить.

Подумав слово Воронеж, я подумал, что можно бы туда съездить. Сказано — сделано. Опять Агафья уговаривала взять её. Казалось бы что там может угрожать, царской семье, но в последний момент не решился, оставил дома.

И правильно сделал. Поговорив с воеводами. Решив насущные вопросы. Глядя на реку, подумал, “вот же стоит Святой Федор, ждет меня.”

Махнул рукой и отправился в путь.

Весело провел время в дороге разговаривая со старым знакомым капитаном Марком Рютте. Кстати тот похвалил молодого капитана Андрэ. Мне же было приятно, всё таки это мой выбор и я не ошибся.

Если раньше я просто ткнул в место на берегу. Здесь должен быть город заложен. То сейчас Таганрог напоминал небольшой поселок, с очень даже большим портом.

Насколько я помню ту другую историю, турки смогли вернуть Азов и уничтожить Таганрог. Сейчас надо этого не допустить.

По прибытии со всей свитой отправился к местному воеводе. Туда же приказал пригласить на ужин моих двух мичманов.

Перед ужином я поздравил воеводу Апраксина Федора Матвеевича чином майора, за успешное строительство города Таганрога. Говоря о новом чине, сказал,

— Весьма доволен тобой, Федор Матвеевич в деле успешного строительства. Но не забывай, что рядом османы и ещё ближе татары и ногайцы.

Потом разговаривали за столом. Конечно же я интересовался жизнью молодых мичманов. Оказалось проблемы с выплатой довольствия. Ну в принципе это и понятно. Дело новое, военные моряки ещё только появляются на Руси. К тому же мичманы не жаловались. Ибо первое довольствие они получили в Воронеже.

Я же пообещал, что посмотрю и сделаю, чтоб довольствие выплачивали не раз в год, а хотя бы четыре раза, квартальные выплаты. Ну и посмотрю, нормы выплат сколько для какого чина и звания.

Потом вручил мичману Андрею Мурманцеву капитанскую фуражку. С наказом к воеводе, чтобы проследил, всем командирам кораблей такие же фуражки.

Оказалось тяжеловато создавать новую форму. Брать за основу современную конца семнадцатого, начала восемнадцатого века не хотелось. Но тащить из двадцатого века, как-

то не комильфо.

А что если взять за основу стрельцов. Цвет конечно поменять. Для моряков, черный, белый и синий. Все меховые части заменить на кожаные. Длинный кафтан пойдет для северного варианта. Ну и конечно сделать поправки на звания. Кстати в длинных кафтанах, точно по мачтам не полазишь.

Получалось отлично, форма делилась на три части: матросов и унтер офицеров, вторая часть младшие и старшие офицеры ну и третья адмиралы. Для матросов всё по минимуму, чтоб легче двигаться, офицерам более статусная одежда, ну а адмиралам, можно и треуголки.

Потом несколькими кораблями вышли в море. Даже вдалеке видели турецкие, но сближаться ни мы, ни они не пожелали. Здесь мне пришла в голову ещё идея. Придётся немного попрогрессорствовать. Сигнальные флаги и азбука сигналов на море, появилось всё в девятнадцатом веке. Но очень уж неприятно, когда не знаешь, что происходит на соседнем корабле.

Собрал всех капитанов и предложил подумать. К примеру один увидел врага поднял на мачте полосатый желто-черный флаг. Случилась пробоина, тоже каким-нибудь флагом сообщил.

Глава 7 Лето 7190 (год 1682)

Год несмотря на зимнее затишье, начался относительно бурно. Умер Якоб Кетлер герцог Курляндии. Кстати о роли личности в истории, этот герцог сделал свое герцогство великим, равным Англии, Франции, Испании. Великим странам того времени. Достаточно того, что при герцоге Якобе строилось множество кораблей и даже были свои колонии в Южной Америке.

Зная о надвигающейся смерти курляндского правителя, я написал послу Артамону Матвееву, чтобы рассмотрел все вопросы возможного вхождения Курляндии на Русь. Конечно сейчас наследники будут шиковать и проматывать батюшкино наследство. Нам надо этим воспользоваться.

Второй момент, монахи Далматовского Успенского монастыря подали заявку на выделение земель и плавения железа для монастырского обихода. Ну монастырский, не монастырский, а ядра для пушек они мне делать будут. Так что заявку эту я утвердил не думая. Чем больше промышленности, тем больше пользы для Руси.

Была расширена привилегия для серебряных дел мастера Кожевникова. На искание серебряной, золотой и медной руды на реках Волге, Каме и Оке.

Здесь я лично посоветовал ему первым делом обратить свои поиски на Каму.

Была издана первая математическая книга на русском языке, она называлась, “Считание удобное, которым всякий человек купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи...” и содержала первую русскую таблицу умножения пар чисел от $1*1$ до $100*100$ записанных славянскими цифрами.

Да, в это время на Руси цифры были не арабские привычные в двадцатом веке. Писались глаголицей. Если кириллица похожа на письмо двадцатого века, то глаголица это нечто особенное.

К тому же посидев зимой я создал “Единую систему чинов и званий”, то что у Петра в той реальности называлось “Табель о Рангах”.

Ну и не менее важное. В Воронеже была открыта “Морская школа”, да-да, те самые гардемарины. Но даже не это самое главное. В эту школу я отправил своего десятилетнего брата Петю. Долго с ним говорил. В первую очередь, чтоб не хвастал, кто он и откуда.

Здесь я заранее предупредил начальство школы. Да в школе учатся дворяне. Но на всё время учёбы, они всего лишь учащиеся. Ну и конечно, обрадовал родителей, что если кого отчислят из школы, то позор на весь род.

А так как летние каникулы не предполагались, то учеба началась ранней весной. Вполне справедливо, пусть начинающих курсантов покатают на лодках по Дону.

Но вот наступило двадцать седьмое апреля. Я и до этого, чувствовал, себя как-то не очень. Ну а что делать, скорую вызывать? Так нет скорых. Утром вроде получше стало, решил прокатиться на конях. Ехал задумавшись, смотрел прямо вперед, поэтому не сразу заметил, как земля начала поворачиваться и откуда-то издалека, глухо так, заполошный крик, — “Государь”.

Очнулся в темноте, голова кружится, будто меня лежа на карусели катают. Но вопрос сумел задать.

— Что со мной? Я умер?

— Ну сам подумай, разве умершие о смерти думают?

— А где я?

— У себя в Измайловском. Сейчас ночь. Стольники тебя охраняют. Но я их усыпил, пусть отдохнут.

— Ты, Прохожий?

— Надо же догадался. Я уж было переживать стал, что не придёшь в себя.

— Что со мной?

— Тебя Федор Алексеевич покинул, теперь ты станешь настоящим попаданцем.

— А раньше был ненастоящим?

— Очень уж вы сжились, как один не всегда понятно, когда Федор Алексеевич действует, а когда посланец из двадцать первого века. Ты ведь не так много, своего из будущего принес. В основном действовал в духе времени. Почти ничего не изменил. Хотя конечно живая жена и сын жив, только это реальные изменения. Ну теперь в одиночку будешь решать, как дальше всё пойдёт.

— А как дальше?

— Тебе решать. Спи!

Наступившее утро было легким. Будто я не в кровати лежал, а висел над ней.

— Эй, кто-нибудь! Ну надо же никого нет.

Я соскочил с кровати. Ведь Федору Алексеевичу нет ещё и двадцати одного. Быстро оделся. Не сразу услышал, так тихо открывалась дверь. В проходе стоял стольник Иван Языков.

— Государь?!

— Нормально всё. Пойдем на улицу выйдем.

Но, несмотря на то что я встал рано, дворец моментально заполнился, людьми, шумом.

Даже Агафья не сразу ко мне пробралась. Уткнувшись в плечо прошептала,

— Зачем пугаешь?

— Ничего это голова от весеннего воздуха закружилась. А давайте, продолжим прогулку.

— Феденька, ты же видишь, я не могу.

Это да. Здесь я погорячился. Агафья была беременна и не просто, а вот-вот родит.

На следующий день я возродил Приказ Тайных дел. Потом пригласил Главу Посольского Приказа.

— Слушай Емельян Игнатьевич, делами твоими я доволен. Но вот что я придумал. Все послы живут в других странах время от времени, а надо, чтоб постоянно. К примеру послал ты человека в Саксонию, он там живет, все наблюдает, извещения шлет. Решили, что ему пора отдохнуть, шлем туда другого, но так, чтоб предыдущий всё рассказал, все хитрости жизни, чтоб с нужными людьми свел. К чему я это рассказываю. Нужны мне секреты военные, промышленные. Только тот, кто постоянно живет может всё это вызнать. Пригласи купцов наших, они ведь тоже везде бывают, всё видят. Наладишь им помощь от посла, они сведения.

Как ты смотришь Емельян Игнатьевич, чтобы съездить за границу, к примеру в Данию или Голландию.

— На всё воля твоя, Государь.

— Воля моя такова, здесь дела передашь дьяку Иванову Лариону Ивановичу. Сам на пять лет поедешь в Голландию. Учись у других послов. Ну и что мне тоже очень интересно, всё по морскому делу, артиллерийскому, мушкетному. Так же дело ткацкое. Впрочем всё что

у нас нет, а там уже. За эти знания тебе будет от меня благодарность.

Отослав дьяка Украинцева, задумался. Это сколько же людей погибло во время стрелецкого бунта. Про дьяка с недворянской фамилией Иванов, наверно не все историки знали. А теперь он жив будет. На благо Руси служить.

*

Корабль Святой Илья заходил в порт Таганрога. Обычное дежурное плавание. Но османы пока появляются, только на горизонте.

За время службы капитаном мичман Муромцев сделал для себя один важный вывод. Умение знать ветра, командовать экипажем при постановке парусов недостаточно. Капитан отец родной для корабля. Значит командиром должен днем и ночью, в море и на суше. С командой никакого панибратства, ну и что, что не дворянин. Здесь важнее, что командир.

А то что не дворянин, за этим приходилось следить внимательнее. Другой дворянин и с простыми людьми посидит. Скажут блажь дворянская. А если мичман Андрей уважать перестанут, скажут со своими сидит, офицерами брезгует.

Но посиделками за капитанскими столиками в корчме Андрей был доволен. Пить старался поменьше, зато опыт из разговоров черпал безмерно.

А на День Рождения Государя, все капитаны были приглашены в дом к воеводе майору Апраксину Федору Матвеевичу. Там опять же всех капитанов, поздравили очередным чином — поручика.

Кто-то возмутился было. Как же Государь обещал, что всем поровну. Тому пояснили, что поровну было, когда на службу шли. Теперь же некоторые из помощников недавно перешли на корабли капитанами и также получили чин поручика.

*

Приближался мой День Рождения, Агафья вот-вот должна была родить. Я уж было хотел отказаться от празднования, но рот не успел открыть. Агафья опередила,

— Не вздумай отказываться. Я не умирать собралась. А новую жизнь даю.

— Как скажешь Агафеюшка. Только я тебя опять отправлю в тот терем, где ты Илюшу рожала.

— Воля твоя, Государь. Только пусть роды принимает Евдокия Панкратова.

— Так и будет.

День рождения прошел стандартно. Во время дарения подарков, легкий перекус. Потом перерыв на просмотр царского театра, надо бы в Воронеже и Архангельске театры организовать, пусть люди приобщаются к высокому. Сразу после этой мысли неприятное ощущение, будто, что кислое съел. Попы очень не любят театр, и митрополит пилит постоянно.

Потом были военный парад, конская выездка, короче всегдашние развлечения. Бояре уже начали привыкать к моим праздникам, дочерей с удовольствием брали, пусть на других посмотрят, себя покажут. К тому же я слышал, некоторые начали свои дни рождения отмечать. Размах поменьше и не в Москве. А в своих усадьбах.

Наконец прощальный салют. Проводы гостей. Как трудно было себя сдерживать. Дело в том, что меня ждали два гонца. Первый только сказал. Что роды начались. Второй приехал рано вечером. С одним словом “девочка”. Этому дал золотой, потом подумал, в конце концов первый не виноват в скудости информации, поэтому дал ему серебряный.

Уже на выезде сотня рейтар ждала меня. Мы пронеслись вихрем, до терема, где рожала Агафья. Но у входа встретила Евдокия. Раскинула руки.

— Успокойся, Государь. Всё хорошо. Обе спят

Я сел на крыльцо, и верите, нет зарыдал. Какой же это стресс. Всем показывать улыбающееся лицо, а сам весь здесь. Даже когда второй гонец примчался, всё равно хотелось самому узнать. А тут ещё все спрашивают где государыня.

Остался ночевать здесь. Утром повидался с супругой. Порадовались, что родила в мой день рождения. Решили, что дочку назовем в честь моей матушки Марией.

По приезду в Москву вручил грамоты на дворянство Евдокии Панкратьевне Панкратовой. Во второй грамоте описание герба на голубом фоне змея пьющая из чаши. Над чашей восьмиконечная звезда.

Собственно и раньше Евдокия жила у меня, как дворянка. Но теперь пусть пользуется привилегиями на законном основании.

Заодно надо посмотреть, как обстоит дело на Руси с медициной. Ну про Аптекарский приказ я знал. Этот приказ и аптека и медицинский институт и лечебница. Кроме того в Москве полвека назад была открыта Первая гражданская больница на пятнадцать коек.

Как говорится, хорошо, но мало. Надо открывать лечебно-образовательные больницы. Хотя откуда пошло слово больница? Правильно лечебница.

Как то так получилось, что я не в Кремле живу, а в Измайловском. Туда и привезли Агафью с Ильей и Машенькой.

Вскоре ко мне приехала Наталья Кирилловна, со слезами бросилась в ноги, умоляя вернуть Петрушу.

— Ну что, вы Наталья Кирилловна, Петруша учится, как отписывают всем доволен.

Но Наталья Кирилловна продолжала рыдать. Подозреваю, что её кто-то настроил.

— Хорошо. Поезжайте в Воронеж. Но одна просьба Не мешайте сыну учиться, никто не знает его настоящего имени. Там он Михаил Романов. Поговорите с ним. Кто такой Михаил Романов знает только начальник училища Василий Фокич Грушецкий. Вот с ним и разговаривайте. Сейчас вам приготовят карету и поезжайте.

Я призвал Бориса Федоровича главу царских рейтар.

— Поедите с Натальей Кирилловной в Воронеж. Охраняй также как меня. Едет она к сыну. Поэтому сначала завезешь её к Василию Фокичу. Смотри, чтоб никуда не ходили. Никто не должен знать, что Миша Романов это Петр Захарьин. Ну и заодно, может узнаешь кто её настроил, что сын в опасности.

Ступай!

Неожиданно, на несколько дней наступила свобода. Нет дел всегда хватало, можно даже спать не ложится, всегда занят будешь. Но тут прямо срочных дел не было. И я с Агафьей, с детьми, выехали в Агафьин терем. Я его так шутя называл, туда Агафья ездила рожать значит это её терем. С одной стороны место глухое, а с другой круглые сутки летом и зимой, по периметру охраняли. К тому же про это место знало очень мало. Солдатам и офицерам не говорили, что они охраняют.

Три дня пролетели в тишине, покое и незаметно. Потом я стал собираться. Нельзя надолго пропадать, всегда найдётся, кто-то, что-то придумает.

*

— О чем задумался?

Мичман Милославский хлопнул по плечу своего командира поручика Муромцева.

— Да вот смотрю на воду, думаю. Давно ли я был в северных водах, где даже в теплые летние дни вода холодная. А сейчас, даже в темноте, чувствуешь, как дышит теплом.

— Это что, я ходил вот там тепло. И рыбы большие акулы называются. Говорят такая за раз человека съест. А здесь тишина, только кильки.

— Ничего ещё везде побываем. Пойду спать. Разбуди на вахту.

Корабль плавно скользил по воде. Матросы за штурвалом менялись чаще, чем помощник с капитаном. Так что когда мичман пошел будить своего командира за штурвалом сменился третий матрос.

На востоке поднималось солнце.

Поручик вышел на палубу, держа в руках кружку с чаем. Вокруг виднелись корабли с русскими флагами. Да Государь дал приказ, прогуляться до Черного моря. И сейчас флагман входил в Керченский пролив.

Эскадрой командовал, недавно ещё сухопутный человек воевода Таганрога майор Апраксин.

Пролив прошли за полдня, и повернули на запад, не приближаясь к Крымскому полуострову, но так, чтобы его всё время было видно.

Выйдя из пролива, почувствовали волнение, ветер явно усиливался. Конечно самое лучшее, зайти в какой-нибудь залив и переждать. Но береговая линия русским флотом ещё была совсем не изучена. И поближе к берегу существовала опасность нападения татар или не дай бог османского флота.

Нахмурившееся небо, ветер, большие волны. Да и то что корабли вынуждены были разойтись, чтобы не оказаться брошенными друг на друга. Всё это конечно делало серьёзными лица моряков.

Но Андрей почему то совсем не огорчился, в каждую секунду он заранее знал откуда подует ветер, откуда набежит волна. Соответственно этому знанию отдавал приказы, как ставить паруса.

Конечно всё субъективно, кто к чему привык, но шторм действительно был небольшой. Вечером ветер начал стихать, волнение, конечно ещё бросало корабль. Но уже можно было расслабиться. Капитан корабля отдал приказ, “всем свободным от вахты, отдыхать”.

Утро принесло неприятное удивление, значительная часть эскадры отсутствовала.

На флагмане взметнулся сигнал, “Всем капитанам прибыть на совет”.

Вот здесь Андрей пережил несколько неприятных минут. Это с палубы фрегата, казалось, что волнение стихло. Но шлюпку кидало как на качелях. А потом надо было подняться по штормтрапу.

Апраксин не стал затягивать совещание. Говорили быстро, по делу. Капитанов желающих “пофилософствовать”, сразу прерывал.

Решили продолжить двигаться на запад, постепенно приближаться к полуострову. А кораблям находящимся с края строя эскадры разойтись, как можно дальше, но чтобы не терять основные корабли из виду, в тоже время смотреть на горизонт.

Эти простые решения, достаточно быстро принесли положительный результат, вскоре эскадра, почти в полном сборе выходила на прежний курс.

Внезапно фрегат “Святой Илья”, подняв знак “следуй за мной”, резко положил правый борт и понесся в сторону полуострова. Ближайшие корабли, также повторили сигнал тоже повторили маневр. Нельзя сказать, что всё было сделано идеально. Точнее совсем не идеально. В конце концов и вышли скорей на тренировку. Несколько кораблей чудом избежали столкновения. Но теперь уже все видели, что “Святой Илья” преследует небольшую группу кораблей. На двух висел знак “опасность”, и это были русские корабли

взяты в плен.

Эскадра начала окружать полукругом группу беглецов. Там заметили, даже зачем то попытались выстрелить. Но было ещё достаточно далеко. Пожалуй главным преследователем был “Святой Илья”, который развил просто сумасшедшую скорость, во всяком случае по сравнению с другими кораблями. Он единственный из всей эскадры был на расстоянии выстрела. Но подставлять себя под пушки врага не собирался.

Надвигающаяся эскадра делала бегство невозможным и тогда все османские корабли уткнулись носом в берег. А экипажи кораблей прыгали вводу, добираясь вплавь на берег.

“Святой Илья” убрав паруса, по инерции скользил ближе брошенным кораблям.

Развернувшись правым бортом. Ударил по убегающим, не столько нанес поражение, сколько придал ускорение.

Все пять кораблей были галеры.

Андрей медленно переходил с галеры на галеру. Везде были измученные, уставшие гребцы. На одной галере несколько человек забиты до смерти.

Гребцы были разных народов. Конечно были русские, казаки, запорожцы, ляхи, австрийцы, греки, фряги. Все те народы, с которыми воевали османы.

Наши корабли, это были два флейта, небольшие корабли. По размеру ближе к галерам, чем к фрегатам. Корабли тоже были оставлены. А команды просто загнаны в трюм, даже не связаны.

Воевода тоже поднявшийся на флейт, ругался долго и творчески. Когда он устал, подошел Андрей и тихо, почти шепотом сказал,

— Дозволь воевода?

Тот не отошедший от гнева, хотел кричать и на Андрея, но в последний момент сдержался и тоже тихо спросил.

— Почему шепотом?

— Не надо, воевода никого наказывать. Просто покажи, гребцов на галерах. Да скажи за ваше разгильдяйство, вас такая судьба ждала. А в следующий раз всё проспите и помощь не успеет будете грести всю свою короткую жизнь.

Воевода опять хотел вскинуться. Но усмехнулся, погрозил пальцем.

— Ну умен, ох умен. Да и моряк отменный. Ладно, для первого раза согласен.

Сотня матросов с ружьями поднялась на возвышенность, куда удирали османы, но тех и след простыл.

На берегу устроили совещание. Но теперь все были единодушны, пора возвращаться. Для первого раза впечатлений достаточно.

Собрание воевода закончил неожиданно. Назначил поручика Мурманцева командиром эскадры. Сам же он пойдет вместе с эскадрой до пролива, а оттуда на быстрых кораблях в Азов. Галеры же потихоньку, насколько способны пойдут своим ходом.

Здесь Андрею пришлось расстаться со своим помощником. Мичман Милославский с удовольствием взялся командовать одной из захваченных галер.

До пролива приключений не было. Командир эскадры оставил фрегат и две шхуны присматривать за галерами. Но и сами не спешили. Майор Апраксин, как только показался пролив, приказал поднять паруса и скрылся за горизонтом.

Мичман Милославский нашел на галере мешок кофе. Угостил своего друга и начальника. И Андрею вкус турецкого кофе понравился.

Апраксин спешил, чтобы известить государя о плавании.

Чуть позднее прибыл курьер с грамотами, в которых майор Апраксин жалован чином подполковник, поручик Мурманцев чином капитан-поручик. К тому же оба они, а также мичман Милославский награждались орденом “За морские заслуги”. Но зачитав эти указы, гонец не остановился, а достал ещё грамоту, в которой было сказано, что капитан-поручик Мурманцев Андрей, как достигший звания по указу Государя получает дворянство.

*

День Рождения царицы прошел необычно. Во первых женщины на Руси, даже если она царица, существо вторичное и прав на свой праздник не имеющее. Но я помню, как в той истории Петя всё поломал, все эти пьянки-гулянки.

Я же решил для женушки устроить женские посиделки. В первую очередь пригласил теток, сестер, мачеху, конечно-же боярыню Евдокию. Агафья пригласила сестер. Братьев, которые естественно пришли с женами.

Были подарки, поздравления. А вместо военных маршей, показ мод. Ну как показ, с учетом специфики семнадцатого века. Но Агафья осталась довольна.

Наталья Кирилловна съездила к сыночку, хотела забрать. Но Петя был доволен учебой. Пожалуй единственное, еды не хватало. Я сначала, когда мне рассказали, что не хватает, разозлился. А потом дошло. На самом деле, кормят как на убой. Но строго завтрак, обед, вечерний чай и ужин. Никакая нянька пирожок между приемами пищи не даст. Вот и жалуется, на нехватку.

А тут ещё приятное известие с Черного моря. Быстренько сообразил морской орден, чуть было не забыл, дописать про дворянство, хорошо дьяк напомнил. За что я ему тут же серебряный рубль отвалил.

Короче всё оказалось хорошо. Кстати среди гребцов на галерах, которых захватили наши моряки, оказалось много мастеровых людей. Часть, конечно хотела вернуться домой, но оставшихся мы холили и лелеяли.

Я вообще не понимаю, того, что понаписано в истории. Ну ладно историю писали при Романовых. Кстати почему они Романовы, если здесь и сейчас я Захарьин. Дальше ещё смешнее, нам внушали, что Петька армию с нуля собрал. А здесь прямо сейчас этих полков иноземного строя на не одну дивизию. Как он воевал со шведами? Если Тула вполне обеспечивает всю армию пушками. Кстати ружьями русского производства торгуют даже за рубеж. И потом война это ж не просто прихоть. Например поляков турки жмут сильнее, поэтому поляки и хотят с Россией дружить вечным миром. Со шведом, тоже не одна Россия воевала.

Впрочем здесь наверно и сказывается, то самое пресловутое послезнание. Хотя чем дальше в лес, тем злее партизаны. В том смысле, что изменения начинают расходиться как круги по воде.

А ведь я в отличие от других попаданцев, почти ничего не сделал. То что Агафья жива и наследник есть у Федора Алексеевича. Это мои заслуги. Азов взял на пятнадцать лет раньше. Сам жив и стрелецкого погром не было. А сколько людей теперь в живых осталось. Вот из таких песчинок и состоит пустыня Сахара.

*

Андрей из окна таганрогской управы смотрел на залив. Так получилось, что ещё недавно обычный плотник, стал моряком. Теперь дворянин, морской офицер и глава города Таганрога. Апраксин отъехал в Москву, но обещал, что по весне приедет замена. Впрочем и верно, зимой, как будто все замерзло, нет не от холодов, но частые дожди мешали работам.

Кому не мешали, так это татарам. Пока ж набеги были скорее разведывательные, но Андрей в письмах государю предупреждал, что всё может измениться в один раз.

Глава 8 Лето 7191 (год 1683)

Зимой Русь замерзает и погружается в спячку. В то время, как в теплой Европе продолжается хоть какое-то движение, на Руси только дымки из изб. Но приходит весна, Русь подобно медведице встает из берлоги.

Итак мне нужно было разобраться с боярской думой. Когда бояре хорошо устроились и делать ничего не делают, и вроде шумят.

Вот в один из зимних дней я и обрадовал бояр.

— Можно конечно, сказать деды так жили и мы жить будем по заветам дедов. Только не получается. Деды на врага с мечом, да стрелами, а мы уже с ружьями. И ружья те меняются. Сто лет назад с другими ружьями воевали. Кто знает какие у наших внуков будут.

Когда то князья без боярской думы обходились, а потом создали думу и уже вроде бы кажется без неё нельзя. Но вот местничество отменили. По заслугам будем людей мерить. Значит и дума заседательная не нужна.

Создадим теперь Совет, будете мне советы давать.

Погодите бояре шуметь. Значит так. Вот я царь на верху сижу за всем смотрю, всё вижу. Приказы мою волю исполняют. Надо чтоб они все вместе сидели. Построим приказную избу. Только избой я назвал для красного словца. Это будет большой дворец, где почти все приказы под одной крышей поместятся.

Тааак. Теперь вернёмся к Совету. Будет это Государев Совет. Почти как дума. Только советоваться меж собой будете. Нужен будет указ. Вот вы и подумаете, как сделать, что для Государя польза наибольшая была.

Здания начнем строить по весне.

Даже описывать не буду. как шумели и спорили бояре. Главное рано или поздно согласились.

*

Капитан-поручик Андрей Мурманцев целеустремленно шёл в порт. Нет острой необходимости не было. Просто хотелось поближе к морю. К тому же весна. И запах бодрящий морской и волнующий с берега перемешивались и вызывали неясные чувства. Хотелось куда-то бежать, что-то делать.

Однако Андрей просмотрел. У берега швартовался небольшой корабль, наверно с Воронежа. Ну да конечно, вон среди группы толпящихся на палубе явно виден Апраксин.

Андрей пошёл им навстречу.

— Ну здравствуй, здравствуй городской голова.

У Апраксина было хорошее настроение.

— Никак сердце подсказало, нас вышел встречать или просто на море поглядеть?

— Поглядеть вышел.

— Ну гляди, гляди. Скоро совсем моря не увидишь.

И после затянувшейся паузы Апраксин продолжил.

— Государь тебя вызывает. Зачем, мне не сказал. Но догадываюсь, что будешь приглашен на День Рождения. А пока вот знакомься, генерал-поручик Патрик Иванович Гордон, прибыл на твоё место. Так что хоть к Государю поспешай, но день-ка на два задержись, обскажи как и что.

Вот это майор Шеин Алексей Семенович, прибыл... Впрочем теперь, тебе это ни в

чему. Ну, давай хозяин Таганрога, показывай владения.

Как и сказал Апраксин, Андрей задержался на два дня. На третий уже к обеду сходил в Азове. Показав грамоту, где было указано “Государево требование”. Перед грамотой все тянулись. И если к морской форме начинали привыкать, то мундир капитан-поручика, был неизвестен. И по мнению чиновников лучше перестараться, чем недостараться и битую быть.

И вот уже ертаульный струг мчал вверх по Дону в сторону Воронежа. Струг это небольшое судно, ну как небольшое. Точно не лодка, поменьше, чем фрегат, на котором капитан-поручик ходил по Азовскому морю ранее. А ертаульным струг назывался за свою скорость.

Поскольку приглашение было Государево, то Андрей в Воронеже нигде не задерживался, ни с кем не разговаривал. Сразу с причала отправился в ям, где уже, в карете отправился в Москву.

*

Первая половина года прошла спокойно и как положено государю, писал законы, обсуждал в Верховном Совете. Недалеко от Кремля нашлись ветхие постройки, которые снесли и на этом пустыре строили здание “Приказной Избы”. Даром, что название изба, не строится из кирпича. Рядом же здание Верховного Совета.

Для меня это было самое радостное время, первая яркая зелень, майское тепло. Так что я выходил в сад и размышлял о жизни. Этим летом должны случиться два события, разгром турок под Веной и набег запорожцев на татар. И здесь надо как-то это дело поддержать. Туркам после разгрома будет не до войны. А татары на запорожцев отвлекутся. Идея была симпатичная. Но времени как всегда нет. Уже надо готовиться к использованию данной ситуации. Ну Шеина я послал на месте готовиться. Но всю основную операцию подготовим с Голицыным Василием Васильевичем.

Ну а пока искали Голицына, доложили, что прибыл капитан-поручик Мурманцев Андрей Иванович.

— Ну проходи, герой Азова.

Я было подошел к капитану, но смотреть снизу вверх. Передо мной стоял двухметровый детина, косая сажень в плечах.

— Прходи, присаживайся, чайку попьем. Любишь чай?

— Я, государь, как турецкий кофе попробовал, так другого ничего не надо.

— Ну что ж можно и кофе.

Нам принесли кофе. Фрукты и пирожное уже были на столе. Вот что Андрей Иванович видит бог, хотел тебя порадовать, пригласить на День Рождения. Но оказалось времени может и нет. Никогда не знаешь, успеешь, потому что шёл не торопясь или опоздаешь, потому что слишком бежал. Но о главном потом. Пока кофе пьем, расскажи, как дела в Таганроге, как Азовское море, как Черное, как галеры турецкие взяли.

Андрей обстоятельно рассказал, как раскидало в шторм, как собирались, как матрос, сидящий на мачте увидел наши и турецкие корабли. Как сам Андрей принял решение о погоне, в надежде, что остальные корабли не отстанут. Рассказал о работах в Таганроге.

Я слушал и про себя посмеивался. Мне просто повезло. Человек в прямом и переносном смысле от сохи, но сколько в нем талантов дремало. Теперь только успевай буди. Моряк точно талантливый. Порой другие всю жизнь по морям, а этот только оказался на море всю суть морскую понял. В градостроительстве понимает. Судя по тому, как вел себя с дворянами, сам ещё не будучи дворянином. И как теперь ставь дворянином, не загордился.

Эх жёнущку бы ему хорошую подыскать. Ну да ладно, всему своё время.

— Вот что Андрей Иванович.

Я встал из-за стола, поднялся и Андрей.

— Вот тебе грамота, на присвоение звания капитан третьего ранга. Вот сундучок, там форма, всё по росту.

Здесь я усмехнулся про себя. Теперь я похож на герцога из фильма “Тот самый Мюнхгаузен”. А что поделаешь приходится если не самому шить, раз хочу, чтобы форма напоминала привычную мне форму.

— Вот ещё грамота. Её покажешь Милославскому Ивану Михайловичу. У него примешу корабль. Самый большой и самый лучший.

Вот тебе царская подорожная. Никто не посмеет не только тебя остановить, но даже косо смотреть в твою сторону. На сей день ты единственный на Руси капитан третьего ранга. Поэтому поедешь через Вологду остановись у воеводы Голохвастова. Будешь в Архангельске живи у воеводы Хованского. Пойдёшь Архангельск-Кола-Амстердам-Рига-Дюнкерк и вернёшься в Архангельск. В Амстердаме встретишься с нашим послом Украинцевым Емельяном Игнатьевичем. Кстати в Голландии строят корабль, так что на твоём корабле поедет команда для того корабля, кроме того поедут купцы. Плавание, как минимум в ту сторону обещает быть “веселым”.

*

Андрей конечно нервничал, всё-таки ехал, как представитель Государя. Но в Вологде воевода принял радушно, накормил, спать уложил. Сыграли свою роль царские грамоты или охрана, десяток измайловцев возглавляемая самим командиром. Штабс-капитаном Змеевым Василием Семеновичем, охраняющем всегда Государя. Андрей об этом не знал, но видя, как тянутся все встречные чиновники перед казалось бы обычным штабс-капитаном.

Фрегат, с именем “Северная Звезда”, Андрея поразил. Если там на Азове был восемнадцати пушечный, поменьше. Так сказать мелководного исполнения. То здесь стоял сорока пушечный фрегат, почти в три раза больше своего азовского родственника.

Управлять большим кораблём оказалось непривычно. Надо было постоянно вводить поправки на то что было раньше. Меньшие корабли быстрее поворачивали. Поэтому выйдя из Белого моря Андрей нарочно взял мористее, чтобы ещё потренироваться.

Но вот и Мурманск. Поселок вырос. Ещё больше складов, у причалов постоянно стоят корабли.

“Северная Звезда” подошел к свободному причалу. Надо было, что-то оставить, до зимы здесь на складах. А что-то загрузить и везти в Европу.

Андрей не стал сидеть всё время погрузки на корабле. В конце концов у него есть три своих мичмана и два поручика в подчинении. Тех офицеров, которых везли в Амстердам получать корабль он тоже привлекал к службе.

Сейчас же оставив смотрящих за работами на корабле сошёл на берег. Вместе с ним сошли ещё несколько человек. Задержав их, капитан напомнил. Что работы продлятся недолго и корабль сразу же пойдёт дальше. Сколько бы он искал артель плотников, неизвестно. Просто они случайно вышли навстречу. Раскланялись. Никто даже не узнал. Тогда уже пройдя мимо, Андрей окликнул,

— Дядька Панкрат.

Тот обернулся и не мог поверить глазам своим. Голос Андрейки, а стоит важный дворянин.

— Что не узнал, дядька Панкрат?

Андрей снял фуражку. Но в нем всё поменялось.

Панкрат, скорее по интуиции, чем узнал, сделал шаг навстречу, не зная даже как обращаться, к этому вроде бы племяннику, а вроде важному господину.

Пойдём, дядя Панкрат, посидим, поговорим.

Они зашли в домик где жили плотники. Но никто не мешал им разговаривать. Андрей рассказывал о себе, как удостоился у государя первого чина ещё здесь, за что получал другие. Что дослужился до дворянина. Панкрат до этого молча слушавший, чуть не упал в ноги.

— Ничего, дядя Панкрат, ты для меня всегда дядя. Вот тебе сто рублей.

Панкрат даже поперхнулся от такой суммы.

— Бери, дядя Панкрат, мне в море там другое нужно не деньги, а вернусь, государь своей милостью не обидит.

Панкрат долго глядел вслед удаляющемуся кораблю. Слеза бежала по его бородатой щеке.

Андрей восхищался простором Атлантического океана, хотя сразу горизонтом на восток находилось побережье Скандинавии. На удивлении, за столь долгий путь не было ни одного шторма. Просто время такое, бывает ведь и наоборот. Ни одного спокойного дня. Радовало всё, необычные птицы, рыбы. Корабли появляющиеся на горизонте не спешили сближаться. Андрей тоже не торопился бросаться под выстрел первому встречному.

*

День Рождения прошёл как всегда ударно. Только приглашенных было поменьше. Раньше я приглашал всех бояр из Боярской Думы, так сказать коллег по работе. Пока Дума распущена, а Совет ещё не начал работать, я не стал совсем уж токсичных коллег приглашать.

Даже так из взрослого поколения, пригласил тех, кто мне сейчас нужен, тех с кем постоянно непосредственно общаюсь. А в основном пригласил “детей”. Да здесь их называют детьми, только потому что ещё не достигли “взрослых” должностей.

Ну а так всё было тоже, подарки, выступление театра, немного парада, немного нарядов от Агафьюшки. Теперь многие начинают подражать царице. Удивляюсь, как у Петьки ничего не получалось. Всё Русь через колено ломал. Просто потому что терпения не было. Ну и стрельцами напуган, хотел всё уничтожить. У меня же всё спокойно бояре без бород, боярыни в польских платьях.

Тут кстати точно середину надо было искать, боярские шубы среди лета конечно перебор. Но господа в париках и колготках, тоже не в радость.

Итак надо готовиться к удару по туркам. Насколько мне помнится, в той истории турки разбили войско австрийцев и на радостях осадили Вену. Здесь почти вся Европа собралась и навалила туркам. Гнали их потом долго и далеко.

Так что в свете этих событий туркам, какое-то время будет не России. Вот тут мы и подсуеитмся. Если не весь Крым, то хотя бы керченский полуостров отождём.

Но всё это будет в сентябре, а сейчас начало лета. У меня в Измайловском собрались: Ромодановский Григорий Григорьевич глава Ратного Приказа, можно сказать министр обороны, Апраксин Федор Матвеевич подполковник, последнее время строивший Таганрог, Иван Борисович Милославский глава Морского дела в Воронеже. Ну и самый главный Голицын Василий Васильевич. Его я предполагал на должность главнокомандующего в этом походе. Не было ещё Шеина Алексея Семеновича, который в Таганроге уже занимался подготовкой к высадке в Крым.

Диспозиция была такая. Голицын не переходя Днепр. Идет по левому берегу до Черного моря. Апраксин берегом Азовского моря идет к Днепру, где эти два войска должны встретиться. Шеин спустя месяц после выхода Апраксина высаживается на Керченский полуостров.

Тут конечно возникла заковыка. Карт тех мест пока ещё не существовало в природе, может турки что нарисовали. Поэтому я сделал всё схематично. Нарисовал дугу, под дугой два ромба. Ромб побольше Крым, поменьше Керченский полуостров. Дуга это Днепр.

Воеводы глядели на меня выпучив глаза. Они даже примерно не представляли, как всё выглядит в глобальном масштабе. На местности все ориентировались, бывали там не раз, но чтобы вот так. Я же отбрехался, наши лазутчики у осман схемы эти выкрали.

Дальше господа воеводы решайте сами. Но мне думается будет лучшим, соединившись идти в Крым. Тем самым дадите Шеину освоится на месте. И кстати берите обозы с едой и водой. С водой там плохо особенно в Крыму.

Шеину передайте пусть с противоположного берега из реки Кубань воду возит. Здесь у ромбов пришлось нарисовать овал — Азовское море и примерно ткнуть где Кубань.

Все конечно приняли к сведению, мои указания. Но я сказал, что без вопросов никого не отпущу. Поэтому полдня всё утрясали. И только после того, как всем всё окончательно стало ясно, разошлись.

Теперь я почти ничего не решал. Ну разве что к Шеину направил Первый Измайловский полк, помогут ему взять и не отдать Керченский полуостров. Но военная машина запущена. Полки готовятся к походу. Потом Голицыну ещё не раз напомню про обозы, потому что в той истории принято считать, Голицын неудачно сходил на татар. Те же поступили, как всегда поступают степняки, сожгли траву, засыпали колодцы и догоняй их после этого.

В Москве всю шло строительство. Во первых я приказал выдать беспроцентные кредиты. И все сносили свои старые деревяшки и строили новые каменные дома. Улицы мостились. Главное же строились “Приказная Изба”, хотя возводился каменный дворец для правительства, ведь приказы это те же министерства. Ну и неподалеку ещё один дворец для Верховного Совета.

Строились быстро. Надеюсь, приказы займут свои места уже осенью. Кстати некоторые приказы в “Избу” не попали. Это особые приказы, типа Ратного, Посольского, Тайного.

Но лето шло, приближался День Рождения царицы.

И я решил устроить Агафье праздник на море. Ну море не море, но измайловские пруды тоже вода. Построили что — то вроде парома. Можно бы конечно изобразить кораблик. Но даже для прудов нужны настоящие моряки. А вот паром, это да. Да будет праздник на воде.

День Рождения удался на славу. На Руси итак праздников мало. Точнее все церковные торжественные. А просто веселиться, такого мало. Тут же веселье, да на воде. Веселье у нас с жёнушкой продолжилось в спальне.

Про поражение европейской армии от турок в июле мы знали. Что будет в сентябре догадывался только я. Впрочем уже ничего нельзя было изменить. Войска Голицына и Апраксина, каждый со своей стороны, вышли в поход. Шеин готовился, так сказать стоял на низком старте.

О победе европейского войска над турками, мне доложили, когда азовский флот подходил к Керчи.

Я приказал изготовить две медали медную “За поход 7191” и серебряную “за взятие Каффы”. Конечно можно сказать, что я поторопился. Но я был точно уверен, что и поход

состоится и керченский полуостров возьмут. Знать и быть уверенным, это конечно разные вещи. Но пока данное течение истории не сильно расходилось с моими прогнозами. Но взяв сначала Азов, потом построив Таганрог, и сейчас захватив керченский полуостров, мы точно заставили забыть обо всём турок. Теперь они будут желать в первую очередь вернуть себе Крым, потом изгнать нас из Азова. Вот только с поляками, мы всё дружнее. Так что есть надежда, что турки с татарами обломаются.

Рано утром по всему Керченскому полуострову началась высадка русских войск. Конечно же там где берег был пологий. Коней и артиллерию высаживали на косу Арабатская стрелка с плоскодонных барж, которые упирались прямо в берег.

Не зря я донимал Шеина в своих письмах, заставляя его особенно обратить внимание на выгрузку.

И теперь поротно с кораблей спускалась пехота. Воины были готовы защищать своих товарищей, коней и пушки.

Грубо говоря если взять города будущего, то Керченский полуостров занимали от Керчи до Феодосии. Но Керчь ещё не построили, а крепость Каффу, в будущем Феодосия, предстояло захватить.

Керчь решили заложить, всё-таки оставлять Керченский пролив не годится. А Феодосию обязательно взять, она в отличие от степной Керчи более пригодна для жизни.

Часть войск, конные пошли на восток полуострова. Чтобы обследовать, села и место строительство Керчи. А Феодосию окружили с суши и моря.

Так получилось, что войска Голицына и Апраксина, вышедшие на месяц раньше, шли дольше. Из за этого затруднено было взятие Феодосии. Защитники надеялись на помощь. Самое удивительное и смешное. Феодосию и Перекоп взяли в один день.

И вот тут у меня начались проблемы. Может и не проблемы, но когда начали прибывать курьеры с докладами о взятых городах. Я понял, что оказывается, в подобный успех не верил. И теперь просто надо было добывать всё ханство. Присылать ещё войск. Договариваться с запорожцами и казаками, чтобы помогли. И без всякой остановки на сезон. Ну и что, что в Москве зима, в Крыму воевать можно.

В первую очередь от себя оторвал полк царских рейтар. Да рота выросла до полка, а командир Долгоруков Борис Федорович от ротмистра до полковника.

Полк рейтар проследовал до Воронежа оттуда напрямик до Крыма. Не скажу, чтобы все войска до последнего выгреб. Но теперь в первую очередь надеялся на казаков. А главе Крымского похода Голицыну строго настроено наказывал, казаков и запорожцев к Бахчисараю не допускать. Взять его нежно, чтоб ни один дворец не разрушили.

Но ведь кроме боевых дел, были и дела не менее глобальные.

Например Украинцев Емельян Игнатьевич, смог тайно выкупить, а по сути выкрасть передовые ткацкие станки. Сукно голландское по всему миру хвалят, теперь и у нас такое же будет. Кстати станки эти с людьми их сопровождающими доставил капитан третьего ранга Мурманцев Андрей Иванович.

Поковырявшись в памяти и сравнив с современным состоянием дел, не стал сильно умничать, а станки ткацкие приказал отвезти в Иваново, где уже всюю ткали льняные холсты.

Продолжая тему Крымского похода. Отправил туда Аггея Шепелева генера-поручика и начальника строительства кораблей в Воронеже Милославского Ивана Борисовича, также полковником.

Пока ещё слово дивизия не изобрели, а полки были разных размеров. Некоторые полки будут побольше, чем дивизии в будущем. Теперь пришлось утрясать, чтобы полковники командовали полками. а генералы дивизиями. Полки теперь будут от полутора до двух тысяч. Два полка корпус. Два корпуса дивизия.

Глава 9 Лето 7192 (год 1684)

В конце зимы прибыл курьер, Бахчисарай взят и принят под охрану.

Первые медали за взятие Каффы, за взятие Перекопа и за поход 7191, уже были отосланы и войско награждено. Сейчас же предстоит серьезное награждение, как если бы я сам поехал награждать. Хорошо, что прибыл недавно Долгоруков с половиной полка, вторую половину оставил в Крыму, поручив командование своему брату Долгорукову Григорию Федоровичу.

Рядовому составу и унтер-офицерам медали Крым наш.

Воеводе Голицыну Василию Васильевичу орден “Крым наш”, также орден четвертой степени “Служение Отечеству”

Полковнику Апраксину Федору Матвеевичу орден “Крым наш”

Подполковнику Шеину Алексею Семеновичу орден “Крым наш”

Ивану Богдановичу Милославскому орден “Крым наш”.

Аггею Шепелеву звание полный генерал и орден “Крым наш”.

В Москве я наградил, главу Ратного Приказа Ромодановского Григория Григорьевича орденом “Служение Отечеству”.

Ну и когда был в Москве командира царских рейтар орденом “Крым наш”.

Наградить было самое легкое. Теперь предстояло защитить Крым, освоить его, ну и избавиться от местного населения. Насколько я помнил в прошлой истории всю эту дипломатию вел сам Суворов Александр Васильевич. Да, он добивался, чтоб крымских татар отправили в Турцию, ну тех кто захочет.

Подумалось, вот бы съездить в Крым. Ага разбежался, царь я или не царь. Нам царям все хотелки запрещены. Только интересы государственные или семейные. Хотя семейные интересы у царя они тоже государственные.

Да, государыня моя, в апреле месяце, родила продолжение рода. Теперь мальчик. Назвали в честь отца супруги Семен.

В этот раз я совсем можно сказать не отходил. Хотя в конце концов Евдокия Панкратьевна выгнала меня. И я оседлав коня нарезал круги, на расстоянии пяти верст от терема. Ждал, но когда показался гонец, растерялся, а тот махнул рукой, кивнул головой всё хорошо и пристроился сзади всадников сопровождающих меня. Но я то уже ждать не стал. Есть известие, теперь надо уточнить. На крыльце терема, как всегда ждала Евдокия.

Неожиданно подумалось, “Молодая же ещё, почему не замужем.”

И тут же махнув рукой взбежал в терем. Сзади спешила Евдокия, шептала, “только не долго Государь”.

Я забежал в покои Агафьи, наклонился, поцеловал её, взглянул на тихо сопящий сверток рядом, улыбнулся и вышел.

Нет, пожалуй, в Крым в это лето я не поеду. Но вот собрать Верховный Совет надо.

Приказы в Приказную Избу переехали и там работают. Здание же Верховного Совета недавно отстроили. Теперь столько поводов отметить.

Неожиданно народу собралось много. Поэтому в последний момент, моё выступление решили проводить на улице.

Я стоял, смотрел. Есть ещё живущие по старинке. В шубах с бородами, хорошо, хоть в горлатых шапках не пришли. Впрочем, если вспомнить, как в том же двадцатом веке, моды

менялись, каждые десять лет. Так что всему своё время. Торопиться отрезать боярам бороды тупыми ножницами, глупо по меньшей мере. Да у Запада тоже надо учиться, но учиться тому, что двигает государство вперед. В первую очередь знания, а от того в каких шубах ходят, на науку не влияет. И потом в Европе гораздо теплее, так что считать, что при отсутствии бороды наука и экономика лучше развиваются. Глупость великая.

— Собраны вы все здесь, чтобы обсудить события в нашем государстве. Во первых Государыня благополучно разродилась наследником. Но не для этого собрал. Во вторых построен Верховный Совет. Здесь вы и будет обсуждать все важные события. Но самое главное событие, которое все знают. Но которым необходимо срочно заняться. Войско наше победило татар. И теперь мы можем не бояться нападений, значит можно рассчитывать на поместья на южных землях. Русь приросла значительными землями, всё левобережье Днепра, Приазовье и самое главное Крым. Не все даже догадываются, какой драгоценный камень попал в нашу корону. Вот я и предлагаю, обсудить, как отшлифовать этот Крым. Ну и не надо забывать, что османы будут стараться вернуть всё себе.

Впрочем сейчас две задачи. Как можно меньше оставить крымчаков, как можно больше заселять русских. Но не забывать. Что местами здесь встречаются запорожцы, донские казаки и возможно появление кубанских казаков. Хотя этих надо точно контролировать у меня для них и атаман есть Кондрат Булавин. Правда сейчас ему лет семнадцать и пока он обычный казак. Но есть события, которые могут произойти. Если хорошие события, надо им поспособствовать. А если плохие, то лучше их предотвратить.

В той истории царь Петька первый давил народ налогами, собственно из-за чего и возникло булавинское восстание. А восстание, прежде всего плохо тем, что в первую очередь это удар по экономике. Возможно, я не дам повода к восстанию, но надо обезопасить себя со всех сторон. Не давать повода. Во вторых главных атаманов Булавина и Некрасова заранее вывести из дела. Пусть на Кавказе с магометанами воюют.

Так получилось, что Крым я взял на сто лет раньше, чем это было в той истории. И значит, проблемы века семнадцатого и проблемы века восемнадцатого складывались. В каком то смысле проблема была одна, это турки. Всё зависело от решения этой проблемы. Решать всё будут три человека. Шеин Алексей Семенович вне зависимости от звания назначается Главнокомандующим обороны Крыма. Будет укреплять в первую очередь берега, чтоб никакие корабли не могли высадить десант. Севастополя оказывается тоже нет. А место там идеальное. Но в первую очередь укреплять берега.

Вторым человеком для решения проблемы турок будет Милославский Иван Богданович будет строить корабли. Ну и не совсем о проблеме, но осваивать новые земли тоже надо. Этим займется полковник Апраксин Федор Матвеевич.

Увы человек предполагает, а бог располагает. Ну и ещё можно вспомнить, что человек иногда внезапно смертен.

Прибыл курьер из Крыма, что боярин Иван Богданович Милославский скончался. Похоронен на кладбище города Ак-Мечеть. С трудом вспомнил, что это прежнее название города Симферополь. Пожалуй, менять не буду. Пусть всегда будет Ак-Мечеть.

— От чего он умер?

— Стар был. Занемог, дня три лежал. А потом тихо отошёл.

— За мной, почему не послали?

— Всё быстро произошло, Государь. Никто бы не успел.

— Ну, да, конечно. Ступай.

Впервые за всё время, что я здесь, стало грустно. Милославский не был мне другом. Не общались мы часто. Всё таки был относительно близким человеком.

Захотелось выпить. Тихо зашла Агафья. Немного дикая ситуация. Не могу рассказать ей всё. Расскажу то что есть. Ведь Иван Богданович двоюродный брат матери Федора Алексеевича.

На следующий день вызвал к себе сыновей Ивана Богдановича, Александра и Сергея. Предложил за счёт казны съездить на могилу отца. В память об отце подарил каждому по деревеньке в Приазовских степях. Ну и назначил Сергея на место отца, строить корабли.

*

Наверно этот корабль можно было принять за призрак. Ночью в тишине он скользил под незнакомым звездным небом. Вся команда высыпала на палубу. В трюме жарко, а тут несмотря на отсутствие ветра хоть какая прохлада. Наконец унтер-офицеры смогли уложить команду. Вся палуба была усыпана спящими телами.

Капитан спустился к себе в каюту, чтобы ещё раз просмотреть старые записи и сделать новые. Поневоле вспомнились слова государя: “Будь наблюдательным, самое ценное это видеть то, что не видят другие. Но и знать, что все знают тоже немало”.

Андрей бегло просмотрел записи. Дважды они ходили по маршруту Архангельск-Амстердам. Удалось привезти ценный груз. Во второй раз передали грамоту от Государя, что разрешает свободное плавание. Но дальше Кейптауна не заплывать. Прочитав тогда, Андрей удивился, что за Кейптаун. Но вскоре им повезло. Из множества кораблей этот голландский купец выбрал их корабль.

Андрею выпала удача потренироваться в освоении голландского языка. Сам голландский язык он начал изучать с помощью посла, ещё в первый приезд в Голландию. И вот теперь бесплатное обучение.

В Кейптауне простояли около десяти дней. Но попутных заказов не было. Здесь Андрей признался самому себе, что до конца не знал, какое из направлений попутное. Увы и ветер и течение, гнали корабль на север, возвращая в Европу.

Но приближаясь к экватору, Андрей во время измерений заметил, что всё же корабль относит к западу. И вот вечером ветер стих. Корабль двигался по воле течения.

Утром разбудил вахтенный,

— Капитан ветер, крепчает

— Хорошо, иду.

Андрей задержался на мгновение, приготовить кофе. Однако, когда он вышел на палубу, судно уже изрядно качало. Спящих на палубе, конечно же не было, команда подгоняемая боцманом ставила паруса. Подбежал один из поручиков,

— Какие будут указания, господин капитан?

— Ставьте все паруса.

Поручик развернулся, побежал отдавать приказания. Андрей уже привык, что к нему ещё недавно бывшему просто деревенским плотником, теперь обращаются, “господин”. Зато он к своим подчиненным обращался не по фамилиям, к примеру, поручик Звонарев. А поручик Иван, поручик Михаил, мичман Сергей, мичман Григорий и мичман Василий.

Корабль, вчера равнодушно скользивший по глади моря, теперь, как норовистый конь несся по волнам Атлантического океана.

Капитану нужно было принимать решение, убрать часть парусов или понадеяться на то, что ветер не усилится. Андрей уже слышал, как матросы его называли, “капитан Ветер”. Вот

и сейчас он просто всем телом чувствовал, что ветер, ещё немного усилится, но не перейдёт в шторм.

Так и произошло ветер дул стабильно. Корабль несся по волнам. Команда привыкшая к постоянно дующему ветру занималась своими обычными делами.

И вот уже показался бразильский берег. Не было никакого обязательного направления, поэтому офицеры и команда удивились, тому, что вышли прямо к городку Форталеза.

К сожалению это был португальский городок. И никто в команде не знал этого язык. Однако в истории Форталезы есть время, когда город принадлежал Голландии. Отдельные голландцы всё ещё жили здесь. Так что нашлись переводчики.

В общем то, здесь задерживаться и не зачем. Набрали фруктов, воды. Размялись. Потому-что оказывается ходьба по палубе и лазание по мачтам, это не то же самое, что ходьба по земле.

Загрузив продукты и отдохнув, отправились дальше, не отходя далеко от берега южной Америки.

*

День рождения прошел уже как-то обыденно, ну или просто привычно. Вот супруге в прошлом году смог устроить интересное, а для себя не получилось. Через два года какой-никакой, а юбилей. Тогда точно надо будет расстараться. Ну а пока радуется, то что главная неприятность, турки молчат. Понимаю, расслабляться не надо, придут в себя и устроят веселушку. Но мы же ждём, не дадим себя застать врасплох.

В учебных заведениях учатся стрелки, всадники, пушкари. Пушкарские роты выведены из пехоты. Теперь каждый отвечает сам за себя.

Мануфактуры работают, производят те же пушки, ружья.

Не скажу, что медицину, поднял на небывалый уровень. Но одно дело рану перевязать вовремя, а другое спустя несколько часов.

Тайный приказ заодно с Посольским ведут промышленную разведку. Кстати порой передовые технологии не прячут, просто надо их найти. К примеру изобрели, что-нибудь на юге Франции, а на севере той же Франции узнают и применять начнут лет через пятьдесят.

Вспоминая смерть Милославского, вспомнил про ещё одного старичка. Сказал в Посольском Приказе, чтоб заменили Артамона Матвеева. Ему ведь тоже под шестьдесят. Тем более, что у него есть сын Андрей Артамонович, лет правда пока всего восемнадцать. Но последнее время с отцом был, наверно научился. Вот пусть батюшку своего на дипломатическом поприще и заменит. Об этом я им обоим и сказал, когда пришли представляться, по случаю возвращения.

Артамона Сергеевича Матвеева во время приёма удостоил орденом “Служение отечеству” четвертой степени.

Правда Матвеев благодаря за орден, извинился, что не смог Курляндию, повернуть на нашу сторону. На это я его успокоил, не враги уже хорошо. Конечно получив, такое батюшкино наследство, сынок Фридрих решил, что хорошо, будет всегда.

Но без неприятностей тоже нельзя. В той истории крымский хан подписал, что отходит от турок под руку московского царя. Ну и организовали, крымчаков, которые не хотели жить под рукой Москвы, те уехали в Турцию. Сейчас же хан бежал, никто его не видел. Турки пока молчат. Поэтому часть крымчаков на своих баржах вывезли на территорию Буджакской орды. Эта местность потом, возможно станет частью Молдавии.

Я сам хотел, как можно больше крымчаков из Крыма отправить. Поэтому строго

настрога приказал не трогать отъезжающих, даже охранять, чтоб только сваливали, куда подальше.

Но вот из Крыма от посла прибыл курьер, с извещением. Османы вышли на связь и просят перемирия. Предварительные инструкции посол получил. Но я уже знал, что в Европе турок давят австрийцы. И значит османам мир, даже нужнее, чем нам. Нам он конечно нужен. Но сейчас для турок война на два фронта не нужна.

Я понимал, что заключая перемирие, могу пожалеть позже. Всё-таки турецкая армия, пока ещё очень сильна. Справившись в Европе, турки повернутся на нас. Но и нам надо осваиваться и усиливаться сейчас. Продолжать воевать, нам сейчас, увы тоже не выгодно. Во первых, даже самое главное, это дороги. Крым, Приазовье, сейчас очень далеко от центра, мануфактур, армии. Две основные дороги это Дон и Днепр. Но если Доном мы пользуемся несколько лет, то Днепр только предстоит осваивать. К тому же нужны и сухопутные пути. Ведь ещё недавно мы сами, чтобы защититься от крымчаков, дороги превращали в бездорожье. Теперь надо наоборот. Надо осваивать Дикую Степь, ставить деревеньки, городки.

А с другой стороны, успокаиваться рано, турки попытаются вернуться. Значит надо держать оборону. В первую очередь морскую. Севастополя ещё в проекте нет. А город порт Черного моря нужен.

Курьер уехал в Крым с заданием, чтоб османы вывозили крымчаков и пропускали в Крым корабли для торговли.

А потом мне привели братьев Тумашевых. Всё и про всех знать нельзя. Так и я про этих братьев узнал совершенно случайно. В той истории они открывали залежи железа, россыпи самоцветных камней. Построили железодельный завод, но разорились. Занялись торговлей драгоценных камней. Но и здесь, что-то не пошло.

Спецы в деле геологоразведки они были классные. Кто им не дал жить, чиновники, конкуренты. Но сейчас я намерен был всё это исправить.

Раньше все приёмы, не важно, кого, послов, важных бояр проводились в тронном зале. Царь сидел, потел в дорогой шубе, гости стоя перед ним снизу вверх рассказывали о делах.

Потихоньку я начал менять традиции. Теперь проводилось в гостевой палате, где все гости усаживаясь за один стол с царем разговаривали о делах.

На столе только чай или кофе, ну и булочки. Только слегка перекусить, главное же поговорить.

Вот и сейчас четыре брата Тумашевых, три моих стольника, два человека подающих на стол и два рынды у двери.

Нет, ну а что, название мне нравится. Переименовал бы в гвардейцев, что бы изменилось? А так одежда у них попроще, поудобнее стала. Бердыши это скорей для торжественности или вот как сегодня для важности. В другое время рынды ходят с саблями, в нагрудных ремнях носят по четыре пистоля. И если Первый Измайловский и Царские Рейтары со мной в походах, то рынды везде, во дворце, походах.

При том в походах я учу их быть в двух ипостасях. Для торжественности, они важные и на виду. Но иногда незаметные.

Но возвращаясь к геологам. А как ещё назвать рудознатцев? Мы сидели, пили чай, братья рассказывали о себе. Больше всего говорил старший из них Дмитрий Александрович.

Разговор, только утвердил меня в принятом решении.

Я встал, поднялись все, зашел дяк записывать сказанное мной.

— Итак господа Тумашовы, послушал я вас и вот что решаю.

Тумашов Дмитрий Александрович получает звание капитан, что по закону дарует ему дворянство.

Тумашовы Василий Александрович, Иван Александрович и Петр Александрович получают звание поручик. С вами пойдут две роты Третьего Измайловского полка. Отныне эти роты будут Уральским полком. С вами поедут дьяки Горного Приказа. Они будут записывать всё найденное вами. Служить будете государству, надеюсь так не разоритесь. Государство вас не обидит. Ваш железоделательный завод, ещё послужит государству, но без вас.

*

Когда нет выдающихся событий, то постороннему наблюдателю жизнь покажется замершей. Но государство готовит армию, вооружается. Производит товары и зарабатывает деньги. А бывает, что происходят события незаметные большинству и даже иностранным шпионам. Но эти события оказывают большое влияние на историю.

Вот, например в Колу поздней зимой вернулся корабль “Северная Звезда”. Ну, корабль и корабль, мало ли этих кораблей. Дело в том, с каким грузом прибыл корабль. Впрочем, пусть сам капитан рассказывает.

После Форталезы зашли в Парамарибо. Совершенно случайно. Небольшой залив, устье реки. А сам городок прятался дальше по реке. Что неожиданно городок оказался голландским.

Здесь решили задержаться. Всё-таки и шторма трепали и фруктами надо было пополниться. Да и просто лишний раз походить по земле всем хотелось.

Честно говоря Андрей не был до конца уверен, что поручение Государя выполняет правильно. Никаких новых земель, никаких особенных событий. Но судовой журнал исправно вел и карты рисовал, стараясь соблюдать точность.

После Парамарибо, отошли от берега и можно сказать никаких приключений не было. Ну не считать же приключениями штормы в море.

Пока однажды сидящий на мачте матрос не закричал, “лодка впереди”.

Все удивились откуда лодка в океане и как он разглядел. Но действительность оказалась более прозаична и ужасна. Это был корабль с пробоинами, без мачт. Мачты перебитые ядрами, давно упали за борт. На палубе было море крови и горы трупов.

Андрей не хотел задерживаться возле этого корабля-могилы. Но один из матросов. Оказавшийся одновременно и смелым и любопытным, спустился в трюм. Вскоре его крик разнёсся над океаном. Спустившийся в трюм Андрей был поражен количеством ящиков с золотом и серебром.

Да, такую неожиданную добычу нельзя оставлять. Неизвестно, что здесь произошло, куда делись те, кто разбил этот корабль. Возможно, он уже возвращается.

Поэтому все работали, как черти в аду. Можно конечно сказать матросы в тропиках. Ветер был слабенький. Несмотря на духоту все хотели закончить работу до темна.

Успели, не только перегрузить ящики, но и пушки, порох, ядра.

И вот на корабль опустилась знойная тропическая ночь. А утром, проходивший недалеко корабль попытался атаковать. Но был удивлен скорострельностью “Северной Звезды”.

Очевидно, корабль встал на дорогу. Теперь постоянно вдалеке попадались паруса. Ещё два раза случались нападения. Но выручали пушки с разбитого корабля. Они стояли на

палубе и поворачивались в любую сторону. Что было неожиданно для преследователей. Оба раза отбились, не доводя дело до abordажа. Второй раз пираты явно получили хорошую оплеуху. Но добивать их не стали, помня о своем грузе.

В Европе зашли в Амстердам. Как раз вовремя, посол в Голландии, готовил почту в Россию.

Так что когда пришли в Колу, путешественников уже встречали. Часть груза повезли в Москву, с этим обозом Андрей отбыл на доклад.

*

Выслушав эти приключения я естественно дал капитану орден “Служение Отечеству” четвертой степени и звание капитан второго ранга. А также пожаловал деревней на южных землях. Всех моряков с этого корабля награбил медалью “Морская Доблесть”. Когда Андрей вернется в порт, тогда и вручит награды.

Золото и серебро доставленные “Северной Звездой” оказались, как нельзя вовремя. После войны нужно было осваивать новые территории, на это деньги. Готовиться к новым войнам. Да и просто деньги никогда не лишние.

Глава 10. Лето 7193 (год 1685)

В имени Андрей так и не побывал. Деревня, только основана. Крестьяне, живут в полуземлянках. Конечно господский дом, никто не выстроил. А жить в степи в землянке, Андрею уже привыкшему к морским просторам, точно не хотелось.

Дождлся дядьку Панкрата, которого назначил приказчиком. Вручил денег, картошки, помидор и семян подсолнуха и укатил в Колу к себе на корабль.

А дядька Панкрат. Теперь приказчик Панкрат Тимофеев поехал в городок Валуйки. В уезде, которого и находилась деревенька Дубровка, жалованная дворянину, капитану второго ранга Мурманцеву Андрею Ивановичу.

*

Несмотря на то что я уже много натворил в этом времени. Но это касалось отдельных мест. Например Крым захватили на сто лет раньше. Не родились ещё ни Потёмкин, ни Суворов, а уже Крым наш. Флот пораньше появился. Хотя не понятно, пока, как быть со шведами. Но всё-таки один постоянно действующий порт, за две тысячи вёрст от Москвы, как то не очень. И даже дело не в удаленности. Что б туда доехать по глухим лесам, даже в двадцать первом веке, леса и болота.

Так что хочешь не хочешь, придётся пробиваться к Балтике. Хотя вспоминая опять же двадцать первый век Балтика это мелководный залив Мирового океана. И в заливе этом, как в мышеловке.

Впрочем я отвлекся. Всего лишь хотел сказать, что меня историю в одном направлении, остаётся неизменной в другом. Так этим летом в Москву прибыли братья Лихуды, греческие православные монахи. Пригласил их патриарх Иоаким для открытия Славяно-греко-латинской академии. Так и было в прошлой истории. А в этой такую школу я уже открыл. И что мне делать с этими монахами? А ничего. Направлю к Софье, школа у неё работает, пусть с этими монахами разбирается.

Второй момент, который несмотря на всё моё прогрессорство, остался неизменным. Это нападение маньчжуров на приамурский город Албазин.

Конечно зная о нападении, я послал больше войск, приказал укреплять стены. Но история с Чигириным не повторялась. Сам Чигирин был ближе к Москве и воеводы более адекватные. А на Дальнем Востоке, к моим указаниям отнеслись по принципу, “до бога высоко, до царя далеко”. Понадеялись на русский авось. В результате, с большими потерями, но Албазин сдали, как и в той истории. И как и тогда, увидев, что маньчжуры ушли, вернулись отстраивать Албазин.

Таким образом у меня впереди было два независимых развития будущего. Одно там где я вмешался и уже изменил. Например, что будут делать турки я мог только предполагать.

Второй вариант, там где никак или почти никак не повлиял. Здесь я могу примерно точно сказать, что мне ждать. Но чем больше я вмешиваюсь, тем больше будущее становится неожиданным.

Пока не было особых дел, решил съездить к брату. Нет у правителя дела есть всегда, особенно во времена, когда нет телефонов м только курьер может найти. Ну тут уж ничего не поделаешь, надо исходить из того, что есть.

Дорога Москва — Воронеж, была похожа на шоссе двадцать первого века. Конечно немного преувеличиваю. Никакого асфальта. Но ширина трассы, так что четыре телеги

спокойно могли разъехаться. Дорога ровная, ямы засыпаны либо камнями, либо бревнами. Кстати слово мост, это не только переход через реку, но и дорожное покрытие, к примеру половинки бревен на дороге. Ещё можно говорить помост, мостовая. Так вот такая мостовая от Москвы, до Воронежа.

Но теперь я требовал бревна заменять камнями. Кстати эта была самая лучшая трасса в Русском Царстве во времена правления Федора Алексеевича. Да, вот такой я нескромный. В конце концов, если есть чем гордиться, надо гордиться. Вторая трасса Москва-Вологда. Обе трассы выходы к морям. Из Воронежа по Дону в Азовское море. Из Вологды по Двине в Белое море.

Кстати по хорошей дороге и езда быстрее.

Теперь в Воронеж приезжали на полсутки раньше. Всё-таки лучше, пусть поздно, но ночевать в своём подворье, чем дорожном трактире.

Утром директор морского училища Василий Фокич Грушецкий курсанта Михаила Романова направил на один из кораблей.

— Курсант Михаил Романов прибыл для прохождения учебы.

Я повернулся в кресле.

— Ну, здравствуй, Петя.

Встреча наша происходила на небольшой шхуне, с которой вся команда была отправлена на берег отдыхать.

Петр дернулся, очевидно обнять, но как бывает в этом возрасте, решил показать, что он взрослый и просто сказал,

— Здравствуй, Федя.

— Ну, давай рассказывай, как учеба, какие заботы.

— Что учеба. Учеба хорошо. Когда на море?

— Петя. Сейчас вы учитесь, а на море уже учиться будет некогда. Тогда все свои знания будет применять. А море примет у тебя экзамен. Думаю на следующее лето, уже по морям.

Так мы разговаривали часа два. Потом Петя, то есть Михаил Романов, отправился на другой корабль. Где до вечера знакомился с корабельной оснасткой.

Я же провел ещё несколько дней в Воронеже, думая, что теперь, корабли строить можно на Азовском море или даже Черном.

Заодно пригласил донских и запорожских казачьих атаманов, а также стрелецких полковников. Это в Москве и двух больших городах, Вологде и Воронеже стрельцов не осталось. Во всех трех городах стрельцов заменили городовые, ну или, чтоб понятнее было милиция-полиция. То есть служба охраны порядка в городе. Собственно стрельцы никуда не девались, просто я их переводил ближе к границам, в чем-то приравнивая к казакам, а казаков приравнивая к стрельцам.

Если сказать попросту, то и стрельцы, и казаки это военные формирования. Живущие в мирное время мирным укладом, но в военное время добровольно идущие на войну.

Многие из стрельцов, пытались возмущаться. Но здесь я постоянно говорил, как прежде не будет, хочешь служить стрельцом, служи там, где прикажут. Или иди служи в полки нового строя. Не хочешь служить более нигде, переводись в посадские люди.

А сейчас я собрал казаков и стрельцов, для того, чтоб предложить переселиться на новые земли. От города Астрахани до города Азова. От Каспийского моря до Азовского. Тем более получилось, что крымских татар из Крыма изгнали, но эти же крымские татары остались на берегу Азовского и Черного моря. А зачем мне такие соседи?

Для того, чтобы в будущем все эти запорожцы, донцы, стрельцы стали едины я предложил именовать не казаками или стрельцами, а кубанцами. Понимая, что сейчас все будут селиться отдельными станицами. Отдельно запорожцы, отдельно донцы и уж конечно отдельно стрельцы. Я же надеялся, что со временем перемешаются и останутся просто кубанцы.

На пять лет назначил командовать всей этой оравой Ромодановского Федора Юрьевича. Временная столица кубанцев Астрахань. Потом командиром будет наказной атаман или глава пограничной стражи.

*

Эскадра из одиннадцати фрегатов шла по Гибралтарскому проливу. Командовал этими кораблями командор, капитан второго ранга Мурманцев Андрей Иванович.

По указу Государя эскадре предстояло выступить под флагом Венеции, против осман. Для этого на “Северной Звезде” находился Долгоруков Яков Федорович, родной брат командира царских рейтар Долгорукова Бориса Федоровича.

Якову Федоровичу предстояло вести переговоры с Венецианскими властями.

А пока эскадра наслаждалась средиземноморским теплом. Местами даже подходили к южному африканскому берегу.

Вдалеке показались паруса. Корабли уходили на север, но заметив русскую эскадру, повернули навстречу. Как ни странно, но флаги на всех кораблях были белые.

— Это французская эскадра. Интересно, что им от нас надо?

Петр Михайлович Бестужев, был из тех мичманов, которых Государь посылал изучать мореплавание в Курляндию. Один из немногих, побывал в Голландии. Франции, Испании. Зная кроме русского, ещё латинский и польский, выучил языки всех стран, в которых побывал. И теперь будучи старшим помощником и капитан-поручиком на командорском корабле, заодно просвещал любимца Государя и капитана “Северной Звезды”.

Когда французская эскадра приблизилась, с самого большого корабля раздался выстрел.

На “Северной звезде”, подняли сигнал, “всем стоять”. А сам флагман направился к стрелявшему кораблю.

— Капитан Анн Илларион де Турвиль, приветствую вас на своём корабле. Простите, господа, что задержали, честно говоря, думали, что вы пираты. Но что это за флаг.

— Командор Андрей Иванович Мурманцев и капитан-поручик Бестужев. Это флаг Русского царства. И мы никогда не были в этом море, поэтому не слышали о пиратах.

Француз выслушал перевод, кивнул головой и пригласил к столику, стоящему прямо на палубе. Андрей подумал, интересно если бы шторм. Но даже легонький ветерок позволивший кораблям сблизиться, теперь стих.

Две эскадры легли в дрейф в ожидании, пока их командиры пообедают.

Русские моряки узнали, насколько опасен африканский берег, берберские пираты столетиями наводят ужас на прибрежные деревни Франции и Испании. И теперь пришло время, когда Франция может ответить, но всё равно капитан де Турвиль не советует приближаться к этим берегам. К тому же во французской эскадре есть бомбардирские корабли, позволяющие вести бомбардировку прибрежных укреплений.

В благодарность Андрей рассказал о своём путешествии на юг Африки, к берегам Южной Америки и небольшом опыте битв с карибскими пиратами.

Два командира расстались большими друзьями.

Теперь русская эскадра значительно отклонилась к северу. Казалось, стоит ли кораблям

идушим на войну, бояться каких-то пиратов. Но не хотелось попадать в переделку, не дойдя до цели.

Впрочем в переделку всё-таки, чуть не попали. В проливе Отранто, что разделяет Аппенинский и Балканский полуострова, встретились с Венецианской эскадрой. Увы издалека флаги Русского царства и Османской империи похожи. В последний момент венецианцы разглядели флаг. Но пришлось опять посещать флагман эскадры.

Эскадрой Венеции командовал дож Франческо Морозини. Это был его первый выход после недавней опалы.

Так бывает, побеждаешь, но стоит проиграть всего лишь одну битву, как тебя уже считают предателем. Однако народ Венеции потребовал вернуть Франческо. И вернули все почетные звания регалии.

Теперь на встречу поехал и посол Русского царства в Венеции Долгоруков Яков Федорович.

*

На этот раз я принял активное участие в празднике Новолетия. Можно конечно считать это равным празднованию нового года. Но для меня здесь важно, как праздник Урожая. Как-то в один день смешалось множество разных праздников. Почему в этот год особо выделил? Да просто впервые завалились, картошкой и помидорами. Я же в отличии от Петьки в той истории, никого огнем и мечом не заставлял, сажать новые овощи. Выставил на столы картошку пюре, картошку в мундире, жареную картошку. Салат просто помидоры со сметаной, помидоры с огурцами. Вот с подсолнухами проблемы, масло давить ещё не начали, да просто не ждал большого урожая, потому маслодавилки были не готовы. Ну, ничего пусть пока семечки лузгают.

Собирать большую компанию для праздника не стал. Но царь я или не царь. Всё равно приглашенных вышло человек за сто.

Были всё ближние. Те кто чаще всего рядом и конечно видели мою любовь к земляным и золотым яблокам. Поэтому среди ближних появилось много любителей картошки и помидор. Просили, научить выращивать и готовить. Я лично сам копался в земле, показывая как сажать. Лично стоял у плиты. Приговаривая, что наши предки будучи князьями не гнушались за плугом ходить.

Я не спешил, никого не заставлял. Зная, что за год люди к новой еде не привыкнут. Так зачем торопить. А когда войдут во вкус, уже за уши не оттянешь.

Вот такие праздники и призваны были приучить к новой еде. Сначала господа начнут, а там глядишь, и простой народ подтянется.

Но ни картошкой единой жива будет Русь. Добыча полезных ископаемых идет. Переработка и производство этих ископаемых.

Ружья производят. Хватает на армию и на продажу. Да что ружья. Пушки производили не только пушкарские дворы, но и монастыри. Особенно крупное производство пушек было в Соловецком и Кириллово-Белозерском монастырях.

Вот интересно, кто в той истории придумал, что Петька якобы из колоколов пушки отливал. Наверно кто-то думал, что в это время мощные домны, плавят что угодно, а потом расплавив можно запросто отлить любую пушку. И дело не только в литье. Зачем ссориться с церковью, где налажено отличное производство орудий.

Кстати об орудиях. Из Венеции пришла грамота, в которой описываются бомбардирские корабли. И сами корабли идея интересная. И мортиры и гаубицы пригодятся не только на

кораблях. Но и в бою, на поле.

А вообще прогрессорствовать трудновато, когда знаешь только течение истории, но абсолютно был равнодушен к химии, физике, металлургии. В спецназе не служил. В таких условиях прогрессорствовать тяжело. Ни зеркала создать, ни порох новый. Но столько нового узнал. Взять хотя бы войны. Понятно, что выход к Черному и Балтийскому морям нужен был. Но здесь не только воля русских царей. Союзники просили и ведь не откажешь.

Например война с туркам. Руси турки здорово мешал, но когда в войну включилась “Священная Лига”, а это Священная Римская империя, Венецианская республика и Речь Посполитая. Тут и Русь присоединилась и всё бы хорошо. Но господам европейцам надоело воевать с турками. Они начали войнушку за “испанское наследство”. А Руси это никак не касалось. Так мы остались опять один на один, против ослабевшей, но всё ещё сильной Османской Порты.

Со шведами тоже подбили воевать европейцы. Образовали “Северный Союз”. В котором Речь Посполитая, Дания и Саксония. Ну и Русь тоже позвали. Мы бы не пошли, но нам тоже выход к Балтике нужен. Однако Карл 12 надавал люлей Петру, потом Русь не стал добивать. Кинулся на Польшу, Саксонию и Данию. Что интересно всех поодиночке разбил. И отправился на Русь в Полтаву.

Это я вкратце рассказал историю той реальности. Здесь же пользуясь после-знанием уже навалил туркам. Теперь бы не сдать назад, пока турки заняты в Европе. Хотя в этой истории потеря Крыма, наверняка не нравится турецкому султану. Так что укрепляться. Укрепляться и ещё раз укрепляться. А укрепление это строительство новых городов с фортами по берегам полуострова. И закладка новых кораблей.

К тому же пока у нас мир с Османской Портой, я послал корабли в Средиземное море. Пусть потреплют турок. Заодно русские моряки поучатся воевать на море. Правда в грамоте из Венеции было сказано, что кораблей оказалось больше, чем русских экипажей. Поэтому команды были смешанными, русские, голландцы и венецианцы.

Хорошо там в Средиземноморье. А здесь в Москве снег, морозы.

Кстати со Швецией пока не воюем, можно у них закупать оружие. Что поделаешь у них более совершенное.

Глава 11 Лето 7194 (год 1686)

Опять меня огорчили. Огорчили хотя бы тем, что я невнимателен к своим поданным. Так сказать на рабочем месте скончался воевода Колы Яков Максимович Стрешнев. Надо их как-то на пенсию или в отставку отправлять, чтоб в своем доме, а не работе в последний путь отправлялись.

Ну естественно ближайший по званию это Шакловитый Федор Леонтьевич. Его и поставил воеводой Колы, да и всего Кольского края.

Кстати не откладывая в долгий ящик. Поднял этот вопрос на Государственной Думе. Какой шум поднялся, все высказались. Что готовы, до последнего дня служить государю.

На что я сказал.

— То, что готовы, служить это хорошо. Только и я перед богом за вас ответ держу. Ладно, воеводой служить. Можно сказать почти дома. А как Иван Богданович Милославский в чужом краю скончался, хотя конечно теперь Крым наш, но всё, ещё пока не совсем свой. В общем думайте думу, господа. Русь теперь новыми землями прирастает и значит, должностей на всех хватит. К примеру генерал Кровков Матвей Осипович, сам попросился в отставку. И конечно далековато от Москвы, но теперь служит государю, воеводой в Якутске.

Как вы поняли, в ходе разговора в Думе от первоначального предложения я сам отказался. Времена такие, никто на пенсии сидеть не будет. Более того, для дворян пенсия сейчас вроде наказания. Ведь пенсионное содержание никто выплачивать не будет, а значит на что жить?

Что ж исправляя ошибки предыдущих поколений готов делать другие.

Впрочем, несмотря на всё моё скромное прогрессорство, в чём-то история шла по прежнему пути.

В начале апреля из Речи Посполитой (Польши) прибыли важные господа, дабы учредить мирный договор.

Обсуждение надолго не затянулось, поскольку нынешний мирный договор во первых закреплял договоренности, аж 1654 года. К тому же немного изменилась мировая обстановка. Крым и Приазовье уже по факту принадлежали Руси.

Так что уже в конце апреля “Вечный Мир”, был подписан. Если вкратце, то вот пункты договора.

Польша признала всё левобережное Приднепровье за Русским царством. В принципе это уже свершившийся факт.

Русское царство присоединилось к странам ведущим войну против Турции. Как следствие этого пункта Русское царство аннулировало все договоры заключенные с Османской Портой и вступило в антитурецкую Священную Лигу.

Третий пункт Речь Посполитая согласна получить сто сорок шесть тысяч рублей за отказ от Киева. Таким образом, как и Крым, Киев наш.

К тому же Польша признала свершившееся. То есть Крым, Приазовье и Причерноморье тоже наше.

Пожалуй, единственное, что приобрела явно Польша это Волынь и Галичину.

Но никто никого не заставлял и делегация поляков уехала довольная подписанным договором.

А я начал готовиться к Дню рождения, двадцать пять лет как-никак.

Во первых место. Хотелось найти, что-то особенное. Вспомнилась деревенька под Москвой, Косино. Там три великолепных озера. Места чудесные. Конечно, можно скучно позаседать в Кремле. Но зачем эта скукота?

Целый месяц, строились домики, навесы. Всё для удобства, отдыха. На Белом озере плавучий остров, на котором тоже можно отдохнуть. Готовились люди для перемены блюд. На этот раз я не собирался устраивать большое застолье. Пусть все ходят и берут со столов.

Построить дворец под открытым небом. Все дороги вокруг озер были перегорожены. Въезд только с одной стороны. Все кареты, кони остаются на входе во дворец. Дворец чисто символический. Парадный вход есть, а ни стен, ни потолка. Конечно было бы неплохо посадить кусты цветов, дорожки. Но дорожки пришлось делать прямо в лесу. А лес на ходу облагораживать. Закрывая глаза мне представлялось, что-то типа Версаля или Петергофа. Но такие места за один месяц не строятся.

Людям скучно жить не имея ни телевизора, ни интернета. Поэтому вся Москва побывала, там где Государь что-то строит.

Я же предвидя наплыв любопытных, окружил всё тройным кордоном. Четвертый Измайловский полк, рейтары и даже рынды. Рынды у меня были в облегченном варианте. Без своих шапок и ферязей. Впрочем, за рындами сохранился белый цвет и топорики.

Пожалуй, впервые рынды охраняли не только государя, но и государево место.

Самое грустно. Что всё приходилось самому. Ни архитекторов, ни прочих садоводов паркового искусства поблизости не оказалось. Позднее можно конечно по Европам клич кинуть. А пока сам. Помощь пришла откуда не ждал.

Отец повитухи Евдокии. Панкрат Семенович. Оказался человеком видящим объёмно. Что интересно оба они малограмотные, но как его дочь оказалась повитухой от бога. А читать, писать её научили. Так и отец её совсем малограмотный. В Измайловском ничем не выделялся, плотник, как плотник. Работал хорошо, но о том его начальники знали. Когда дочка стала дворянкой, подрос и её отец, став старостой артели плотников. Но опять же староста и староста, не лучше и не хуже.

А вот тут на строительстве места отдыха я вынужден был постоянно находиться. Один раз подошел ко мне с советом, второй раз. Я не рассказывая всего, пояснил, что хочу собрать множество народу, чтобы они пили, ели, отдыхали. Впервые он ничего не сказал, развернулся и пошел. Один из стольников бывших со мной, хотел одернуть. Но я не дал. Мне стало интересно, что этот простецкий плотник придумает.

Для своего времени он придумал немало. По крайней мере его суждения, подтверждали мои планы. Казалось бы бери и назначай распорядителем работ, но его малограмотность, годами выработанное послушание.

Выход нашелся. На время моих отлучек, командовал один из стольников, А Панкрат Семенович, говорил, что приказывать. Впрочем, когда я привез одежду отличную от рабочей. То все бывшие соратники Панкрата начали кланяться ему. Видно было, что ему непривычно, но куда деваться. Взаялся за гуж, не говори, что не дюж.

Глядя на Панкрата, я задумался вот о чём. Указ об унификации чинов я издал. Но касался, этот указ только военных. Сейчас было только четыре рода войск: моряки, пехота, кавалерия и артиллерия. У всех своя форма, но одинаковые звания. Ну ещё были два побочных рода войск, казаки и стрельцы. У них не только своя форма, но и звания другие. Однако в Указе, я приравнивал все звания. К примеру, у моряков мичман, в пехоте прапорщик, у казаков вахмистр. Но дело не в военных чинах. Для гражданских я ничего не

придумал. Оставил, как раньше. Дворяне, стряпчие, стольники, думные, окольные, бояре. Ну если воевода на воеводстве, никому не мешал. Зачем придумывать губернаторов. То остальные чины, в новую реальность не вписывались. К примеру Панкрату как назвать должность. Точнее название я придумал, Главный смотритель парка. Но вот как вписать эту должность и какому званию она будет равна? Приблизительно получался майор, но Панкрат, ну ни как на дворянина не тянул. Тут кстати вспомнилась его дочь. Ей наоборот дворянство дал безотносительно от должностей и чинов.

Впрочем обдумаю на досуге, день рождения приближался.

Первые гости самые дорогие приехали, чуть раньше. Поскольку с часами пока в Царстве проблема, то за самыми важными, послал курьеров.

На въезде стояли символические ворота с декоративными башнями. У этих ворот и стоял я с Агафьей и детьми. Илье было уже шесть лет. Машеньке четыре. Да и младшему Семену уже два годика. Ещё был мой младший брат Петр Алексеевич, в форме гардемарина. Кстати у Петра сегодня также день рождения и исполнилось ему четырнадцать лет. Сразу после празднования Петр уезжал в Архангельск, на корабль.

Волновался я конечно сильно. Всё-таки праздник не по русскому обычаю. По русски ведь как. Садятся мужчины за стол и полдня пьют и едят. А женщины даже нос не показывают.

Сейчас приглашал мужа и жену. И детей, если они взрослые но не женатые или не замужние.

Своих младшеньких после встречи гостей отправил с няньками. Мы же пошли по парку, к Белому озеру. Где была площадка столами, сценами. И даже чуть в стороне небольшой зоопарк. В котором были слон, верблюд. И прочие редкие для здешних краев животные.

Между тем гости всё прибывали. Как я и ожидал, дипломаты разных стран столпились у огромного глобуса. На который были нанесены материки и страны, как я их помнил из двадцать первого века. Естественно, дипломаты все как один, подошли ко мне, что бы уточнить насколько точен этот глобус и откуда у меня эти сведения. На что я им ответил, что глобус может, не совсем правдив, но и не лжив. И все путешественники могут брать его за основу в своих путешествиях.

Мои молодые стольники выполняли роль гидов на этом празднике. Показывая, где поест, где, извините, туалет. Где посмотреть на лицедеев или на зверюшек. Как пройти на плавающий остров. Подарки же я не принимал. Специальные люди на входе брали дареное. Подписывали от кого и отвозили. Коней уже мне не дарили. Просто потому что у меня самого собралась великолепная конюшня. И дареный конь должен был быть если не лучше, то хотя бы таким же как у меня. А это очень, огромные деньги.

Как мне кажется, праздник удался. Все ходили, открыв рты. Посидеть можно было как в беседках, так и просто под навесами.

Ну и что меня порадовало, это погода. Тихий солнечный день с изредка набегающими облаками.

Попрощался я со всеми с помощью рупора. И тут вроде бы не прогрессор, потому что рупор изобрели пятнадцать лет назад в Англии.

Всё-таки на следующий день, Панкрата Семеновича окончательно утвердил на должности, Главный Смотритель парка, жаловал дворянством и наградил орденом “Служение Отечеству” четвертой степени. Ну а чтобы, хотя бы немного соответствовал дворянскому званию, слуг дал из своих, которые немного и грамоте подучат и умению

держат себя в новых условиях.

Праздник это конечно хорошо. Увы Русское царство, настолько велико, что где-нибудь да воюют. На юге крымчаков прижали, а турки заняты Морейской войной с Венецией. В то же время на севере пока со Швецией мирные отношения. Но на Дальнем Востоке, и Приамурье далеко от центра и вследствие этого малыми войсками Русское Царство только осваивалось. Маньчжуры, монголы и разные прочие местные народы, встречали новых поселенцев. Кто-то встречал мирно, но некоторые не хотели потесниться. Тем более сошлись не просто разные народы, а две империи. Русское Царство против Империи Цин.

Война была сложной уже потому, что в империи Цин были пороховые ружья, пушки. Таким образом сошлись равные противники. Ну, почти равные. Маньчжуры просто не успели занять Приамурье, но хотели бы. А русские переселенцы, в основном казаки, проделавшие тысячеверстный путь не собирались уступать.

И обе империи уперлись в маленький острог Албазин. Русские не хотели отдавать выгодное место. Маньчжуры не могли оставить этот острог у себя за спиной.

Первое нападение маньчжур на Албазин было прошлым летом. К сожалению помощь посланная мной несколько лет назад не успела. Может это и хорошо. Потому что острог был не просто не укреплен. Ядра маньчжурских пушек пробивали его насквозь. Люди гибли, но сражались. Тогда воевода Алексей Толбузин, согласился покинуть острог. Собственно, там и покидать нечего было, всё разрушили маньчжурские пушки.

Маньчжуры окончательно всё разрушив, вернулись в свой город Айгун.

Русские же воины вернувшись удивленно и радостно обнаружили, что маньчжуры даже посевы не уничтожили. Сразу же началось восстановление Албазина. Осенью убрали урожай.

Сам же Албазин теперь отстраивали, как настоящую крепость.

Переждав зиму, хотя даже в морозы маньчжуры делали вылазки и наблюдали за русскими воинами. Ранней весной, маньчжурское войско снова выступило к Албазину.

Но в это время в Албазине уже было восемьсот двадцать шесть человек из отрядов воеводы Толбузина Алексея и казачьего атамана из немцев Бейтона Афанасия Ивановича. К тому же триста московских стрельцов с пушками и пищалями, посланные государем. Пушек стрельцы привезли ещё столько же, сколько было раньше в крепости. Затинных пищалей в четыре раза больше. Но ко всему прочему московские стрельцы показали современное оружие, как раз для защиты крепости. Это были гранаты.

Кстати затинные пищали, это что-то среднее между пушкой и ружьем. С одной стороны эту пищаль может носить один человек, но калибр тридцать миллиметров, это уже минипушка, никто не удержит при отдаче. А теперь представьте выстрел из такой пушки.

Тем не менее осада началась и началась с предложения маньчжурского генерала, покинуть крепость. На что защитники острога ответили, “Един за единого, голова в голову, а назад, де без указа нейдём”.

Тогда маньчжуры начали высадку на берег, со стороны крепости. Однако атаман Бейтон в конной атаке смешал маньчжурские порядки, так что даже маньчжурскому генералу пришлось принимать участие в обороне.

Дальше началось невероятное. Маньчжур прибыло под стены крепости, раз в пять больше чем защитников. Но Бейтон ночью снова атаковал маньчжурский лагерь. Маньчжуры в темноте, только панически оборонялись.

Казалось бы под утро всё успокоилось. Но утром на лагерь маньчжур опустился туман.

Под прикрытием которого русские войска снова напали на маньчжур. И не просто напали, а выгнали из лагеря.

Теперь маньчжуры подходили к крепости осторожно. Начали прокапывать параллельные траншеи, сооружать насыпь с которой пушки будут бомбардировать острог. Но тут Бейтон решил проверить новое оружие. Ночью стрельцы и казаки вооруженные гранатами, подкрались к маньчжурской батарее. Закидали гранатами, испортили несколько пушек, прежде чем их выбили маньчжуры.

После этого наступило некоторое затишье. К сожалению во время предыдущих обстрелов погиб воевода Алексей Толбузин. Кстати опытный командир, знающий местные условия. Но заступивший на его место Бейтон, тоже имел воинский опыт. Понимая, что затишье может означать только одно, маньчжуры готовят какую-то гадость.

Тогда Бейтон приказал выкопать подкоп под батарею противника, с которой обстреливали острог. Подкоп не просто удался, а очень удался. Русские защитники острога не пожалели пороха, и батарею просто раскидало.

После нескольких неудачных попыток маньчжур прорваться в острог, началась полноценная осада.

Вообще попаданец, хорошо знающий историю, ту в которую попал, то же самое, что ясновидящий в своей реальности. Ясновидящий видит, что будет, а попаданец знает, что было. Но в его реальности это будет.

Во всяком случае я знал, что Албазин наши отстоят. Но многие погибнуть значительно позднее от болезней, цинги. И всё из-за того, что маньчжуры не дадут выходить из острога.

Поэтому я приказал небольшому отряду стрельцов задержаться в Нерчинске. И идти с таким расчётом, чтоб дойти до Албазина к ноябрю. Так как осада началась в октябре, то время выбрано оптимально. Маньчжуры встав в осаду расслабились. А тут русские войска.

К сожалению маньчжур было ещё пока не менее трёх тысяч, а подходящих к Албазину стрельцов пятьсот. Да защитников, наверняка значительно меньше.

Но затея удалась, маньчжуры не знали сколько подходит войск. Наши же в остроге не стали отсиживаться.

Как это не забавно, но малые силы русского воинства сняли осаду. Подвезли продовольствие. Тем временем в Пекин прибыли московские дипломаты.

*

А в это время, далеко-далеко от Албазина, посреди звезд на корабле, молодой человек вздыхал о своей возлюбленной.

Стоп-стоп откуда у русского капитана, возлюбленная в море?

Ну что ж давайте по порядку. После того, как русская эскадра влилась в Венецианскую, они провели несколько удачных совместных боёв против османского флота. Но Морея это изрезанные заливами берега и множество островов.

И вот в проливе между островами часть венецианской эскадры попала в западню. “Северная Звезда” Андрея Мурманцева выдвинулась вперед. Нет не от лихой удали, Андрей искренне был убежден, что он должен быть впереди, показывать пример, да и команды лучше видят.

Но Франческо Морозини венецианский адмирал, имел больше опыта в боях с османами. Его корабли обогнули остров и ударили в тыл турецкой эскадре.

Самое грустное в этой истории, что больше всех пострадала “Северная Звезда”. Был ранен сам Андрей и многие из его команды.

Корабль был выброшен на берег. С него забрали личные вещи, порох, снаряды, пушки, а также всю оснастку. Больше корабль восстановлению не подлежал.

Андрей даже не смог попрощаться со своим кораблем. Но венецианский лекарь был достаточно опытный. И к приходу в Венецию Андрей уже стоял на ногах.

Всё это время он вёл беседы с капитаном венецианской галеры графом Себастьяном Мочениго. Граф рассказывал о себе. Андрей рассказал о своём первом выходе в море. Плавании к Южной Африке, Америке. На этой любви к морю и кораблям двое молодых людей подружились. Заодно Андрей выучил венецианский язык. На берегу раненых матросов поместили в специальный дом выделенный республикой раненых моряков. Себастьян же пригласил Андрея к себе во дворец.

Впоследствии русский капитан тысячу раз благодарил провидение, что оно направило в дом Венецианских дождей, ведь здесь в этом доме Андрей познакомился с Лаурой, сестрой Себастьяна.

Через несколько дней галера возглавляемая Себастьяном Мочениго покинула родной дом. Русского капитана доверили заботам юной Лауры. Скажите, ну как не влюбиться. Впрочем первое время Андрей переживал, что он глава эскадры остался без корабля. К тому же пришло извещение от государя, что Московское Царство присоединилось к Священной Лиге и теперь снова война с османами. А значит русские корабли, отныне могут ходить под русскими флагами. Своими заботами Андрей поделился с возлюбленной, на что она прошептала, что всё будет хорошо.

На следующий день в порт вошел корабль раза в два больше, чем “Северная Звезда”.

Это был захваченный турецкий корабль, по иронии называвшийся, “Юлдуз”, что означает “Звезда”.

Оказывается адмирал Морозини не забыл про русского командора. К тому же ему нравилось, как дерутся русские моряки. И как только удалось захватить целым турецкий корабль, адмирал послал его в дар русскому командору.

Попрощавшись с юной Лаурой, Андрей с радостью взбежал на корабль.

Впрочем корабль требовал небольшого ремонта, загрузки провианта, пороха и пополнения экипажа, потому что те русские и голландские матросы, что прибыли с Андреем, это была половина экипажа. Теперь добавились и венецианские моряки.

Андрей поменял название. Та звезда утонула, эта захвачена. Значит нужно что-то другое. Пусть будет “Апостол”.

Впервые Андрей изменил своей Лауре. Тем что спешил в море сильнее, чем к ней. Так всегда бывает, вот и Андрей находясь в море, уже на следующий день, начал вспоминать свою возлюбленную.

Здесь надо пояснить, что Священная Лига и Венеция против Османской Порты в основном воевали на суше, поэтому на море, были только отдельные стычки.

А на зиму, вся русская эскадра и часть венецианской отправились в порт.

Тогда капитан второго ранга, командор русской эскадры сделал предложение родителям своей возлюбленной. И неожиданно получил отказ. К тому же ему намекнули, что он загостился. Попробовал поговорить с Себастьяном. Но тот только пожал плечами, он почти не против. Но отец категорически не хочет, что бы какой-то иностранный простой дворянин женился на графской дочери дождей Венеции.

С этого момента капитан ходил, как в воду опущенный. Неизвестно чем бы всё это закончилось. Если бы с Андреем не поговорил, посол Долгоруков Яков Федорович.

В другое время Андрей может быть и не стал изливать душу, в общем то незнакомому человеку. Но сейчас не сдержался. Посол хмыкнул, сказал: “Точно не обещаю, но помочь тебе попробую”.

Тут потянулись самые мрачные дни. Так как Андрей жил в доме посла. То каждое возвращение Якова Федоровича встречал с тайной надеждой.

Наконец однажды вернувшись, хлопнул Андрея по плечу, “Ну вот приглашены к адмиралу”.

Честно говоря Андрей расстроился ещё сильнее, ведь он хотел видеть Лауру, при чем тут адмирал.

Однако, пообедав у адмирала, поехали во дворец Мочениго.

Ужин для Андрея тянулся бесконечно долго, поскольку Лауры не было за столом. Но по окончании ужина адмирал отвлек главу семейства разговорами. В это время Себастьян вывел Андрея в коридор. Вскоре появилась Лаура. Прошептав, “Всё будет хорошо. Батюшка против. Но братья не возражают против нашей свадьбы. Они хотят подружиться с русским государем”. Чмокнула ошарашенного Андрея в щеку, на глазах у брата и упорхнула.

Вскоре адмирал начал прощаться. Поднялись со своих мест и Андрей с Яковом.

И тут один из братьев Себастьяна. Сказал, обращаясь к Андрею.

— Что-то вы, господин командор забыли нас, приходите чаще. Завтра приходите.

И только когда они остались вдвоём, Яков пояснил, он сказал, что Андрей друг Государя. Между прочим чистая правда.

Глава 12 Лето 7195 (год 1687)

Я сидел во дворце. Дворцом стал Измайловский замок. В Кремле почти не появлялся. Зачем, если все нужные люди находились здесь. Вот только Агафьи не было. Недавно она опять родила. Не то чтобы я против детей. Но так получается, чем больше детей, тем меньше времени с женой. Нет, конечно царица это особенная женщина, у неё есть мамки, няньки, кормилицы. Ей не обязательно постоянно сидеть с детьми, собственно так всегда и было, раньше. К тому же старший Илья, проводил время за учебой.

И что-то надо делать с братом. Нет ничего особенного. Половину прошлого лета, он провел в северных морях. Был простым матросом, боцманом. Но мичманом, так и не стал. Точнее я задержал производство. С одной стороны не хотелось баловать, а с другой стороны притормаживая, рискую то что он разочаруется в жизни.

По крайней мере это не тот Петр, что был в прошлой истории. Не пьяница. Не курильщик. Очень старательный мореман. А впрочем, что ломать голову, поговорим, обсудим. Ему уже почти пятнадцать. Он вступил во взрослую жизнь.

Петр выслушал все мои философствования. И когда я спросил его решение. Петя просто ответил, “Хочу быть мичманом”. На мой немой вопрос. Ответил просто,

— Матросом я уже был. Мичман это не адмирал. Не матросская работа, но рядом. Дай мне мичмана и назначь капитаном флейта. А чтоб ты не переживал, буду, как и раньше Михаилом Романовым.

— Ну что ж так и решим. По весне с купцом, отправишься в Голландию. Там купишь флейт, загрузишь товаром и прибудешь в Архангельск. С тобой послом в Голландию поедет Прокофий Богданович Возницын. Пожалуй, это твоё первое задание.

Конечно же, одного Петю я не мог отпустить, поэтому обычного мичмана сопровождали, рота рейтар, взвод измайловцев и десятков егерей. Со стороны можно подумать, что они сопровождали какого-нибудь курьера.

После Вологды. Догнали один купеческий обоз, потом другой. Уже и непонятно, кто кого охраняет.

Так незаметно в Архангельск въехал мичман Михаил Романов. Передал начальнику Архангельского порта Милославскому Ивану Михайловичу, грамотцу от Государя в которой говорилось, что мичман сей имеет особое поручение в Голландии. Но лучше его отправить с послом Возницыным Прокофием Богдановичем.

Милославский кивнул, сказав, что как раз купец, готовится отплыть в Голландию. Правда после того, как этот молодой мичман вышел, Иван Михайлович, всё пытался вспомнить, на кого же похож сей отрок.

Но угадать было сложно. Петр, как раз вступал в тот возраст, когда в теле и лице всё меняется. Уже не ребенок, но ещё не взрослый. К тому же не соответственно своему возрасту, Петр начал усиленно тянуться вверх.

На борт трехмачтовой шхуны, кроме постоянной команды поднялись: посол в Голландии Возницын, одиннадцать солдат официально считалось, что они сопровождают некий груз. На самом деле это была охрана Петра из десяти измайловцев и одного егеря. Командовал измайловцами капитан. Но знали об этом только его подчиненные, для всех остальных, он был одним из солдат.

Также в составе будущей команды из тридцати человек поднялся и мичман Михаил

Романов.

По умолчанию считалось, что всеми пассажирами командует посол.

Кстати истинное лицо мичмана знали посол и командир измайловцев. Посол по роду своей профессии держал язык за зубами. А пехотный капитан получил личное указание Государя.

Ну а пока шхуна бежит в Голландию, расскажу о новом роде войск.

В прошлой жизни я не имел особенного военного образования. Два года службы в армии, и всё. Все мои знания почерпнуты из книг и фильмов. Думаю, что для конца семнадцатого века и этого немало.

Я лично тренировал кавалерию и пехоту. С артиллерией было посложней, здесь им приходилось учиться самим, ну и конечно же помогали бывшие военные из-за границы.

С появлением фузей я задумался о создании особых подразделений, этакого спецназа. Дело в том, что фузеи были новейшими ружьями, стреляли точнее. Сначала я начал создавать снайперов. Здесь всё зависело от длины фузей. Конечно бесконечно удлинять и укорачивать не годилось, но при определенной длине, можно было стрелять дальше привычных фузей, тем более пищалей. С укороченными фузеями можно прятаться. Так я придумал появление средневекового спецназа.

Для начала они должны быть незаметны. Ну и учиться диверсиям. Научить быть диверсантами я не мог. Но зато я мог найти людей способных к этому или чем то подобным занимающиеся раньше.

В это лето продолжалась русско-турецкая война. Кстати о слове лето. Зимой в этом столетии почти не воевали, даже в теплой Европе.

В прошлое лето, войска перешли Днепр и остановились у Южного Буга. Дальше были татаро-османские земли.

Всю зиму подвозили провиант. Не только для того, чтобы перезимовать. Но больше, для того, чтобы не задерживаться в наступлении.

Командовал наступлением генерал-поручик Патрик Гордон. Отдельными дивизиями командовали полковники Шеин Алексей Семенович и Апраксин Федор Матвеевич.

Да, я ввел в русскую армию, такое понятие, как дивизия. Раньше были безразмерные полки. Один полк больше чем несколько дивизий из двадцать первого века, всё равно полк.

Дивизию Шеина перевозили на кораблях. Появившиеся были конные татары, хотели помешать высадке, но корабельной артиллерией были смешаны с землей в прямом и переносном смысле.

Апраксин поднявшись вверх по берегу переправлялся севернее. Ещё севернее русскую армию поддерживали запорожские и донские казаки.

И совсем на севере этого фронта, со стороны Киева. Шла русская кавалерия. Два полка драгун и полк гусар.

Драгуны это были переименованные рейтары. Просто поменялась тактика боя. Если раньше было мало порохового оружия. И рейтары могли расстреливать пикинеров издалека, то теперь фактически те же рейтары. То есть всадники в доспехах шли в сабельную атаку.

Гусары же были собраны, можно сказать в последний момент. Основной состав полка венгры и поляки, русских очень мало. Хотя несколько раз пытались создать гусарские полки ранее. Но очевидно всему своё время.

*

А в это время огромная эскадра, покинула порт Венеции. Впереди шли русские корабли,

венецианский флот составлял почетный эскорт.

На самом деле всё оказалось проще. Андрей всё-таки женился на своей возлюбленной. И теперь по приказу Государя эскадра возвращалась домой. А Венецианский флот продолжал морейскую войну.

Но и здесь по порядку. Глава семьи по прежнему не давал согласия на свадьбу. И вдруг радостный Яков Федорович встречает Андрея.

— Мы же сегодня приглашены в дом Мочениго? А чтоб ты не передумал, я лично приглашаю тебя вместе с собой.

На все вопросы Андрея, дипломат, дипломатично смеялся.

На ужине у Мочениго. Сначала молча ели, потом перешли к разговорам. И вот, когда разговоры на мгновение стихли, слово взял русский посол.

— Господа, я бы хотел, чтобы мы все порадовались за нашего друга, командора русской эскадры Мурманцева Андрея Ивановича.

Далее Яков Федорович зачитал грамоту посланную, русским царем. Там говорилось о присвоении звания Капитан первого ранга и в соответствии с указом государя присвоен титул барона.

Глава дома Мочениго выслушавший этот указ русского царя, сказал,

— Ну что ж я не возражаю против свадьбы. Но пусть это будет в другом доме.

На этот раз Лаура вышла к Андрею. Но опять они вынуждены были расстаться, теперь уже ненадолго.

Яков порадовался за своего друга,

— Ну, вот видишь всё хорошо. И свадьбу отпразднуем.

А дальше для Андрея всё закрутилось. В той грамоте Государя, было не только производство в следующий чин, но и пожелание, как можно скорее прибыть на Родину.

Был найден православный священник и католичка Лаура стала православной Софьей.

А адмирал Морозини и по совместительству дож Венеции устроил бал по случаю отхода русской эскадры, ну и заодно свадьбу.

После бала молодые отправились на корабль. На корабле уже были все слуги синьоры. Но на причале стояли десяток венецианских пехотинцев, которых дож Венеции отправил охранять синьору Лауру. К кораблю подлетела карета из которой прямо на ходу выскочил Себастьян.

— Сестренка, отец всем говорил, что против свадьбы. А сам готовил тебе подарок.

Себастьян откинул платок закрывавший драгоценный ларец. Но ценное было в самом ларце. Золотая диадема украшенная бриллиантами и алмазами.

— Отец желает вам счастья.

Рано утром “Апостол”, за ним вся русская эскадра, за ней вся венецианская вышли в море.

Андрей не догадывался, что пожалуй впервые в мире, он совершает свадебное путешествие. Им двоим трудно было привыкнуть, что ещё недавно они не могли дождаться, когда снова увидятся. А теперь, дом, работа, путешествие, всё это уместилось в одной точке на корабле. Их спасало, от быстрого привыкания и надоедания, то что Андрей обладал внутренней дисциплиной. К примеру он занимался своей капитанской деятельностью. Не потому, что кто-то его контролирует, или кому-то он должен. Нет просто он знал так должно быть.

Конечно, иногда он совмещал, приятное с полезным. Когда легкий ветер, нет качки,

почему бы не полюбоваться на гуляющую по палубе супругу, контролируя при этом работу команды.

Бывало ведь наоборот. Шторм, на палубе никого, кроме вахты.

Но вот миновали Гибралтарский пролив. И неожиданно для всей эскадры продолжили плавание на запад.

Андрей не знал и даже не догадывался, что на всех кораблях обсуждают его намерения. Неизвестно, во что бы вылились эти обсуждения. Но через половину суток, “Апостол” повернул на север. И так же, как недавно шел строго на запад, теперь шел строго на север.

Все удивлялись умению их командора выбирать путь. Ветер свеж, но не шторм. А если ветер стихал, то океанские течения, всё равно несли корабли по выбранному маршруту.

И вот командор отдал приказ повернуть корабли на северо-восток.

Через сутки показались берега. Судя по высоким скалам и глубоким заливам, это была Скандинавия.

Как всегда в спокойное время Лаура-Софья была рядом с возлюбленным.

Именно она первая заметила бой, разглядывая берега в отличную богемскую зрительную трубу.

— Там корабли.

Андрей взял трубу. По облачкам дыма было понятно, что идёт бой, но кто с кем. Уже через пять минут, самый маленький корабль повернулся по ветру и отчетливо стал виден русский флаг.

Андрей сразу скомандовал поднять знак “внимание”. На всех кораблях эскадры продублировали этот знак. Дублирование совершалось по двум причинам. Во первых для того, чтобы обозначить, что заметили и поняли. Во вторых, чтобы остальные корабли обратили внимание на приказ командора.

Вся эскадра повернула к месту боя.

И вот уже всем стало ясно, три больших английских корабля пытаются подбить маленький русский кораблик.

Андрей уже догадался почему англичане не реагируют на русскую эскадру. Сигнальные флаги вешались высоко и кто-то мог подумать, что это национальные флаги.

К знаку, “внимание”, добавился знак “атака”.

Корабли стали расходиться охватывая дугой место боя.

Андрей скомандовал выстрел.

Между тем маленький кораблик, умудрялся маневрировать на хорошей скорости. Английские капитаны не рассчитали и сошлись слишком близко. Тогда русский кораблик проскочил между ними. Англичане боялись стрелять опасаясь попасть друг в друга. А вот кораблик нанес залп, прямо в корму, одному из англичан.

Они наконец обратили внимание на эскадру, догадались но поздно. Первый, который подбил маленький кораблик, потерял ход. После чего спустил паруса и стал ждать милости победителей. Ещё один поворачивая замедлился и был обстрелян ближайшим русским кораблем. Третий попытался удрать, но к вечеру три русских корабля вернули беглеца ко всей честной компании.

С маленького корабля спустили шлюпку и на палубу поднялся молодой человек. Как впоследствии оказалось пятнадцати лет.

— Капитан флейта “Zeewolf” мичман Михаил Романов.

— Командор русской эскадры, капитан фрегата “Апостол” капитан первого ранга

Андрей Иванович Мурманцев.

— Благодарю, вас, капитан за спасение, вряд ли, нам удалось увернуться от трех английских фрегатов.

— Собственно мы тут оказались случайно. Эскадра возвращалась из средиземноморского похода.

В это время на палубе установили столики. Ну а что погода позволяла.

— Разрешите представить моя супруга Софья Мурманцева. И мой помощник капитан-поручик Петр Михайлович Бестужев.

Софья пока ещё плохо говорила по русски, но кроме своего венецианского знала, французский. На удивление мичман знал латинский, польский, немецкий и голландский.

В общем за столом одновременно звучало несколько языков. Внезапно Андрей встал, прошелся по палубе, поднялся на шканцы.

— Не сочтите за грубость, господин мичман, но скоро ветер посвежеет и сменит направление. И действительно едва мичман успел подняться на свой корабль, как ветер усилился.

Флейт развернулся и помчался в сторону Архангельска. Андрею же предстояло разобраться с добычей.

Оба английских корабля затащили в ближайший фьорд. Там не спеша, “раздели” поврежденный корабль. Обе команды связали и спустили в трюм. Наутро приконвоировали третий корабль.

Поврежденный корабль о которого остался один остов оставили во фьорде. А на два трофея пришлось собирать команды. Не надо забывать, что почти на всех кораблях не было полностью русских команд.

Но трофеи были доставлены в Архангельск.

На удивление Андрея, Государь был в Архангельске и встречал эскадру.

*

Иногда напрягает, что нет телефонов или хотя бы радио. Как узнать точное прибытие эскадры? Но получилось приехать к их прибытию. Отсутствие телефонной связи компенсируется отсутствием скорости передвижения.

Ведь как получилось. Когда из Венеции эскадра вышла, гонец в это время скакал по европейским дорогам. Надо сказать не автобаны. Потом я выехал из Москвы, путешествие по Двине и вот я в Архангельске. А через три дня эскадра входит в порт. Да изрядно их потрепало. Видно, что в Венеции был ремонт, но океанские штормы потом, небольшое приключение с англичанами. Вон те два, надо думать и есть английские фрегаты.

Заодно и посмотреть на Андреево приобретение. Венецианка была стройной брюнеткой. Несмотря на свою молодость, всего-то семнадцать, с положенными, где надо выпуклостями. Я ей на всякий случай Евдокию прихватил. Но после свадьбы, кажется месяца два прошло. Впрочем пусть побеседуют. Хуже не будет.

Задерживаться я не стал. Петра поздравил поручиком, хотя и поругал его за безрассудство. Оказывается, он и в первый рейс подвергался нападениям. С ума сойти, не Карибский бассейн, Европа как-никак, а кругом пираты. По этому поводу я объявил Англии “холодную войну”. Такого понятия здесь пока ещё не было. Просто всех английских купцов, мануфактурщиков и военных выслал из России. Один фрегат вернул, надо же, чтобы кто-то известил о моих указах. Если Англия будет нападать на русские корабли, то объявлю полноценную войну. Кстати именно поэтому Петю забрал с собой в Москву. Война с

турками более безопасна, чем ждать подлостей от англичан.

Всех капитанов кораблей бывших с Андреем поздравил с чином капитан третьего ранга. Сам Андрей вместе с супругой и свитой, тоже едут со мной. Конечно и Турция в Черном море и здесь неприятности. А опыт у Андрея дай бог каждому, но отдыхать тоже надо. Если получится его не дёргать. То пусть посидит на берегу, хотя бы до появления первенца.

В Москве, как всегда куча дел. Но с Морскими делами надо заканчивать Андрею за поход, за спасение Петра, я вручил орден “Спаса” На сегодняшний день высший орден в Русском Царстве.

После всего уселся за чтение отчета об южном походе. Войны с турками, как бы не получилось. Нет отдельные стычки и бои были. Но я ещё перед началом похода посоветовал, дойдя Днестра. Остановиться и укрепляться. Не везде получилось. Турки готовили встречу, но русские войска просто дальше не пошли. Конечно я советовал, решать всё по обстоятельствам. Самое главное в этой войне, насколько я помнил историю будущего, это снабжение. В первую очередь продукты, только во вторую порох и снаряды.

Остановившись русская армия начала ставить крепости. Турки проснулись и кинулись в наступление. Но защищаться всегда легче, чем наступать. Тем более и основная турецкая армия и флот были заняты в европейских сражениях. Вся эта войнушка продолжится около десяти лет, так что у меня есть время. Будем продолжать выдавливать турок.

Кстати в эту военную компанию, свою военную деятельность начали Головин Алексей Алексеевич и Аникита Иванович Репнин. В той истории петровские фельмаршалы. Сейчас пока обычные унтер-офицеры. Посмотрим как они себя покажут.

Был ещё Брюс Яков Вилимович, представитель шотландского рода. Мой указ удаляющий англичан из России на шотландцев не распространялся. Брюс в этом рейде был прапорщиком артиллерии. Но надо его пожалуй побережь. Военных хватит, а вот то, каким он будет ученым это важнее.

Ещё обратил внимание на небольшую записку. В Нерчинске, пока попытались добывать и отливать серебро. Что ж в нынешних условиях, это дела не только не одного дня, но даже не одного года.

Пожалуй, самое важное для меня событие. Это событие не государственной важности. Для многих придворных какая-то ерунда, ну это просто зависть в них говорит.

Я говорю о готовящейся свадьбе дворянки Евдокии Панкратьевны Панкратовой со стольником Дмитрием Яковлевичем Стрешневым.

Для меня Евдокия была как крестница. То есть я чувствовал ответственность, за всех, кого выдернул из обычной жизни. Например, Андрей, ну плотничал бы себе. А теперь он известный моряк, дворянин. И хотелось бы, чтобы он продолжал восхождение вверх. Ибо он заслужил. Есть у человека талант к морскому делу.

Также и Евдокия, воистину заслуженный врач. Выведшая многих людей на этот свет.

Сначала я подумал пригласить всех женщин, которым Евдокия помогла родить. Однако не рановато ли я устраиваю девичник?

Тогда я решил отказаться от своей первоначальной задумки, устроить пир на весь мир. У меня самого, свадьба можно сказать была тайная. Главное не шумиха вокруг этого действия. Главное подарок молодым. Неужто, русский царь не сможет своим ближним дать царский подарок.

Венчание состоялось в Покровском храме, здесь же в Измайлово. Потом небольшим поездом, на санях поехали в Косинский парк Трёх озер.

Конечно зимний парк не так хорош, как летом. Но для небольшой компании в самый раз.

Я постарался узнать, самых близких для Евдокии и Дмитрия. Вот эти человек тридцать и были приглашены. Ну как всегда у нас царей, кроме приглашенных, охрана, стольники и прочие.

Кстати одного из стольников приставил к отцу Евдокии. Всё-таки, как-никак дворянин, но боюсь, что напьётся, как последний плотник. И на дочку лишний раз хула.

А так хорошо посидели, в основном молодёжь, если бы не антураж семнадцатого века. Можно подумать, что вернулся в прошлое будущее.

Ну и когда все подарки свои показали, тогда и я слово взял. Дмитрию небольшую деревеньку у Москвы. А Евдокии поместье на новых землях, которые наверно уже можно назвать Новороссией.

Увы темнело рано. Нет свеч, конечно не жалели. Но всё же, допоздна не засиживались. Проводили молодых и разъехались.

Глава 13 Лето 7196 (год 1688)

Пропажи кораблей возле берегов Скандинавии прекратились. Возможно англичане прекратили пиратствовать. А может просто зимой наши корабли, почти не ходили в Голландию. Однако ответа на мои действия изгнания англичан из Русского Царства не было.

Тут я вспомнил “Навигационный Акт”, закон принятый Англией лет тридцать назад. По этому акту в морские порты Англии могли заходить только английские корабли. Таким образом для Англии появилась дополнительная возможность богатеть.

А теперь скажите, зачем Русскому Царству, обилие англичан, если они сами не пускают иностранцев к себе.

В Верховном Совете я рассказал эту историю и предложил наш закон назвать также, “Навигационный Акт”.

Только если в английском акте, сказано, что все товары возят только английские корабли, с экипажем состоящим на три четверти из англичан. То наш закон был обратным, любая страна может возить товары в Русское Царство, кроме английских кораблей. На этих кораблях не должно быть англичан.

А чтоб англичанам было веселей. Отписал нашему послу во Франции, чтоб он намекнул, что Русское Царство готово продавать лен и пеньку в азовских портах.

Лен и пенька в семнадцатом веке, стоили не хуже, чем нефть в двадцать первом. К тому же фишка в том, что Франция была союзницей Турции. Правда французы в турецких войнах особо не участвовали. Но мне это всё равно, главное, если они согласятся торговать, на юг Русского Царства привезут продовольствие. Чуть позже это местность станет житницей государства. Но пока здесь только появляются села, города. И к сожалению существует возможность прорыва турок и татар.

Ну это всё большая политика. А бывают и простые житейские события. В конце зимы родила Лаура Софья. Как сам мне сказал Андрей. Дома он называл свою жену, так как познакомились Лаурой. Для остальных, всегда и везде представлял, как Софью.

Роды принимала царская повитуха Евдокия, впрочем сама беременная.

Крестил Марию, так решили назвать девочку, сам патриарх Иоаким. В таких действиях патриарх участвует, если также участвуют представители царской семьи. Но в данном случае крестным был сам царь.

На это дело я сам вызвался. Что поделаешь нравился мне Андрей. Человек из простого сословия из глухих лесов. Полюбил море, да так, что просто магия какая-то, так он чувствовал дыхание моря. Кроме того не растерялся. Спокойно вошел в сословие дворян. За это всё я его уважал. За это дал ему дом недалеко от моего дворца в Измайлово. На день рождения дочери земли добавил.

В общем в Москве была мирная жизнь. А в это время на другом конце Русского Царства, опять бои, опять осада.

Войско в пять тысяч монголов, под командованием монгольского хана Чимид-Доржи осадило русский острог Селенгинский.

Самое интересное, что против пяти тысяч монголов стояли двести девяносто четыре человека. Но монголы за время осады, всего лишь один раз ходили на приступ. Больше не решились.

Что ещё можно сказать? обороной острога командовал гетман Демьян Многогрешный.

Дело не в фамилии, так как, когда-то Демьян был гетманом всего левобережного Поднепровья. Присягнул батюшке моему Алексею Михайловичу. Потом был обвинен в предательстве. Приговорен к смертной казни, но казнь заменена ссылкой.

И не зря. Возглавляемые Демьяном войска не только отбились, но и выслали гонца.

Подошли стрельцы и казаки из Удинского и других острогов. Совместно с гарнизоном Селенгинского острога ударили в тыл отходящим монголам. Догнали бежавших у Гусиного озера, в местечке, которое позже назвали Падь Убиенных.

Битва была кровавая. Но с тех пор ни монголы, ни жители империи Цин старались с русскими не связываться. Конечно, и позже находились необучаемые. Но со временем их становилось всё меньше.

*

А тем временем в Москве наступила весна. Стаяли сугробы. Пробежали ручьи. Зазеленела травка. И наконец-то Государь отпустил Андрея Ивановича к себе в усадьбу. Собственно и здесь Андрей не бездельничал. По поручению Государя заседал в Верховном Совете. Пусть без права голоса, но послушать тоже полезно. Больше всего Андрею были рады в Посольском и Ратном Приказах. Ему побывавшему в разных странах, принимавшему участие в битвах, было что рассказать необычного и полезного для обучения.

Теперь же поезд из нескольких карет, сопровождаемый сотней царских драгун, медленно катился по степи.

До Воронежа, даже не поторапливая коней. Благодаря хорошей дороге, доехали быстро. А вот дальше оставалось проехать в три раза меньшее расстояние. Но дорога в пять раз хуже.

Останавливаться приходилось в степи. Дорога не была основной. Поэтому здесь и придорожных станций не было.

Но вот наконец показалась встречающая бричка. Спрыгнул встречающий снял ермолку, поклонился. Андрей выбежал из кареты.

— Да ты что, дядька Панкрат, это же я Андрей.

— Как прикажете Ваше Благородие.

Быстро сообразив, что дорога это не лучшее место для выяснения, кто благородие, а кто так мимо проезжал. Тем более начали подъезжать драгуны. Да и прочие кареты собирались в кучу. Ещё немного возникнете средневековый затор. Андрей махнул рукой.

— Показывай дорогу.

И побежал к своей карете.

Валуйки проехали. Насколько это возможно по окраине. Хотя новость распространилась со скоростью лесного пожара. И вот уже по обочинам стоял народ заглядывая на запыленных драгунов и на пока ещё редкие, в этих краях кареты.

Наконец показалась Дубровка. Андрей с изумлением смотрел на ожидающий его дворец. Хотя конечно в размерах он уступал многим виденным Андреем дворцам. Например дворец дома Мочениго в Венеции. Но то что, это не деревенская изба, было видно издали.

Первым делом стали устраивать самую главную хозяйку семейства Мурманцевых. Машенька за дорогу не устала. Потому что в отличии от остальных путешественников всё это время проспала. Вот и сейчас, приоткрыла глазки гугукнула, улыбнулась и снова заснула. Нянькам показали, где будет Машенькина комната.

Сотник драгун развернулся и повел свой отряд обустроиваться в лугах между деревней и усадьбой. Почти вся сотня, отдохнув сутки возвращалась в Измайловское. Временно оставался десяток драгун, возглавляемый этим же сотником.

Перед усадьбой барона Мурманцева, была обычная суматоха. Людей приехавших издалека. Но пока ещё не знающих куда идти.

Всем заправлял господский управляющий Панкрат, но иногда и он терялся. Ведь с Лаурой приехали десяток венецианских воинов. И куда пристроить такую охрану, к тому же почти не понимающую по русски. Но управляющий справился и с этим.

Попутно он отдавал приказы на кухню. Ведь надо было одновременно не только разместить, но и накормить.

Панкрата известили заранее, так что он был готов накормить не только всю челядь, но и сотню драгун.

За столом сидели, Андрей во главе стола. По правую руку Софья, по левую Панкрат, дальше за столом сидели сотник идесятники драгунской роты.

После обеда Андрей позвал управляющего в свой кабинет.

— Знаешь, дядька Панкрат, не все знают, что свою жену я называю Лаура. Так её звали, когда мы познакомились. Перед свадьбой Лаура приняла нашу веру и крестилась в Софию. Но когда мы наедине, называю её по-прежнему.

Вот и тебе предлагаю. При всех зови благородием, а наедине, будем как раньше. Я ведь тебе благодарен, за то, что грамоте меня научил. Без грамоты не вышло бы из меня капитана. К тому же с управляющим лучше общаться без чинов. Что скажешь?

— Полностью согласен, Ваше Благородие.

Андрей взглянул. В глазах Панкрата пряталась хитринка.

— Ну хорошо, тогда расскажи откуда этот дворец? Ты конечно хороший мастер, но сомневаюсь, чтоб смог сам такое отгрохать.

— Вот что скажу, Андрей Иванович. Не успел ты в море выйти. Как от Государя человек прибыл. Был он из немцев. Но русский язык знает, хорошо. Походил выбрал место где построить, решил что строить и как строить.

— А деньги на строительство где взял?

— Из государевой казны.

— То есть государь дал?

— Нет, этот немец грамоту показал, в которой указ Государев, что те, кто на новых землях селятся, получаю денег на строительство.

— Дальше рассказывай.

— А что рассказывать? В первую же весну, прислал Государь мешок картохли иноземной и такой же иноземной поминоры. На первый взгляд обе одинаковы. Да ещё Государь напугал. Велел за мешок картохли, вернуть десять. А за поминору, несколько корзин. Вот тогда я испугался. Но с этими семенами приехал государев человек, не немец, наш русской. Но как картохлю и поминору растить знает. Всю весну, всё лето и осень, показывал, как садить, как растить. Осенью показал, как готовить. Многим понравилось. Только морщился, когда плоды эти иноземные называли. Велел картохлю называть земляным яблоком, а поминору, солнечным.

Так вот из посаженного мешка земляных яблок. Собрали семьдесят. Солнечных яблок тоже множество. Кстати земляные яблоки можно и скотине кормить.

Так что. Ваше Благородие живем весело.

*

Кстати в Сибири не всё было плохо. Одни племена воевали. А другие селились на русских землях.

Да это русские земли и многие уже убедились, что отобрать не получится. И тогда некоторые племена переходили к нам.

Так монгольское племя Хонгодоры в количестве тысячи кибиток переселились к нам в Русское царство. И не просто переселились, но и приняли русское подданство. Позднее эти хонгодоры стали зваться бурятами.

Увы все эти сибирские известия приходили с запозданием и неполные. А ведь вся политика Русского царства. Можно сказать основывается на данных газеты “Куранты”. Пожалуй надо издавать побольше газет. Чтоб не только в Верховном Совете и Приказах читали, но и на улицах листки развешивали.

Думал, что хотя бы этим летом будет мирная жизнь. Достаточно событий на востоке. И осада Селенгинского острога. И переход хонгодоров. Если первое событие явно неприятное, то второе, вроде бы положительное, но расходы на обустройство, прибывшего населения, тоже не несут радости.

А тут ещё извещение, османы на юге шевелятся. Посмотрел на карту, чтобы им не шевелится. Если с одной стороны Русское царство давит, с другой Австро-Венгрия.

Но прежде, чем расскажу про наступление русского войска. Хотелось бы отвлечься на историко-географический вопрос.

Во первых моё отношение к Петру первому, тому из моего будущего. Экономику он поднимал бритьем бород. О многом я уже здесь рассказывал, если в монастырях отливали пушки, то зачем Петр сбрасывал колокола?

Теперь о моих коллегам попаданцах. Они хуже Петра ломают народ через колено. Если Петр хотел походить на Запад, то зачем попаданцы устраивали Новый год? Потому что привыкли? У них хотелки и пусть вся страна напряжётся. А я знаю, даже спустя много лет после крушения Советского Союза, люди вспоминали и хотели жить как раньше. Попаданцы ломали азбуку, систему счета. Да всё! Глупо считая, что именно это двигает прогресс. Ракета посчитанная в сажнях в космос не полетит, а в метрах полетит. Я например застал, тот момент, когда у бухгалтера на столе лежали счета и калькулятор. Так она счетах быстрее и точнее считала, чем на калькуляторе.

Так что всякий ли прогресс, на самом деле прогресс?

Теперь вернемся к исторической географии. В оправдание переименователей, назову этот вопрос политическим.

Итак какие города современные двадцать первому веку мы знаем. Феодосия, Севастополь, Одесса. Ну и заодно вспомним Санкт-Петербург.

Дело в том, что на месте этих названий стояли города Каффа, Ахтиар, Хаджибей, Ну и заодно Ниеншанц.

Я согласен, с тем, что русское государство, взявшее эти города имеет право, называть, как хочет. Но ведь нам рассказывали, что все эти города выросли на пустом месте.

Что касается названий. Просто привыкли говорить Севастополь, в моей реальности будут говорить Ахтиар. Всего лишь сила привычки.

Но продолжим... Русские войска в основном продвигались, берегом моря. Поставки продовольствия и снарядов быстрее. Да и если помощь потребуется, то любой полк морем перекинуть быстрее.

Что касается турецкого флота. То он нам не мешал. Нет не потому, что русские моряки самые лучшие. Хотелось бы в это верить, но лучшими им предстоит стать. Просто самые опытные турецкие адмиралы, сейчас в Средиземном море. Но когда поймут, что много

теряют, будут перебрасывать флот сюда в Черное море.

Хорошо рассуждать, за тысячу километров от событий. Ощущение, будто стою ногами на разных берегах. На одном берегу ничего не изменилось и я знаю, как будет. На другом уже пошло по новой колее. Сейчас русские войска воюют, там где должны бы воевать через сто лет. Но ещё не родились, ни Потёмкин, ни Суворов, а русская армия, там где воевали, но теперь будут ли воевать известные военачальники той истории.

Я это отступление себе позволил, потому что во дворец буквально ворвался гонец от Шеина. В Молдавии наблюдалось скопление осман.

Туда пошло подкрепление. Но сколько пройдут пешие. Заодно послал гонца, с советом, что лучше отойти, но не дать себя окружить. Однако если будет возможность, не увлекаясь, атаковать осман.

Петю направил в Таганрог, напрямую. К Андрею же послал гонца, со срочным приказом, так же отбыть в Таганрог и вступить в командование Черноморским флотом.

Впрочем полковник Шеин Алексей Семенович, в моих советах не нуждался. Полковника я дал ему перед началом кампании. Хотя для командующего войском, звание полковник маловато. Тем более, что генерал-поручик Патрик Гордон, оказался у него в подчиненных.

Что касается того, что не нуждался в советах.

Егеря почти месяц находились в тылу у осман. Иногда выходя, докладывая об обстановке и снова скрываясь. Собственно егеря первые заметили увеличение турецкой группировки.

Тогда Шеин и разработал план. Первые удары осман бодро отбили. А потом фронт якобы посыпался. То в одном, то в другом месте русские войска начали отступать. Отступать было легко. Потому что тяжелые пушки, были отведены в засаду. Отстреливались легкие. А потом русские войска “побежали”. Здесь была определенная опасность. Турки могли “сесть на хвост”. То есть слишком близко начать преследовать. Но как и надеялся Алексей Семенович, османы не сразу поверили в русское отступление. А когда поверили, уже догонять было трудно. На горизонте виднелись русские кавалерийские разъезды, но войска исчезли.

Вот тогда жадность и сыграла злую шутку на турками. Нет, конечно, они посылали разведку. Но разведку ждали два варианта событий. Либо они никого не находили. Либо вдруг исчезали бесследно в этих молдавских лесах и горах.

И тогда уверовав в собственный военный гений и трусость русского войска, командующий турецкой армией, собрав все войска в кулак, кинулся за русской армией.

Даже когда передовые разъезды обстреляла русская артиллерия. И тогда турки не задумались. Думая, что наконец-то догнали арьергард русской армии.

К сожалению артиллерия этого времени. Не достигла ещё той дальности, когда бьют из-за горизонта. Турецкая и татарская конница видя впереди беззащитные пушки. Нет конечно пушки огрызались огнем. Но для кавалерии семнадцатого века, они были как мышата для кошек.

Однако перед пушками оказались рогатки, а за рогатками стрельцы.

Всё турецкое войско начало подтягиваться, чтобы раскидать рогатки и дать простор янычарам.

В этот момент в тылу турецкого войска показалась русская кавалерия, не разъезды. А множество. Гусары, драгуны, запорожцы, донские казаки. Весь этот конный вал набросился

на турецкое войско с тыла.

С другой стороны стреляли русские пушки, стрельцы и современные полки.

Сто тысяч войска Русского царства, против двухсот пятидесяти осман. Чтобы турки сдались, надо было их бить насмерть.

Битва продолжалась весь день. К вечеру османы начали сдаваться. Мало их осталось.

На следующий день к Шеину прибыл запоздалый гонец от меня. Запоздалый, потому что и без моих указаний, всё отлично вышло.

Теперь Шеин послал ко мне, курьера с докладом о победе. Выслушав курьера, я послал другого, обратно. Приглашая Шеина и Долгорукова Бориса Федоровича, ко мне в Измайловское.

Долгоруков, когда-то был поручиком, главой сотни царских рейтар. Теперь же командовал драгунским полком. И по совместительству всей кавалерией этой операции.

Им обоим я вручил генерал майорские знаки и ордена Спаса.

Награждая подумал, “Но это сухопутные, как там мои моряки”?

*

В это время капитан третьего ранга, командор Западной эскадры Черноморского флота, Милославский Алексей Матвеевич стоял на мостике.

Когда-то, он будучи мичманом служил под командой Мурманцева Андрея Ивановича. И вот сам командует эскадрой.

Эскадра шла из Гаджибея в Ахтиар. Особой цели этого маршрута не было. Просто караульная служба. Уже доводилось схватываться с турецким флотом. Впрочем, несмотря на свой небольшой опыт, командующий эскадры понимал, что это не весь османский флот.

Вот опять на горизонте показались турецкие паруса. Командор приказал поднять сигнал, “к атаке”. Но очевидно бой пока в планы осман не входил.

Однако, когда эскадра начала входить в Ахтиарскую бухту, османский флот вынырнул из-за горизонта и при попутном ветре, хотел также зайти в Ахтиарскую бухту.

Однако недаром Государь требовал при строительстве приморских городов, брать на охрану самые мощные и дальнобойные пушки.

Рявкнула батарея Северной стороны. И до чего удачно. Османский корабль затонул почти моментально. Выстрелили пушки с противоположной стороны. Немного не удачно. Столбы воды поднялись рядом с кораблем. Но османский капитан, сделал очень резкий поворот и корабль сначала лег мачтами на воду. А потом начал медленно погружаться. Османы попытались прийти на помощь, своим незадачливым коллегам. Но турецкий флот отогнали береговые батареи. И когда турки отошли в море. Сотни шлюпок с берега и кораблей бросились к османским утопленникам.

Потратив сутки на осмотр и легкий ремонт, эскадра Милославского снова вышла в море.

Помня о недавнем появлении османской эскадры командор приказал, “Всем смотреть вокруг”.

Вскоре с арьергарда пришло сообщение, “паруса на горизонте”.

Вздыхнув Алексей приказал готовиться к бою. Вздыхнул, не потому что очень уж не хотел воевать. Именно для этого он и вся эскадра находились в море. Просто молодой капитан, уже усвоил простую истину, “хорошо, когда ты навязываешь бой противнику, и не очень, когда противник навязывает бой”.

Эскадра противника приближалась, ни флаги, ни гюйсы вытянувшиеся от ветра, не

были видны.

Но как ни странно, фрегаты шли прямо, не поворачиваясь бортами.

Наконец кто-то глазастый закричал, “наши! Русские!”.

Алексей вспомнил про подзорную трубу, которую сжимал в руке.

— Да, ну! Не может быть! Ну точно он.

На одном из фрегатов Алексей разглядел своего друга и командира Андрея Ивановича Мурманцева.

К сожалению погода не позволила, Андрею встретить гостя, так как нравилось за столиком на палубе. Сидели в капитанской каюте, вспоминали начало своей службы. Потом рассказывали. О том, кто, где и как. Когда Алексей закончил рассказ о вчерашнем приключении.

— Кстати об османах. Государь повелел собирать корабли со всех эскадр. Так что, друг Алексей, хочешь-не хочешь, давай делись. Хотя бы треть кораблей от эскадры.

— Помилуй бог, Андрей, да у тебя и так флот во всё Черное море.

— Ну, положим, не во всё море. Да и флот не мой, государев. Иногда кажется Государь, наперед, что ведает. Да что я тебе рассказываю, грамоту Государеву, сам видел.

— Эх, господин капитан первого ранга, да конечно всё понимаю. Сам бы с тобой пошёл. Но раз нельзя, вот море успокоится, вернусь на свой корабль и решим.

Это была первая Черноморская флотилия. Андрей четко следовал указаниям государя. Если вражеский флот невозможно найти, то надо сделать так, чтобы враг нашел тебя сам. К тому же у Андрея была примерная карта Черного моря, нарисованная от руки Государем.

Несколько раз напугав и потопив отдельные османские корабли. Андрей дождался, того, что османский флот вышел навстречу Черноморской флотилии.

Описывать бой ни к чему. Всегда есть один победитель и один побеждённый. Опытные турецкие капитаны, потерпели поражение от капитана новичка. Андрей же не только разбил османский флот, но и разгромил несколько селений на берегу. Последней была деревушка Шиле, близко расположенная к турецкой столице.

Отбомбившись флотилия развернулась на север. Уже наступила зима, усилились шторма. Оставив флот в Ахтиаре. На маленьком кораблике, поднялся до Воронежа. Очень хотелось увидеть жену, но Государь настаивал, прибыть срочно в столицу.

*

Ну а что мне не настаивать Софья, к тому же снова беременная, ждала мужа в Измайловском. По приезду Андрея, я устроил вечер в честь героя моряка, где Андрей стал контр-адмиралом и получил орден Служение Отечеству.

Здесь меня огорчила весть о смерти генерала Шепелева Аггея.

Теперь я кажется догадался, почему меня так огорчают смерти всех этих людей. С генералом я можно сказать не разговаривал. Так перекинуться парой слов во время награждений. Просто эти люди, те, кто волей случая оказались мне ближе при моём появлении в этом времени.

Глава 14. Лето 7197 (год 1689)

Надо честно сказать, я всё-таки лукавлю, когда говорю, мне все равно, как считать годами или годами. Что уж там, несмотря на то что, здесь уже достаточно долго живу. Считать годами было привычнее.

Так вот в начале года или точнее в конце зимы опять рожала Лаура-Софья. Снова девочка. Надо было видеть расстроенное лицо Андрея. Его можно понять, пусть радуется дочерям, но в глубине души мечтает о наследнике.

Девочка родилась крупная. Лицом похожа на мать и сестру, но размерами явно в отца. Назвали Анна, а крестил снова патриарх. Крестной была моя Агафья.

Выходя из храма Покрова Пресвятой Богородицы, заметил внизу у ступенек. Пришлось отойти. Вся процессия с новорожденной во главе, которая была на руках не у родной матери, а у крестной, остановились, но я махнул рукой.

— Государь, французская эскадра в Таганроге.

— Воевать собрались?

— Нет просто стоят.

— Грамота у тебя есть?

— Прости, Государь.

Курьер достал из тубуса перекинутого через плечо, грамоту.

В грамоте, глава Таганрога, сначала извинялся. Что не послал сразу гонца, дождался пока французы высадутся. Да скажут, зачем прибыли. А прибыли они, чтобы обменять зерно, на лен, коноплю и поташ.

Тут надо было срочно думать. Я конечно приказал, в надежде на такой случай завезти в Таганрог, лен и коноплю. Но по привычке всё везли через Архангельск. А поташ везли через самый северный порт, через Колу.

Оглянулся все вышедшие их храма, всё ещё стояли в ожидании. Чуть поодаль стояла конная охрана. В храм я приехал в карете. Но на всякий случай водили и коня.

Я подозвал коновода. Вскочил в седло, подъехал к процессии, поклонился прямо в седле обеим Агафье и Софье. И с места понёсся в галоп. Приказов и распоряжений в голове теснилось, не забыть бы.

Полдня суетился, крутился, кричал, гонял людей. Собирал всех, кто поедет со мной. На встречу с французами.

Может поэтому и расслабился ночью. Всегда себя ограничивал, как мог. Очень не хотелось, чтобы Агафья, каждый год рожала. А тут после дневной суматохи, целый шторм страсти.

Утром же сбегал на пруд, ополоснулся и решил. Сейчас еду один, как можно быстро. За мной следом, едут все, кого собрал. За ними обоз с льняными и конопляными изделиями.

Надо коноплю самим перерабатывать, канаты подороже будут.

Но об этом ещё подумаю. А сейчас быстро перекусив, наш отряд мчался по дороге на Воронеж. С Воронежа на струге, до Азова. А там флейтом до Таганрога.

Два дня валял дурака. Ближайшее окружение настояло, чтобы я встречался с французами полностью со всей свитой, которые где-то плыли по Дону.

Тут я пожалуй был полностью согласен. Несмотря на то что за поездку всё обдумал, записал. Но проколоться из-за какой-нибудь мелочи, по незнанию местных реалий, не

хотелось.

Свита прибыла ночью. Дав им поспать часок. Велел готовиться к встрече французов. Для меня это было очень важно. Не надо забывать про “холодную войну”, которую я объявил Англии. Может, как союзники турок французы на них повлияют.

Встречу решил устроить за городом. В Москве, когда выезжали ещё лежал снег. В Воронеже только сошел лед, а в Таганроге уже всюду цвела степь.

Кстати я как знал. Устраивая встречу на свежем воздухе французы мне привезли бретонцев. Эти кони восхитительны. Тяжеловозы с массивным телом и оттого бросающиеся в глаза короткие ноги. Но конь подвижен, вынослив.

С подарком французы мне угодили, но что я подарю королю-Солнце? Правда я уже знал, что Людовик любит, вазы и кубки из драгоценных камней. Это я подарю ему обязательно. Но ещё оказывается он любит ордена и медали.

Сейчас же предстояло предварительно договориться.

Я озвучил французам своё предложение.

— Османы наши враги, но ваши союзники. Англичане ваши враги и наш недоброжелатели. Вы не мешаете нам в войне с османами, мы помогаем вам в борьбе с англичанами.

Как оказалось, французы примерно на это и рассчитывали. Людовик был уверен в своих силах. Но зачем же отказываться от союзников. С этой целью посылал во Францию Андрея Артамоновича Матвеева послом. Сын того самого Артамона Матвеева, который был правой рукой у моего батюшки. Был сторонником преобразований. Кстати открыл в Москве первый на Руси театр.

Реформы шли задолго до Петра, но историки, почему то именно его назначили реформатором. Петр также приехал со мной, кстати ему в этом году исполняется семнадцать лет. В той истории именно в это время Петр сверг свою старшую сестру Софью. Не было тогда на Руси моды, чтобы женщины царствовали. Но после Петра, одна за другой Екатерина первая, Анна Иоановна, Анна Леопольдовна. Елизавета, Екатерина вторая. Между ними иногда правили некоторое время мужчины, скорее дети.

Но Софье не повезло, хотя многие царские дочери, будучи незамужними, уходили в монастырь. А у меня тут целое женское царство, холостые тетки, такие же сестры.

Но вернёмся к нашим французам. Кроме Матвеева во Францию едет поручик Яков Брюс, с научными целями. К тому же познакомил с адмиралом Андреем Ивановичем Мурманцевым, ему предстоит отправляться во Францию из Архангельска. Там русская эскадра волеется во французский флот.

Осталось подождать, когда подойдут обозы со льном и коноплей.

Спустя несколько дней привезли, обещанное. Французы оказались довольны обменом. Эскадра покинула Таганрог.

Петра оставил здесь, уже капитан-поручиком и командиром корабля. Я хотел вернуть ему имя, но Петя упрямился, по прежнему именоваться Михаилом Романовым. Ну пусть его дело. По возрасту уже взрослый, скоро семнадцать. А по росту уже почти Андрея догнал.

С Андреем поехали сухопутным маршрутом, в Москву, через его деревню.

Усадьба была красивая. Панкрат Тимофеев оказался талантливым приказчиком. Почему то вспомнились документальные фильмы про передовые колхозы советского периода. Но в деревне стояли шикарные крестьянские дома, было чисто. И это при том, что нас никто не ждал. Особо любоваться пока было не на что всё-таки ранняя весна. Выдали Панкрату

мешок зерна с французской пшеницей.

Не знаю почему, но всё это напомнило мне молодость в двадцатом веке. Под эту ностальгию, остался ещё на сутки шашлычков поест. Объяснил местному кузнецу про шампура и мангал.

Сначала сидели разговаривали с Андреем за жизнь. Объяснил ему, что отпускаю во Францию, на одно лето. После большой битвы на море, и посещения Людовика, неплохо если побывает в Америке. Ну а потом на родину. А пока отдыхай. Я поеду, а ты не спеши, хозяйством займись. Дядька твой молодец, но и ты понятие должен иметь.

Шашлычков оказалось очень много. Угостили охрану, работников. Велел всей деревне раздать.

Я поехал, дальше по государевым делам. Оставив попутчика входить в дела хозяйства. Пожалуй, от Воронежа до Таганрога, надо проложить и сухопутную дорогу.

По приезду в Москву в первую очередь, пришлось утешать Софью, которая Лаура, что муж её моей волей государевой задержался в дороге. Так эта дурочка засобиралась в путь. Пришлось объяснить, что Андрей скоро вернётся, а так они в пути разминутся. Немного успокоилась.

Даже забавно, вспомнился управдом Бунша, с его вечным, “Вы думаете нам царям легко?” Но ведь действительно, дела от личных, до бытовых и государственных. Всё чем я сейчас занимаюсь, требует денег. Иногда же приходится поступать в ущерб собственным интересам. Лен и конопля, значительно дороже зерна. Но подружиться с Францией дороже денег.

По делам греко-славянской школы заехала сестра Софья. И тут мне как-то вспомнилось, что у царя все дела государственные, даже если он родных братьев и сестер женит, замуж выдает.

Кстати брата Ивана я женил в то же лето, что и в параллельной истории в 7192 (1684). И женил на той же Прасковье Федоровне Салтыковой. Кстати первая дочь у них родилась только сейчас. Надеюсь для Ивана жизнь сложится по другому. У меня стойкое убеждение, что всех моих братьев отравили. Но сейчас Ване ничего не грозит ведь я жив.

Софью женить бесполезно. Прет как танк. Слишком деятельная. На все мои намёки с спокойной семейной жизни, только фыркает.

А говорят патриархальные времена. Все времена одинаковы. Только люди одевались по разному. Остались старшая сестра Мария, но она старше меня на год, значит ей уже двадцать девять, что для всех времен поздноато. Ну и Петр, которому семнадцать, что в самый раз.

В первую очередь пошел поговорить с сестрой. На моё удивление возражать не стала. Единственное, что сказала, не поздноато ли.

Я сказал, что жених сам не знает. Поэтому пока ничего не обещаю.

Следующим шагом была отправка Артамона Матвеева в Курляндию. Когда-то он был там послом, всех знает. Хотя годы, конечно, но Матвеев услышав о цели поездки, сказал раз надо, значит надо.

Дело в том, что у знаменитого властителя Курляндии остались сыновья и дочери. Дочери были старше и благополучно вышли замуж. Правил Курляндией сейчас старший сын Якоба Фридрих Казимир. Но был у него брат Фердинанд, несмотря на свои тридцать четыре холостой.

Цель же всего этого альянса присоединение Курляндии законными средствами. Ту я историю знаю. Нынешний правитель Курляндии умрет, на герцогство поставят его сына, но

и тот, бог знает почему не долго проживет. Медицина в эти времена не очень. И останется единственным наследником Фердинанд. Главное не спешить. И не будет никогда никаких Латвий, Эстоний. Хотя война со Швецией будет однозначно неминуема.

Вот что значит возраст и опыт. Артамон Сергеевич моментально договорился о свадьбе.

Фердинанд будущий жених, воевал в войсках Польши, на стороне Австрии против турок, но сейчас был дома.

Однако опытный дипломат Матвеев пошел к старшему брату, нынешнему правителю Курляндии Фридриху. Во первых пошёл, как добрый друг семьи. Раньше он действительно, часто общался с отцом братьев Якобом. Во вторых пошел с подарками. В третьих пообещал за невестой хорошее приданое.

А Фридрих к этому моменту сделал изобретение достойное нобелевской премии, если бы такая уже существовала. А именно расходы всегда превышают доходы. А жить красиво хочется.

Так что Фридрих быстренько уговорил брата на свадьбу. При этом была сказана волшебная фраза,

— Главное на свадьбе поприсутствуй, а потом опять езжай на войну.

От Матвеева прибыл курьер, что нынешний правитель Курляндии герцог Фридрих, любит роскошную жизнь, построил итальянскую оперу. Завел конюшни с арабскими скакунами и оранжереи с ананасами.

Отлично скакунами я могу поделиться, такой подарок он оценит.

Французам я вручил орден для Людовика. Золотая восьмиконечная звезда, усыпанная бриллиантами и жемчугами. На ордене написано “Свет короля Солнце, затмевает всё вокруг”.

Такой же орден передал Фридриху, только надпись попроще. Орден Дружбы правителей.

Только отправил гонцов, ко мне заявился целый женсовет. Возглавляла его понятно Мария. С ней были старшая сестра Екатерина, потом Софья и с ними вместе моя Агафья.

Оказывается они пришли проситься ехать вместе с Марией.

— Так дамы, ещё никто ничего не решил, а вы уже замятню устроили, как при чигиринском побоище.

Пока договариваемся с братом жениха. Но думаю будет так. Приедет жених. Отпразднуем. Потом поедem в костел Мария примет лютеранство, заодно обвенчаетесь. И сразу поедете в Митаву. Пока не знаю возможно я тоже поеду. Значит и вы все тоже поедете.

Вот только Агафьюшка, ты же тяжелая, легко ли тебе в зимней дороге?

На этом женсовет закончился. Тут приехал молодой адмирал. Опять обнимался с молодой женой из дома не выходил.

Но у меня повод был, которому не откажешь, мой день рождения.

Собирались опять все свои. Хотя у правителя страны этих своих чуть не пол-Москвы.

Мы с Агафьюшкой важно идем вокруг дети, рядом няньки. Старшему Илье уже девять лет, вышагивает впереди. Младшенькая Феодосия в колясочке, хотя ей уже три года. Но парк большой долго пешком не выдержит.

Впрочем маленькие дети присутствуют только в начале торжеств.

Андрей со своей Лаурой-Софьей, тоже идут с колясками и няньками. Забавно на них смотреть, он высокий светловолосый, она худенькая, маленькая брюнетка.

Были послы. Начальники всех Приказов. Родственники. Друзья.

На этот раз решил похвастаться своими лошадьми. Показал три дисциплины. Выездка. Скачки и соревнования тяжеловозов.

Военный парад в этот день рождения не устраивал. Зато в трех концах парка, играли театральные представления.

Я сохранил анонимность подарков. То есть я знал от кого подарок. Но остальные, не видели вручаемые другими подарками. И гораздо спокойнее, нет глупой соревновательности.

*

После празднования супруги Мурманцевы разъехались. Андрей поехал в Архангельск принимать эскадру. А Софья решила вернуться в поместье. Как ни хорошо при Государе. Но маленькой венецианской девочке, надо было привыкать к новому дому. А дом этот поместье на просторах русского Царства.

Андрей же приехав в Архангельск удивился и обрадовался, что его ждёт “Апостол”. Капитаном был капитан третьего ранга Бестужев Петр Михайлович. Тот самый, что был старпомом у Андрея в Венецианском походе.

Теперь обнявшись, Андрей спросил,

— Пойдешь ко мне старпомом? Не обидишься на понижение?

— Быть под командой, капитана “Ветра”, почётно.

— Ну и отлично. Пойдем расскажешь, чем занимались. Я же поделюсь, что нам предстоит.

*

Напомню, что у батюшки моего было две жены. Одна моя матушка Мария Ильинична Милославская. Другая Наталья Кирилловна Нарышкина.

Так вот Милославские с Нарышкиными постоянно воевали. Каждому хотелось своего на престол поставить. Именно поэтому боялся отравлений. Ну не верил я в болезненность детей Милославской. Очень уж они все резко умирали.

Милославских я продвигал. Но Нарышкиных не трогал. Наверно зря. Вот сейчас отправил Льва Кирилловича Нарышкина в Мезень.

С одной стороны он родной брат Натальи Кирилловны и дядька Петра. А Мезень это место куда многих ссылали.

Но я сделал это не как ссылку. Дал войска и назначил воеводой Мезени. Тем более разные немирные народы севера постоянно нападали. Так что вроде бы при деле и от центра подальше.

Другого брата Ивана Кирилловича Нарышкина, также усрал в Вытегру. Вытегра это малое село, по сухопутной дороге из Вологды на Колу.

Сам же Иван Кириллович в той истории был убит стрельцами, в день стрелецкого бунта. Но поскольку бунта не было, то и Нарышкин жив. Сам не знаю, почему я их еще семь лет назад не выслал.

Тут примчалась Наталья Кирилловна за братьев просить. Послушал я её и говорю,

— А давай Петрушу женим.

Наталья Кирилловна растерялась,

— А братья как же?

— Ну что теперь из-за дядьёв и не женится Петру?

— Вы, присмотрели, кого-то. Государь?

— Ну я не знаю, может быть Евдокию Лопухину?

— Чем же она вам понравилась?

— Просто вспомнил её первой. Знаете, что, Наталья Кирилловна, приходите на день рождения Агафьи. Там будет много молодых девушек. Только запомните один совет, вы выбираете невесту для Петра, а не для себя. Вам понравится, а Петру нет.

Потом был день рождения у Агафьи. У Государыни-царицы. Я не вмешивался, она сама приглашала. На этот раз попросил пригласить бывшую царицу Нарышкину. Она ни во что не вмешивалась, сидела, смотрела, слушала. Ближе к вечеру вежливо попрощалась.

А между тем, пока на одной стороне Русского Царства, люди мечтали о свадьбе, отмечали дни рождения. На другой стороне Русского Царства у Нерчинского острога собирались китайские войска. Точнее цинские войска, прислала империя Цин. Так тогда назывался Китай.

В принципе это была дипломатическая встреча. Но почему то с цинскими дипломатами пришло пятнадцать тысяч войска. В то время как в остроге было менее тысячи. К тому же русских предали монголы-онкоты. Просто бросили свои стойбища и ушли. Но они были не единственные в этих местах. На стороне русских выступили эвенки, перемещаясь по сопкам на конях они создавали иллюзию большого войска. К тому же глава этого эвенкийского рода князь Катанай своим участием немало помог в переговорах.

Наконец когда император Цинской империи получил известие о возможном союзе Русского царства и Джунгарского ханства, переговоры начались.

Переговоры шли долго и трудно. Цинские войска окружили Нерчинский острог и направили на него пушки. Переводчиками работали иезуиты из Европы.

Я здесь почти никак не мог повлиять. И всё-таки почти. Находясь на таком отдалении. Смог защитить Албазин. Сейчас же заранее мной были разосланы указы в Иркутск и Верхнеудинск, к концу августа и не позже прибыть войском к Нерчинску.

Прибыло их всего тысяча, к той тысяче, что была в Нерчинском остроге. Две тысячи против пятнадцати. Однако цинцы стали добрее более сговорчивы.

Для меня главным было то, что и здесь я вмешался в ход истории. Албазин был сохранен. Граница не отодвинулась на север.

Договор с цинцами был подписан, а на Западе Руси приближалась свадьба.

Знаете как ноябрь называют? Грудень. Представьте холодные дождливые дни. Грязь на дорогах перемешана колесами телег, ногами коней и людей, где-то из грязи торчит палка, упавшая с телеги, а может просто ветка. В одну ночь, всё это резко замерзает. На дороге груды грязи, палка просто торчавшая из грязи, превращается в шлагбаум, который не свернуть, до весны. Или зимой под снегом, санями воннут поближе к земле.

И вот в один из таких дней. В Измайлово прибывает курьер с вестью, что курляндец Фердинанд, под Ржевом разбил карету.

На мгновение я застываю. Какой нафик Фердинад? Что уже немцы подо Ржевом!

Поскольку время свадьбы приближается, Мария проводит со мной время, чаще, чем родная жена. И не мудрено, я теперь для неё вместо отца.

Так вот в ответ на сообщение курьера, сзади раздалось, нежное, женское. “Ах!” Я оглядываюсь. Вижу побледневшую сестру. Наконец включаюсь. Командую выслать навстречу кареты, охрану. На укорительное Машино, “Федя!”. Соображаю, что жениха, желательно выехать встречать самому.

Наутро приказав сестре спрятаться и не показываться пока не позовут Велю седлать коней. Стольники, рынды. Целая орда сопровождающих несется вслед за мной.

Кстати дорога Москва — Митава, прокладывалась давно, как только речь зашла о свадьбе. Дорожные работы ускорились. Так что события со сломанной каретой, это, простите за тавтологию, какой-то случайный случай.

Примерно на полпути между Ржевом и Москвой мы столкнулись. И опять это был какой-то случайный случай. Дело в том, что герцог Фердинанд ехал в сопровождении небольшой охраны. Весь обоз остался подо Ржевом.

Поэтому небольшой отряд постарался быстренько свернуть с дороги надвигающейся армии. Но их заметили, подъехали, разобрались. И вот я уже обнимался со своим будущим зятем.

Честно говоря я был удивлен безрассудству герцога. Нет я понимаю, боевой командир. Но всё-же в незнакомой стране, без еды. Да даже без одежды. В Митаве было по летнему тепло. А здесь уже мороз, который всё крепчал.

Решили здесь заночевать. Нет не в поле. Недавно миновали городок Волок Ламский. Вернулись и там в разговорах заночевали.

Мне было интересно, что за человек новый зять. На следующий день подъехали кареты из Москвы. Пока собирались, подтянулся герцогский обоз. Заночевали ещё одну ночь.

Утром выслал курьера, чтоб встречали. Но обоз это не всадники, заночевали ещё. Наконец на следующий день показалась Москва.

На границе Москвы стояла толпа встречающих. Я конечно всё предусмотрел, но внимательно вглядывался, нет ли здесь где Маши.

Потом был неофициальный обед. После которого, устроили официальный приём. Ну что поделаешь, политика и дипломатия дело тонкое. Притворились, будто не видели друг друга. Я сидел на троне, Фердинанд представлялся мне. Потом пригласили невесту, буквально выйти и войти.

Мария была одета по слову своего портного. А портным был я. Нет я не шил, но фасоны все разрабатывал.

Итак, сапоги, на них спускается зеленая юбка, белая рубашка у горла выглядывает из под темно-малинового жакета. На голове берет. Волосы под беретом собраны в тугую прическу. И минимум украшений. Казалось бы сестра царя должна ослеплять украшениями. Но ещё не вечер. А пока несколько колец на пальцах. Серьги по типу колец. И брошь на жакете.

Я их представил. Они поприветствовали друг друга легким поклоном. И Мария вышла.

Перед этим мой стольник Иван Максимович Языков, видевший взгляд Фердинанда, слегка повернувшись спиной, показал большой палец.

Но тут же подошел сам Фердинанд.

— Ваша сестра, Государь прекрасна. Теперь я не жалею, что согласился на эту свадьбу.

И закрутилось, пиры, встречи. Фердинанд и Мария гуляли вдвоем, правда их ни на минуту, не оставляли слуги.

Наконец наступил торжественный день. Молодые посетили Лютеранскую церковь Святого Михаила, где Марию приняла лютеранство. Но имя у неё осталось прежнее.

После чего состоялось венчание. Я как старший мужчина, передал невесту жениху и они как детсадовцы, взявшись за руки ходили по Кирхе.

Потом погрузились в карету и тут же отправились к жениху, то есть Митаву.

В первую очередь с Марией поехали, те кто останется с ней. Это слуги и охрана. Потом провожающие. Все сестры. Моя Агафья, очень сожалела, что не может поехать, но подходил

срок родов.

Прошло совсем немного времени, после отъезда Марии, как родилась Анна.

Глава 15. Лето 7198 (год 1690)

После отъезда сестры неожиданно во дворце наступила тишина. Как оказалось очень много людей уехало с сестрой.

Я понимаю, что с одной стороны я не совсем Федор Алексеевич, но и от того жителя двадцать первого века ничего не осталось. Как бы уже вписался в современную жизнь, а воспоминания из прошлого-будущего. Выглядели, как предсказания. Так что привык я к своей сестре, впрочем уехавшей по моему желанию.

Кстати Ивана Максимовича Языкова я тоже отправил. Послужил он мне немало, пора и в званиях и должностях расти. Присвоил ему чин полковника и отправил старшим над всеми слугами и охраной в Митаву.

Через какое-то время прибыл курьер от Марии. Сестра писала, что у неё всё хорошо, что она счастлива. Забегая вперед, скажу, что позже, когда отъезжал в войска, герцог Фердинанд прислал мне письмо с приблизительно такими же словами.

Как интересно, всего лишь хотел, получить государственную выгоду, а сделал двух людей счастливыми.

Кстати Маша прислала письмо, не только полное ах-ов и ох-ов. Но и с описанием жизни и быта Курляндии, герцогского дворца. Вкратце рассказала короткую историю семейства Кетлеров.

Не сразу понял, что меня зацепило, но отец нынешнего правителя Курляндии герцога Фридриха, хорошо поднялся за счет торговли. Это было самое богатое герцогство Европы.

В принципе примерно к подобному я и склонялся. Последнее время мы торговали не только в своих портах, что было дешевле, но и возили за рубеж. А это было значительно дороже.

Осталось определиться что будет “нефтью” семнадцатого — восемнадцатого века.

Список был короткий, но сырье можно сказать стратегическое. Конкуренентов почти нет. Итак, лен, но лучше льняное масло и льняная ткань. А может даже одежда из льна. Дальше конопля, но опять же, лучше то что можно изготовит из конопли, например пеньку. А это с развитием мореходства, всегда будет иметь спрос пока есть парусники. Дальше деготь, и получаемый из него вар. Ну и поташ.

Вот четыре товара и производные из него, которые сделают Россию богатой.

Следующие события связаны с воспоминаниями из моего прошлого-будущего. Короче чтоб не запутаться, расскажу подробнее.

Итак в той параллельности, где Федор Алексеевич умер и воцарился Петр. Петр начал воевать со шведами. Денег на войну не хватало. Повысил налоги. Сборщиков налогов, убили казаки атамана Кондрата Булавина. Его поддержал Игнат Некрасов.

Казалось бы что бояться, на царстве я, а не Петр. Значит если будет война со шведами, то пойдет по другому сценарию. Денег пока хватает. Булавина, пока он даже не атаман, а простой казак перевел в кубанское казачье войско.

Но всё же свербит. Надо бы и с Некрасовым Игнатом встретиться.

Встретился я с Игнатом в Воронеже, в моей ставке. Игнат был высокий крепкий широкоплечий казак. Впрочем в свои тридцать лет был уже атаман.

Выслушал меня внимательно. Я же предлагал переселяться на Дальний Восток, обещал освобождение от всяких налогов и прочую помощь. Также просил помощи, ибо войск мало,

переселяются понемногу. Но надеюсь, что Игнат Федорович возьмет с собой побольше, да с семьями.

После мы помолчали немного.

— Дозволь, Государь, вопрос задать неудобный.

— Спрашивай, если знаю ответ, скажу.

— Сдаётся мне, Государь, что ты про меня знаешь, то что я и сам про себя не знаю.

— Особенный ы человек, Игнат Федорович. Любой человек, что становится атаманом, может вести людей за собой. Но ты, Игнат Федорович, особенный, одним словом своим можешь тысячи вести. Сейчас от тебя зависит, будешь ты мне служить или поведёшь людей против.

— Прости, Государь, не верится, что такое может быть.

— Доказательством, у меня, Игнат Федорович, могут быть такие же слова. Но если этим словам не веришь, чем те лучше?

Мы помолчали, немного. Я встал. Встал и атаман Некрасов.

— Я согласен, Государь.

Постарался, ни улыбкой, ни вздохом не показать, как я рад.

Потом съездил в Морское училище. Побывал на верфи, которая теперь стала значительно меньше. Ведь все корабли, с некоторых пор ставят в приморских городах.

*

Карета катилась по мощеной дороге, медленно покачиваясь. Андрея начало клонить в сон. И не мудрено встреча с Королем-Солнце вымотала его.

Общаться с другими влиятельными людьми было легко, в первую очередь потому что везде он отвечал сам за себя. За своё поведение, свои слова. Но русский царь относился к нему по дружески. Венецианский дож, как коллега по работе. Ибо оба были моряками. То здесь, даже отвечая на вопросы Людовика, о себе, о всё равно говорил от имени своей Родины.

Весь путь, что проделали от русского Архангельска до французского Гавра Андрей Иванович, у своего помощника учил французский язык.

Проекзаменовал его посол Шереметев Борис Петрович.

В дороге Андрей слушал, о чем говорят французы. В некоторых случаях вставлял слова. Но дорога закончилась, как ни странно не в Версале основном жилище Короля-Солнце, а в замке Сен-Жермен.

Как рассказал Борис Петрович, именно в этом замке появился на свет Людовик четырнадцатый. Названный тогда Луи-Дьёдонне, что означало данный богом.

Со временем Людовик построил Версаль и про этот замок, казалось забыл. Не встречать с русским адмиралом приехал сюда.

Когда на французском языке русский адмирал, сказал,

— Не считите за оскорбление. Ваше Величество, но может нам лучше общаться сидя.

На что, на мгновение задумавшись, а потом улыбнувшись Людовик сказал,

— Я запомню это.

Дело в том, что Людовик был скажем так ниже среднего роста. А русский адмирал возвышался среди всех. Людовик же, как и всякий невысокий человек, облеченный властью пытался скрыть свой рост. И он оценил предложение Андрея, ведь сидя они стали почти одного роста.

Тогда то король удалил всех придворных, и они разговаривали с глазу на глаз довольно

долго. Единственное, что слуги носили кофе и пирожные.

И вот Андрей Иванович возвращался к своей эскадре. Карету сопровождали десяток мушкетеров гвардии короля Франции.

Перед Гавром их экипаж догнал адмирал де Турвиль.

Когда то они уже общались в Средиземном море. Потом здесь, покидая замок Сен Жермен два адмирала перекинулись парой слов. И вот им предстоит вместе воевать против островитян.

Французский адмирал пересел в карету к русскому.

Де Турвиль был не только адмирал, по рождению он был Анн Илларион граф де Турвиль. Но графская карета всё-таки немного попроще, чем карета короля, в которой ехал Андрей. К тому же это не просто король, а Король-Солнце.

Впрочем, ехать оставалось не более пяти лье. Так что весь разговор, был посвящен предстоящему выходу в море.

*

В этот раз я решил День Рождения отменить поскромнее. Нет никаких объективных причин, для скромности нет. Просто в следующее лето, мне исполнится тридцать, дата круглая, тогда и можно будет оторваться.

Кстати на фоне Дня Рождения вспомнилось “Поле Чудес” с его музеем. Правда у царей и королей сейчас всё в хранилища складывается. Музеи ещё не придумали. Хотя для кого, это всё выставлять. Простолюдины сами не пойдут. А вельможам, может это и интересно будет.

И тут мне стукнуло, даже удивительно, как я мог забыть знаменитая Петровская кунсткамера была открыта, через восемь лет от сегодняшнего дня.

Конечно Кунсткамера не совсем то что я хочу. Хотя если хорошо подумать, пока ещё не решил, что точно хочу.

В музее “Поля Чудес”, были забавные подарки. В Кунсткамере необычные и редкие. Дареные же мне вещи надо будет, очень строго охранять.

А может зарисовывать? Но чтоб не искать художников, надо свою Школу Искусств открывать. Не только художники, но и музыканты, композиторы. А то вон в Европах, творят, что хотят. А здесь, что захочешь сотворить, надо в тех же Европах искать.

Вообще-то я уже понастроил учебных заведений.

Во первых Славяно-греко-латинская школа. Морское училище в Воронеже. Недалеко от Измайлова, пехотное, кавалерийское и пушечное училища. Военные делились на два филиала. Один просто учат военному делу, чтоб уж совсем необстрелянные в битвы не шли. Второй готовил командиров. При этом несмотря на боярские звания учащихся выходили из училища не только не поручиками, даже не прапорщиками. Обычными унтер-офицерами. Юмор в том, что в войсках были унтер-офицеры из простого сословия. Да одни получали звания через училища, другие, через участие в битвах.

Не знаю как это будет в будущем, но сейчас и те, и другие унтера были равны.

Разница была лишь в одном. Ставшие унтер-офицерами из солдат, воспринимали свою должность, как наставник молодых солдат. А унтер-офицеры из дворян, считали своё звание, как первый шаг к генеральскому.

Впрочем из простых унтеров многие поднимались до прапорщиков и даже поручиков. А вот выше стопорилось.

И если продолжить разговор об училищах. То были ещё филиалы мастеровых училищ.

Здесь очень важно, понять что ученые кузнецы или плотники мне даром не нужны. Это если можно так выразиться плотник-архитектор или кузнец литейщик. Короче учились мастера с намеком стать инженерами.

Здесь было очень трудно. Консерватизм зашкаливал. Это в дешёвых книжонках, попаданец одним ударом по клавиатуре отправлял вчерашних селян на промышленные предприятия, к тому же растущие как грибы. А я не знал как объяснить мастеровым, привыкшим, к тому, что профессии надо учиться годами. Объяснять простому кузнецу, что ученик будет по сути его начальником я даже не пытался. Промышленная революция, пока только робко заглядывала на Русь.

Приходилось привлекать иностранцев. Но как понять, что кузнец из Саксонии, лучше кузнеца из Тулы.

За делами не заметил, как подошел День Рождения моей Агафьюшки.

Но буквально за день до этого события, веселый конный поезд ворвался в Москву, промчался вихрем по улицам и остановился у Измайловского дворца.

Это моя сестра Мария приехала рожать на Родину, привезя своих подружек и сестер.

Мария первая покинула карету, а за ней выпорхнула юная, стройная брюнетка.

— Прошу знакомиться, Государь, это моя племянница Шарлотта.

— Однако, Мария, стоило тебе ненадолго покинуть родной очаг и ты уже племянницей обзавелась.

— Это дочь Луизы, старшей сестры моего Фердинанда.

— Кстати, как там мой зятек?

— Фердинанд воюет с османами.

— Ну проходи, отдыхай. Не забыла, завтра у Агафьи День Рождения.

— Потому и спешили, Государь.

Я махнул рукой, мол отдыхайте. Сам же повернувшись, позвал ближайшего стольника,

— Скачи в Таганрог, ищи капитан-поручика Михаила Романова, то есть брата моего Петра. Где хочешь ищи, но чтоб как можно скорее был в Измайлово.

Идея была простая, познакомить Петра с этой Шарлоттой, ничего, что немка. Своих детей буду на русских женить, замуж выдавать.

Наступил День Рождения. Пошёл он не по привычному сценарию. Нет все поздравляли Агафью. Но так же стремились переговорить с Марией.

Мыслимо дело, чтоб сестра Государя замуж за границу вышла. Да потом вернулась, будто женщина может себе быть хозяйка. И вернулась не развелась, а просто ради того, чтоб на родине родить. И потом снова к суженому ехать.

Я было даже за Агафью переживать стал, вдруг ей это не понравится. Но она неожиданно, наклонившись к моему плечу, сказала,

— Пусть Маша, порадуетса, у меня ещё дни рождения будут.

Я слегка приобнял, жёнушку, хоть и царь но не дело на глазах у всех обниматься.

— Молодец! Настоящая Государыня.

Был момент, когда Агафья привлекла внимание всех. Я в нарушение собственного приказа попросил принести подарки от Марии.

Ну конечно же это были наряды. Великолепные европейские платья. Тут же согнали кучу служанок, Мария сама кинулась помогать.

Нарядов было много, поэтому я на третьем платье прервал это дефиле.

Тут Мария что-то, сказала своей спутнице. Та отчаянно замотала головой. Тогда Мария

подошла ко мне,

— Государь, моя племянница, Шарлотта-Доротея-София, очень хотела бы подарить вашей супруге брошь.

На первый взгляд, что такое брошь. Так милый аксессуар. Но эта брошь была очень дорогая и настолько же красивая.

Вот только как оказалось, Шарлотта совсем не знает русского языка. Краснея и смущаясь, она пролепетала, что вроде,

— *liebe Königin, ich freue mich sehr, dir diese Brosche zu schenken.* (Государыня, я очень рада подарить Вам эту брошь)

Но при русском дворе многие знают немецкий язык, так что никакого казуса не произошло.

Мне же было интересно смотреть на юную, восемнадцатилетнюю Шарлотту, которая возможно станет правительницей одного из множества германских государств. И на свою двадцати семилетнюю супругу, в полной мере познавшую власть в Царстве Русском.

Вечерело. Праздник приближался к своему завершению. Так что мы с Агафьей потихоньку исчезли. Тут должен признаться, возбужденный обилием женщин. Но всё-таки наверно красотой своей супруги я не сдержался. Так что наверняка в апреле будущего лета, нас ждет пополнение.

На русско-турецком фронте было затишье. Ну как затишье, турки очень хотели пробить нашу защитную полосу. Но, кстати мой личный указ, укрепляться и никакие провокации осман не обращать внимания. Офицер, который поведет войска в наступление, получит не орден, а наказание. Если после такого наступления, османы порвут линию обороны. Офицер будет разжалован в солдаты, а родня лишится части поместий. Казалось бы достаточно строго, но дуракам закон не писан.

В этот день была обычная атака осман. Как обычно её отбили. Что взбрело в голову этому поручику, но он поднял свою роту в контратаку. За ним поднялись другие роты. Надо отдать должное командирам, они пытались остановить.

Таким образом на маленькую кучку осман поднялся целый полк. Через какое-то время крики ура сменились на крики алла, Османы так долго выстраивали эту ловушку. И она сработала.

Моментально были разбиты батареи первой линии.

И несмотря на то что, вторая линия, не была готова. Всё-таки сопротивление усилилось. Уже это задержало осман. А дальше элементарное везение.

Сам командующий фронтом генерал майор Шеин Алексей Семенович, в соответствии с указом Государя, вел дивизию для обновления личного состава.

Но османы, так долго, ждали возможности перейти в атаку и чего-то добиться, что перли несмотря на пули и штыки.

Местами и вторая линия начала прогибаться. В один из таких прогибов устремились османы. Неожиданно командующий оказался один. Он выстрелил из пистолета, отбил удар сабли. Но остановить пулю не смог. То что его не искололи штыками разъярённые османы, просто развернулись и ударили наши стрельцы. Да-да здесь ещё были стрельцы.

Но уже скакали курьеры, уже подтягивалась подмога.

Удары драгун и гусар остановили и отбросили осман. Бой продолжался до самого вечера. В конце концов наши войска вернулись в свои окопы. Вот только возвращение это не было радостным, кругом трупы погибших товарищей.

Командование фронтом временно взял драгунский генерал майор Долгоруков Борис Федорович.

На счастье для Шеина его нашли достаточно быстро. Перевязали, извлекли пули. Алексей Семенович и сам не помнил, но у него было два огнестрельных ранения, удары от сабель, штыков. Однако был жив. И ближайшим кораблем отправлен в Воронеж, а оттуда в Москву.

Узнав о том, как чуть не пропустили турок в тыл, я рвал и метал. Наказывать было некого, судя по всему все виновные погибли. Тогда я вызвал почти весь Приказ Тайных Дел и велел поезжать в войска, учинить сыск. Но никого не наказывать. Сам решу по результатам сыска.

Приказал всех выживших офицеров с этого участка фронта доставить в Москву, отнюдь не для наград. А всех рядовых, тех кто остался без командиров и знамен, собрать вывезти в тыл. На основе этого отряда создать полк.

Шеин за время поездки, немного оклемался. Пытался при моём появлении встать, но я разрешил сидеть.

— Вот Алексей Семенович, указ ты мой не выполнил. Так что награждать тебя не за что. Но как говорят бился храбро и умело. Поэтому даю тебе еще один шанс. Поздравляю званием генерал-поручика.

— Благодарю, Государь и прости.

— Ну твоей непосредственно вины нет. Хотя строже надо спрашивать с подчинённых, чуть сам жизни не лишился. А теперь раздевайся.

Я осмотрел раны. Однако зрелище страшное. Но не надо медицинского образования, чтобы понять, что всё сделано хорошо.

— Одевайся Алексей Семенович и отдыхай.

На выходе стоял врач, который вылечил Шеина.

Из разговора я узнал о своём упущении. Все лекари при войске считались гражданскими.

Не сходя с места продиктовал писарю, что отныне Рязанцева Ивана Борисовича считать капитан-поручиком. А значит в соответствии с указом и дворянином. Также наградить орденом “Служение Отечеству”.

Отдал указание в Ратный Приказ. Всех лекарей в армии произвести в унтер-офицеры. Дальнейшее продвижение по службе соответственно заслугам.

Ну и тут же возникла мысль, учредить медицинскую академию. Давно пора.

Пока пусть собираются медики и делятся собственным опытом. А там и новые подойдут.

Все эти срочные дела прервались родами Марии. Родился мальчуган, которого назвали в честь деда, отца мужа, Якобом. Сразу же был послан курьер в Митаву.

Но счастливый отец приехал, только в середине зимы. Как оказалось, он был ранен.

Тут я серьезно задумался. Что-то меняя, я меняю всё. В прошлой истории Шеин начал свою карьеру позже и стурками так не воевали. Это сделал спустя почти сто лет граф Суворов. В той жизни и Шеин ранен не был.

Что касается Фердинанда и Марии. Мария никогда не была замужем и у неё не было детей. Фердинанд, отчаянно воевал, но никогда не был ранен, женился поздно, и детей у него не было.

Получается, давая кому то жизнь. Ведь самым фактом, что Федор Алексеевич не умер и

не было стрелецкого бунта, многие люди остались живы. Теперь могут погибнуть другие.

Грустно, но ничего не поделаешь. Сам факт, что продолжает править Федор, а не Петр, уже многое меняет в мировой истории.

Кстати о Петре. Стольник, которого я послал искать Петра, выполнил моё поручение. Пусть поздно зимой, но Петр приехал зимой. На свой вопрос, почему я его вызвал получил ответ, быть как можно ближе к своей сестре, ей так трудно после родов. Петр удивился, у неё же муж, который о ней заботится. Ну будь поближе, к её окружению.

Кстати за время отсутствия, Петр возмужал, вытянулся.

Молодого стольника, который доставил Петра, я пока оставил при нем. Стольника звали Троекуров Иван Иванович и было ему двадцать лет.

Глава 16 Лето 7199 (год 1691)

Новое лето или новый год, выбирайте дату, которая вам больше нравится. Продолжился событиями из прошлого.

Сначала в Москву приехал Тяпкин Василий Иванович. Посол ехал из Забайкалья, от самого Нерчинска. И ехал, почти нигде не задерживаясь, года полтора.

О результатах его поездки я примерно догадывался, но Василий Иванович привез подробности. А подробности были радостные. Граница осталась на прежнем месте. Албазин сохранен. Были отдельные дополнения, но основная задача выполнена.

Теперь главное, чтоб Некрасовские казаки доехали побыстрее.

По случаю выполнения важного задания собрался Торжественный вечер, на котором наградил посла Тяпкина Василия Михайловича орденом “Служение Отечеству третьей степени”. Остальных его спутников медалями “За заслуги”.

Как всегда медали пришлось придумывать на ходу.

Второй событие это письмо из Франции от нашего посла Шереметева Бориса Петровича.

Первые сообщения ожидаемые. Состоялась морская битва между французской эскадрой и эскадрами Англии и Голландии. Франция победила. Наши корабли приняли участие в победе Франции. Адмирал Мурманцев был снова на приеме у короля. Там был награжден орденом Святого Михаила. Занесен в список французских дворян. После празднования отправился в портовый город Брест.

Дальше о своих приключениях рассказывает сам контр-адмирал Мурманцев Андрей Иванович.

*

Несмотря на то что Андрей принимал участие в совещании адмиралов, в день битвы он оказался в давно забытой должности обычного капитана боевого корабля.

Адмирал де Турвиль, разделил эскадру на три части: белую, которой командовал сам и куда входили русские корабли, синей эскадрой командовал адмирал Шато-рено, а белосиней тыловой командовал Виктор-Мари д, Эстре.

Андрей пытался наблюдать, за боем, даже несколько раз поднимался на мачты. Но ощущение общей свалки, когда то тут, то там корабли перемешивались, не покидало его.

Впрочем к вечеру выяснилось, что французы победили, местам тонули и горели голландские и английские корабли.

К сожалению де Турвиль не стал преследовать английский флот, а полз со скоростью самого медленного корабля.

Тогда Андрей бросился в каюту, где лежал запечатанный пакет от Государя. Старший помощник вбежал следом.

На пакете было написано, вскрыть после битвы при Бичи-Хеде. Открыв пакет, Андрей ничему не удивляясь прочитал,

— Ну вот вы и победили. Поздравляю вице-адмиралом, впрочем официально, звание будет присвоено по возвращении в Архангельск. Ну или в Москву.

Постарайтесь повлиять на де Турвиля, чтобы он добил англичан, войдя в Темзу.

Если откажется не настаивайте. По результатам битвы англичане накажут своих адмиралов, французы, как это не грустно де Турвиля.

Пока де Турвиль командует, слушайте его. Когда его снимут, надеюсь, вы свободны, отправляйтесь во Французскую Америку.

Впрочем действуйте по ситуации.

Андрей дал пакет Петру Михайловичу. Тот прочитав, вскричал,

— Но как?!

— Государь. Что ты хочешь!

Как ни странно, этот ответ удовлетворил Бестужева.

До поздней осени французская эскадра носилась по Ла-Маншу. Бомбила английское побережье. Город Торбей даже захватили. Точнее, высадившись пожгли и разграбили. К чести русских моряков они в этом деянии участвовали только косвенно. Корабли стояли в море, охраняя подходы.

Наконец отправились в Кале, где высадившись де Турвиль и Андрей в карете поехали в Париж. А русская эскадра не спеша продвигалась к Бресту.

На этот раз минуя замок Сен-Жермен, проехали прямо в Версаль.

Их проводили в комнаты. Пока Андрей стоял на пороге не проходя внутрь комнаты, раздался стук.

— Барон Арманьяк. Буду вашим помощником.

— Я бы хотел помыться с дороги, господин Арманьяк.

Принесли ванну, правда небольшую, в которой можно только сидеть, но Андрей и такой был рад.

После мытья Андрей надел тонкое батистовое белье. Башмаки, колготки, штаны до колен и камзол, который почему то назывался жюстокор.

После вызвали слуг принести ужин. А потом пошли прогуляться.

Несмотря на огромный размер парков, везде встречались гуляющие. С некоторыми Арманьяк раскланивался, с другими останавливался перекинуться парой слов.

И всех, отойдя подальше представлял Андрею. Андрея же заинтересовал сам его собеседник. Вроде бы помощник. Чуть ли не слуга гостя. И в то же время знакомый со многими, держащий себя с ними на короткой ноге.

Так два дня гуляли. Заодно выяснилось, что Андрей не умеет пользоваться шпагой и танцевать. А до бала оставалось два дня.

Но у каждого есть свои скрытые умения. Андрей держа в левой руке короткий меч, а в правой шпагу, не давал подойти к себе и даже пытался атаковать.

Что касается танцев. Посмотрев со стороны на некоторые па, смог их повторить.

Утро бала началось обычно. Зашел барон, позавтракали, погуляли, немного пофехтовали. Но расстались быстро, всё-таки бал.

Андрей ходил по комнате, когда открылась дверь и вошедший слуга объявил,

— Граф де Арманьяк, Луи де Лоррен.

Сначала Андрей услышал имя Луи, подумал что это король. Но видя улыбающегося своего постоянного спутника. Невозмутимо спросил,

— А где же барон?

— Простите, адмирал. Его Величество, просил помочь вам освоиться, вот я и подумал, что помощник барон, вас удивит меньше.

— Знаете, граф, когда я внезапно стал капитаном корабля. Я понял, что в жизни, лучше ничему не удивляться.

— Отлично. Значит вас и другие сегодняшние события не удивят. На всякий случай

предупреждаю. Я граф и когда объявят граф, то это меня. А вот следом за мной объявят вас. Не удивляйтесь и не теряйтесь. Просто входя слегка кивните.

А теперь давайте посмотрим ваш парадный адмиральский мундир.

— Ну что ж неплохо. Немного строго, но ордена украсят эту простоту. Пойдемте, мой друг.

Они шли коридорами, людей почти не было, только вдалеке мелькали слуги. Наконец коридор повернул и перед ними возникли большие ворота.

Граф не задерживаясь шагнул вперед, ворота распахнулись. Здесь Андрей едва сдержался, чтобы не начать вертеть головой. Никого не было видно, но голос шел откуда то сверху.

— Граф Арманьяк, Луи де Лоррен.

И тут же.

— Маркиз Андрэ де Курсийон де Данжо

Здесь конечно, было трудно сдержаться. Тем более все взгляды аристократов находящихся в зале просто пожирали их.

После того. Как они спустились с лестницы, граф нагнулся и спросил,

— Ну что, маркиз, с кем хотите поговорить? Вот адмирал граф де Турвиль. А вон ваш земляк месть Шереметев.

Вокруг много достойных людей.

— Сначала я бы хотел получить ответы на мои вопросы. Но раз вы не сказали сразу, значит не ответите и теперь.

Совершенно верно. Но не переживайте, скоро вы получите ответы на все вопросы. Но пойдёмте подойдем к кому-нибудь. Иначе подойдут к нам.

Они поговорили с адмиралом. Точнее говорил граф. Андрею же говорить было не о чем, ибо с де Турвилем они расстались, всего три дня назад. С удивлением он прислушивался к разговору. Как много можно сказать, говоря ни о чём.

Потом граф д, Арманьяк проводил Андрея к Шереметеву и покинул его.

— Ну что, господин адмирал и когда вы стали маркизом?

— Перестаньте шутить, Борис Петрович. Ещё утром я ни о чем не догадывался. Впрочем и сейчас ничего не понимаю.

— Очевидно, Андрей Иванович, вам осталось дожидаться встречи с Его Величеством.

Бал начался с появлением Людовика. Но тот проведя танец с маркизой де Ментенон, своей фавориткой и даже мorganатической женой. Снова вышел.

Вскоре вернулся граф д, Арманьяк.

— Пойдёмте, господин маркиз, вас ждёт Их Величество.

В относительно небольшом кабинете, в кресле сидел король. Женщина, что была с ним на балу, Франсуаза д, Обинье маркиза де Ментенон смотрела в окно. Сзади короля облокотившись на небольшой столик стоял пожилой мужчина, впрочем ненамного старше графа д, Арманьяка, который остался стоять у двери.

— Проходите, господин адмирал. Познакомьтесь это ваш отец.

Людовик не вставая и не поворачиваясь, одной рукой показал на мужчину стоящего сзади.

— Маркиз Филипп де Курсийон, де Данжо. Мой друг и помощник.

Все награды, которые я вам даю это не за какие-то заслуги перед Францией. Просто вы мне симпатичны. Если бы вы были французом или захотели остаться здесь, вы наверняка

принесли много пользы. К тому же давая вам этот титул, я надеюсь, что ваш Государь это оценит. И как он сам сказал, в своём письме: “В одном мы враги, в другом можем быть союзниками”.

Всё время пока говорил король. Маркиза отвернувшись от окна внимательно смотрела за лицом русского адмирала. Но эти дни проведенные в Версале многому научили, когда-то простого плотника. Прежде всего никому, никогда не показывать эмоций.

Король отдал приказание графу д, Арманьяку вручить документы подтверждающие титул маркиза. А также наградить орденом Святого Михаила.

Потом Людовик попросился и вышел в заднюю дверь. Маркиза идя за королем, прошла близко от Андрея. заглянув ему в глаза. Потом подошел маркиз де Данжо. Обхватив Андрея за плечи,

— Я конечно сделал это ради Его Величества. Но просто не забывайте меня. Конечно же я вам не отец. Желаю удачи, молодой человек.

Новоиспеченный маркиз и французский граф остались одни.

— Ну что господин, маркиз. Сегодня вы не успеете собраться и выехать. Предлагаю вам заночевать в Версале. А утром отправитесь к своим кораблям.

Возле комнаты Андрея прогуливался русский посланник.

— Простите Андрей Иванович, не смог сдержать своего любопытства.

— Я вас понимаю, Борис Петрович.

— Отлично. Господин маркиз, вам есть с кем провести время, а я удаляюсь до утра.

За ужином Андрей всё рассказал Шереметеву, о чем тот и отписал Государю.

Как только зима повернула на тепло., Фердинанд и Мария со своим наследником уехали домой в Митаву. На этот раз сопровождающих не было. И то верно у них своя жизнь, у сестер холостых своя.

Теперь надо готовиться к дню рождения. Кто-то бы сказал, что готовиться, наливай и пей. Ну и так тоже. Вот только царь я или не царь.

Это я к тому что даже день рождения нужно повернуть на благо государства. Устроить, что-нибудь типа “ВДНХ”. Выставить товары, которые у нас в Русском Царстве добываются или производятся. И те которые нам нужны. Там глядишь купцы и промышленники, подскажут, что-нибудь полезное.

В первую очередь надо нашу “нефть” выставить. Лён. Коноплю, деготь, поташ, юфть. И все продукты, что из них изготавливаются.

Да знаю, что многим это и без выставки известно. Но одно другому не мешает.

День Рождения удался на славу. Невольно вспоминаются первые дни рождений. Когда надо было сидеть потеть и есть. И ни в коем случае женщин не пускать.

Конечно я сразу отошел от такой манеры празднования. Но всё-таки всё делалось медленно, постепенно приучая окружающих к новому.

И вот уже празднуем на улице. Женщины, мужчины все вперемешку. Посетителям на входе розданы программки, чтобы могли ориентироваться, где и что происходит.

Я претворил в жизнь идею “ВДНХ”, пока ограниченно. Но ведь главное начать, а там пойдет.

И конечно же моя гордость ипподром. Для того. Чтобы хвастаться своими лошадьми. В этот раз заявил, русского рысака, гусарскую боевую и владимирского тяжеловоза.

Если не лукавить, то владимирские тяжеловозы в память о прошлом-будущем. К тому

же держать рядом рысаков и тяжеловозов плохая идея. Поэтому решил этим летом перевести тяжёлой поближе к Владимиру, чтобы соответствовали названию.

И да, впервые народу было не протолкнуться. Пригласил всех, кого только можно. Для господ иностранных послов, снова выставил глобус. Опять ходили, зарисовывали. Но я тоже не лыком шит. Кое-где слукавил. Русский север был белым пятном, также на востоке, Сахалин Камчатка. Заодно непонятно где заканчивается Русское Царство и начинается Америка. Между этими материками нарисовал широкое море.

Был популярен военный смотр. Оружие, форма, марширующая пехота и всадники. Это также интересовало зарубежных послов.

Ну и были обычные праздничные вещи. Выступление актеров. Продажа пирожков. Столов с едой теперь не было вся пища на разнос. Раз в году можно и неправильно попитаться.

В этом году впервые подавался шашлык. Раньше я не вспомнил, потому что всегда сидели за столами. И к тому же Крым теперь был наш. И оттуда пошли рассказы о шашлыке.

Кстати раньше на Руси подавали верченое мясо. На вертел насаживали целиком тушу зайца, кабана, оленя, быка. Воистину царская еда, потому что бедные не могли себе позволить не то что быка, но даже зайца таким способом приготовить.

А шашлык я готовил только раз в поместье у адмирала Андрея Мурманцева. Теперь новому блюду предстояло набрать популярность.

Но праздники заканчиваются. В конце концов "Всему своё время и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное, время убивать и время врачевать, время разрушать и время строить, время плакать и время смеяться, время сетовать и время плясать, время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий, время искать и время терять, время сберегать и время бросать, время раздирать и время сшивать, время молчать и время говорить, время любить и время ненавидеть, время миру и время войне".

Я сидел смотрел на стопку почты. Нет конечно же всё просматривал, но стопка всё равно росла, а ведь это у меня, главы государства. Только почты как таковой нет. Все эти курьеры постоянно скачущие по дорогам, кстати уже несколько столетий. Это не почта. Просто одно важное лицо, написало другому важному лицу и отправило с курьером. Из почты, можно считать газету "Куранты". Но её создают на основе докладов с Запада.

Кстати вот пожалуй немного похоже на почту. Голландцы, сначала Ван Сведен, потом Марселис организовали доставку почты из Европы. Сначала доставляют в Ригу, которая всё ещё не наша. А потом уже из Риги в Москву. Но это международная корреспонденция.

А внутри России, да для простых людей. Под простыми людьми в данном случае имею ввиду, что не всякая графиня, может мужу на фронт отписать.

Сейчас надо налаживать связь между Вологдой и Воронежем, через Москву, благо дороги хорошие. А на следующее лето прокладывать до Архангельска на север. И на юг до Азова.

В конце концов я и здесь не бог весть какой прогрессор-попаданец. Почтовое дело на Руси развивалось с десятого века. Только это, как я уже говорил, скорее гонцы. Так сказать государева доставка. Потом батюшка мой Алексей Михайлович с голландцем Яном Ван Сведеном договор заключил договор о почтовой доставке документов из Гишпанской, Дацкой и прочих земель. Вот это и можно считать началом почтовой деятельности. Дальше царь Петька получив реформаторский зуд издавал кучу всяких указов. Но это уже

неинтересно. Дальше названия почтовых ведомств только менялись. Менялись способы доставки. Конный, железнодорожный, авиа.

Так что я просто встроился в этот бесконечный процесс и начал его улучшать.

Лето выдалось относительно спокойное. Осман давили австрийцы. Поэтому турки вели себя спокойно на наших границах. Хотя надо было заканчивать эту бесконечную войну.

Ранней осенью эскадра контр-адмирала Андрея Ивановича Мурманцева заходила в Белое море.

Видя родные берега, он вспоминал недавние события.

Приехав в Брест, начал проверять все корабли, готовя к океанскому переходу. Сам лазил на мачты, заглядывал в трюмы.

Корабли были готовы к выходу. Поэтому очень удивился остановившейся карете из которой вышел граф д, Арманьяк. Он оглядел корабли, заметив Андрея, приветливо помахал тростью.

Адмирал не накинув камзола, в одной рубашке, сбежал на мостовую.

— Приветствую вас, маркиз. И не надо хмуриться. Вы можете даже не слушать меня. Просто отдать приказ своим кораблям и скрыться в морской дали.

С этими словами граф снова, взмахнул тростью, как бы показывая куда уйдут корабли.

— Честное слово. Маркиз. Не моя вина, что военный министр Франции, маркиз Ле Телье, узнал о том, что вы идете во французские владения в Америке. И он просил, отвезти туда кое-что.

В это время вокруг собрались капитаны кораблей русской эскадры. Не все знали, французский, но слушали внимательно. Для всех явилось откровением, что их адмирал, маркиз Франции.

— Почему же сам министр не попросил, меня об услуге?

— Видите ли, Его Величество решил, что вы можете не сойтись характерами. Поэтому попросил меня, как вашего друга, исполнить просьбу военного министра.

— И что это, кое-что?

Граф молча протянул бумагу. Андрей читал и лицо его вытягивалось. Капитаны глядя на своего адмирала, зашумели.

— Где это всё, что описано в бумаге?

— Кое-что ещё в пути. Поэтому придётся подождать. В конце концов зимний путь через океан, опасен внезапными штормами. Так что пока грузитесь, шторма стихнут.

Увы ждать погрузки пришлось полтора месяца. Решение было принято на ходу и конечно же люди и грузы не были готовы к отправке.

Везти предстояло фузилерную роту, ещё просто переселенцев с семьями. Предметы, которые не производились в Америке, но были нужны.

Плавание оказалось тяжелым. Первый шторм налетел вскоре после выхода из гавани Бреста. Впрочем штормы были и раньше, а этот шторм не был каким-то особенным.

К тому же адмирал Мурманцев перед выходом строго предупредил всех капитанов, следить за его приказами.

— В конце концов ценой невнимательности, может оказаться, не наказание, а ваша жизнь.

Все знали, что адмирал чувствует ветер. Поэтому плавание прошло без особых приключений. Да были внезапные шторма, но мачте адмиральского корабля всегда заранее поднимался сигнал.

И всё-таки по приходу в гавань Квебека, нескольким кораблям пришлось делать серьезный ремонт.

Командовал всем в Квебеке граф Фронтенак, губернатор Новой Франции.

Больше всего губернатор обрадовался роте фузилеров. Оказывается полгода назад войска Англии напали на Квебек. Не малую роль в борьбе сыграла личная храбрость губернатора.

Но личная храбрость, патроны и порох, не всегда играют важную роль. Как и на русском Дальнем Востоке, в Новой Франции. Ещё пока не могли обеспечивать себя провиантом.

Но закончив ремонт кораблей, загрузив продукты на дорогу, русская эскадра отправилась домой.

Постучав в каюту адмирала и не услышав ответа. Старший помощник, капитан третьего ранга Петр Михайлович Бестужев, зашел в каюту. Адмирал сидел за столом. Обложившись бумагами и картами.

— Андрей Иванович?

— Проходи, Петр Михайлович. Вот думаю каким путем идти домой.

Можно напрямую.

Адмирал прочертил линию от Америки до Скандинавии.

— А можно до Гренландии, этот остров несмотря на название ледяной, потом повернуть на Исландию, а этот наоборот зеленый. Крюк получается небольшой. Не интересно же посмотреть на новые места.

— Что тут скажешь. Ты командир эскадры. Тебе и везти корабли.

— Ну и ладно, быть по сему. Идем мимо островов.

Поскольку в северных широтах было лето. То Гренландия была немного зеленой. А в основном серой. Ну и вдалеке видны ледяные вершины гор.

Андрей Иванович символично зарисовал береговую линию и корабли повернули на Исландию.

Береговая линия Исландии оказалась сильно изрезанной фьордами. И здесь просто не стали задерживаться.

Дальше путь лежал на Русский Север. Но становилось теплее. Более того иногда ветер стихал, а корабли всё равно проходили приличное рассточие.

И вот наконец родной Архангельск. На следующий день по прибытии, все экипажи кораблей были награждены медалями “Морская доблесть”.

Ну а все капитаны приглашены в Измайлово.

Глава 17. Лето 7200 (год 1692)

Капитаны прибыли. А за ними из Архангельска гналась зима. Сильных морозов не было, но на землю упал снег.

У многих капитанов, в Москве жили родственники, и я дал сутки повидаться с родными. А потом торжественное награждение.

Неожиданно для себя, я решил награждение проводить не в Измайлово, а в Кремле. В первую очередь приглашались родственники. Потом дьяки из Ратного приказа. Для меня сейчас слово дьяк это синоним слова чиновник из будущего.

Попросил свою Агафью организовать прибытие женской половины, так как некоторые капитаны были холостые.

Награждение прошло в Грановитой палате.

Сначала прошло оглашение приключений капитанов, то за что они награждаются и где побывали. Потом собственно награждение. Там же состоялся небольшой бал. После которого, я огласил, что все капитаны отпускаются до весны. С обязательством раз в неделю являться в Ратный Приказ.

Андрей Иванович Мурманцев, был произведен в адмирал-поручики. И не дожидаясь окончания празднования, отправился к себе в поместье.

Помощника Андрея, Петра Михайловича Бестужева я уволил с морской службы. Дав ему месяц отпуска, отправил в путешествие по Европе. С одной стороны он должен был доставить почту послам в Курляндии, Польше, Саксонии, Дании, Голландии, Франции, Испании, Венеции, Австрии. Но он не был простым курьером. Бестужев был моим представителем, так что у него были поручения от других Приказов, например Тайного. К тому же он должен был наблюдательным.

В качестве примера я привел наблюдение адмирала о батисте. Батист это тончайшая ткань из льна. Льна на Руси растет очень много, а вот изготавливать батист, пока не умеем. А идея хорошая, батист, ткань дорогая.

*

Дорога для Андрея казалась бесконечной, но он понимал, что и люди его сопровождающие и кони, которым ничего не объяснишь, нуждаются в отдыхе.

Наконец, когда оставались последние версты, уже ехали без отдыха.

В поместье была тишина. И не мудрено, начало зимы, полночь. Пришлось стучать в ворота. Залаяли собаки, забегали сторожа. В окнах зажгся свет.

Наконец Андрей смог обнять жену.

Проснулись оба одновременно, примерно в полдень. Тишина в доме стояла мертвая. Андрей как был выскочил из-под одеяла, подбежал к окну. Нет всё нормально. Вон слуги крадучись, на цыпочках пробираются к амбару. За воротами видны драгуны из сопровождения, ездили куда-то. А вон ординарец, боцман Тихон, местную красотку, куда-то повел. Кажется пора вставать.

Так первое время Андрей и Лаура, то появлялись на люди, то закрывались в комнате, то гуляли в парке.

Но вот и сюда пришла зима. Панкрат изредка приставал с вопросами. А куда деваться, раньше всё сам решал, но теперь в присутствии хозяина, как-то нехорошо давать указания.

Но прошла первая волна, скучания друг по другу. К тому же всё время отвлекали

сиюминутные дела. То приедет курьер из Ратного Приказа. И хочешь не хочешь, но надо писать ответ. Раза два приезжали соседи из тех, кто никак не мог поверить, что у них в соседях настоящий французский маркиз.

Здесь Андрей развлекался на всю катушку. Одевал французские одежды, орден, говорил только по французски.

Но это были отдельные случаи развлечений. Зима, сугробы, морозец. Надо было самому искать развлечения. Но куда, пойдешь. Приходилось скучать и ждать весны. Тем более, Андрей привык, что его жизнь постоянно меняется. Сейчас же, чувствовал себя будто в заключении.

В конце зимы в поместье заехал Государь, с охраной. Но самое главное с наследником.

*

Вспоминал, как Катька вторая ездила в Крым. По логике до того времени ещё сто лет, но надеюсь немцы Русским Царством править не будут. Катька тогда ехала несколько месяцев.

Тогда подумалось, тоже съездить в Крым. А потом, что я в том Крыму не видел. Потом съезжу. А сейчас бы на русско-турецкий фронт и ехать туда лучше, через Киев. Но захотелось побывать у своего адмирала. А это пусть небольшой но крюк. В последний момент решил взять Илью. А что, парню уже одиннадцать лет. По местным меркам начинает входить во взрослую жизнь. Значит пора знакомить с этой жизнью.

Одна проблема, Илья не любил так коней, как его отец. Увы но карета едет медленнее. Хотя и верхами, всю дорогу галопом не поскачешь.

Итак сотня царских драгун, стольники, рынды. Это всё охрана, кроме того слуги. К тому же за Илью я переживал. По сути из дома в дальний путь он впервые выехал.

Собрал я в доме у адмирала, местное дворянское собрание. Всех местных помещиков и случайно проезжающих офицеров. Неплохо получилось. Опять же об Илье думал. Пусть посмотрит не на столичных дворян, а на тех кто подальше живет. Да в той обстановке, для них привычной. Видно, было, что наследник удивлен, но с вопросами не спешит, сам пытается понять. Это хорошо, когда человек учится думать. Конечно с готовыми ответами легче. Но тот кто сам додумался, может и многое иное придумать. Здесь у нас с адмиралом разговор состоялся.

— А что это у тебя, Андрей Иванович ординарец в унтер-офицерском чине ходит? Ты вот-вот полным адмиралом станешь. Тебе пора обер-офицера, а то штаб-офицера в ординарцах держать.

— Да, как то непривычно, Государь, чтоб полковник мне сапоги чистил.

— Ничего привыкай. Для начала заберу я твоего ординарца. Не сейчас. На обратном пути. Если сам не заеду, курьера пришлю.

Придумал я, Андрей Иванович, курсы, для тех кто из солдат на офицерские должности попал. Вспомни себя. Тяжело было из плотников капитаном корабля стать.

— Верить нет, Государь, но не тяжело. Главное было говорить, то что сам знаю. Паруса поднять, палубу отдраить, пушки выкатить. А когда сам знаешь, и люди слушаются.

— Это хорошо, что ты у меня такой талантливый. Пожалуй, когда курсы откроются, тебя приглашу, опыт передать.

Тут адмирал, посерьезнел, видать давно хотел сказать, теперь решился.

— Государь, есть у меня соображение, как осман заставить на мировую пойти.

— Ну говори.

— Взять все корабли, что на севере. Да в Голландии заказать. И отправиться к османским берегам. Погромить их флот и города.

— Хорошо придумал. Не боишься, что у них против тебя, большой флот будет?

— Чему быть тому не миновать. А только, Государь, удача на стороне храбрых.

— Ишь ты как вывернул. Хорошо подумаю. Если соглашусь, пока корабли готовятся будет это все на следующее лето.

— И ещё, Государь, просьба.

— Ну!

— У меня на корабле, кроме русских матросов, голандцы, италианцы, французы. На других кораблях также, есть и двое англичан и курляндцы.

— Хорошо, попробую на твою эскадру побольше русских матросов. Но пока придётся с других брать.

После отъезда из поместья адмирала, часть моего сопровождения отправилась, приазовскими и причерноморскими степями до Хаджибея. Я же с небольшой свитой, сел на корабль.

Илья был в восторге от моря. Но я то переживал, а если, турки не дай бог. Нас конечно сопровождала эскадра, но всё же.

И, да с нами был Петр. Той симпатичной курляндкой он не заинтересовался. Может его царской волей женить?

Плавание было спокойным. Единственное я не удержался, чтоб не показать Илье город Ахтиар (в другой истории Севастополь). Увы обычный степной причерноморский городок, с кучей голых холмов. Впрочем нашлись и сады. Хотя пока особой радости не было. Не только плодов, но даже не цвели ещё. Однако наследнику сама стоянка на берегу понравилась.

Но вот наконец приехали в Хаджибей (Одесса), от которого проехали в расположение Первого Гвардейского пока. Названия пока такого не было, указ я не издал. Но посмотреть на героев битвы хотелось.

Дело в том, что полтора года назад, на русско-турецком фронте состоялась “глупая” битва, когда в нарушение приказа наши войска пошли в наступление. Много русских воинов погибло, едва отбились от наступающих турок. Вот тогда я и приказал всех выживших участников той битвы собрать в единый полк.

Во первых оказалось мало выживших, полк скорей был равен батальону. Ну тут можно поправить, добавить ещё ветеранов.

Во вторых, что уж совсем неожиданно, ни одного выжившего дворянина. Всё командование, унтер-офицеры, прапорщики, поручики из простого сословия. Даже нынешний временный командир капитан-поручик Константинов Алексей Алексеевич.

— Как же так. Борис Федорович,

Обратился я к нынешнему командиру фронта, заменившему Шеина. Когда то бывшему командиру царских рейтар.

-, Такие молодцы у тебя и без присмотра?

— Дело в том, Государь, что когда начали собирать этот полк, все его дела передали в Ратный Приказ.

Я обернулся к сопровождающей свите,

— Ну и кто ответит на вопрос.

Выдвинулся один из дьяков ратного Приказа.

— Государь велено было собрать, из участников боя. Более указаний не было.

— Ишь ты как, вроде бы я один кругом виноват. Как зовут?

— Хованский Андрей Иванович, дьяк Ратного Приказа.

— Вот что Хованский, даю тебе звание капитан-поручик, пойдешь заместителем к майору Константинову Алексею Алексеевичу.

— Государь, Константинов капитан-поручик.

— Эх, Борис Федорович, ты его наверно, командиром поставил два дня назад и был он у тебя поручиком.

— Верно, Государь!

— Ну вот. Теперь я тут и мне решать. Так вот Хованский, будешь помощником по снабжению у майора Константинова. И не смотри, что он дворянин без году неделя. Все его просьбы, считай мои приказы. Буду доволен, награжу. Разочаруешь, гребцов на галерах не хватает.

Что интересно. Командир полка, теперь уже майор Константинов стоял здесь и всё слышал, но виду не подал, что разговор имеет к нему отношение.

— Так, командир полка и ты Илья, пойдём знакомиться с полком.

Мы молча шли вдоль строя, я вглядывался в лица бойцов.

— А что это, командир у тебя ряды какие неровные?

— Так тут же, Государь и пушкари, и гренадеры, и гусары и простые воины.

— Это хорошо, что ты так построил, будут у тебя в полку и гренадеры и пушкари, все будут. Спрашивай со своего заместителя. У тебя должен быть самый лучший полк во всём войске Русском.

Мы уже собирались возвращаться.

— Государь!

Сын не стал при всех называть, меня отцом. Я посмотрел, куда показывал Илья. Многие из воинов имели награды, но этот просто сверкал.

Семь медалей я насчитал на мундире этого унтер-офицера.

— Кто такой?

— Алексей сын Михайлов.

— Вот что Алексей, вечером ужин, я тебя приглашаю.

Ужин теперь был не такой, как раньше было принято. Столы ломились от явств. Часами ели-пили.

Сейчас просто посидели. Хотя и новоявленный командир полка и унтер-офицер чувствовали себя не в своей тарелке. Глядя на них я подумал, вот хотел школу подготовки офицеров, не из дворян из простых. Здесь на базе этого полка, самое лучшее дело. Потом может быть где-нибудь на постоянной основе. А пока здесь и сейчас, куча новоявленных офицеров имеющих боевой опыт и не имеющие опыта штабной работы. Опыта общения с дворянами.

Тут же из-за стола послал курьера за адмиралом и его ординарцем.

И начались суровые учебные будни. И сразу куча сложностей. Во первых это ветераны. Они сами кого, хочешь научат. И если унтер-офицеры могли командовать рядовыми. То новоявленные прапорщики и поручики, не могли понять изменения своего статуса. Здесь я очень надеялся на приезд Андрея Ивановича. Всё-таки человек из простых, сразу вошел в офицерскую среду. Здесь же это разделение, на поручиков не дворян и дворянских поручиков напрягало.

Пришлось собрать всех дворян и дать втык, что на фронте все равны. Дворяне, согласно

покивали, но обиделись.

Тут ещё надо пояснить, что в новом полку среди офицеров дворян не было, ну разве, что заместитель командира полка по снабжению Хованский. Не просто дворянин, но дворянин древнего рода. Однако он как раз своё я засунул поглубже. Зная, что верную службу я ценю больше.

Дворян же я попросил прислать в качестве учителей. И воистину спас приезд адмирала. Дворяне видели в нем французского маркиза. Офицеры из простых, сначала не могли поверить, что этот важный господин ещё недавно был простым плотником.

Простым офицерам Андрей Иванович объяснил, что если жизнь и Государь доверили командовать, то держаться за рядовых глупо. Надо жить среди равных. Стал поручиком, общайся с поручиками. И конечно надо учиться всегда и всему. Тогда станешь генералом.

Дворянам же новоявленный маркиз объяснил. Что им нечему гордиться.

— Мои дети будут дворяне. Но дворянами они родились благодаря мне. Вы гордитесь свои дворянством, но настоящий дворянин, тот кто первым стал дворянином в вашем ряду. Вы же каждый раз должны доказывать, что достойны быть дворянами. Меня признал дворянином наш Государь. Но меня признавали дворянином, венецианские Дожи и французский король. Или вы с кем-то из них не согласны?

В принципе на этом теоретические занятия закончились. Далее я ещё раз объяснил и командиру фронта Долгорукову Борису Федоровичу и командиру полка, что гвардейский полк, это самый лучший, самый боевой полк.

Конечно я занимался не только делами этого полка. К тому же сюда неслись гонцы из столицы. И всегда рядом со мной был Илья. Мой сын — мой наследник. Надеюсь эта поездка была для него познавательной.

Обратно мы ехали из Хаджибея в Азов. Я смог убедиться, как умеет командовать адмирал-поручик. Это было что-то мистическое. Он действительно за мгновение чувствовал перемену ветра. И именно поэтому мы прошли маршрут гораздо быстрее.

Здесь во время плавания, мы договорились об южном походе на осман. Решили не откладывать. Осенью эскадра выходит из Архангельска. И нигде особо не задерживаясь идет к проливам из Средиземного моря в Черное. В это время запорожские и донские казаки собирают флотилию лодок и делают набег на Османскую Порту. Тогда же днестровский фронт на западе и кубанский фронт на Кавказе тоже приходят в движение. Конечно согласовать, чтоб всё было в один день невозможно. Но видя как адмирал, подчиняет себе ветер. Я верил, что он приведет эскадру в назначенный срок.

В Азове мы расстались. Андрей Иванович поехал к себе домой, я в столицу. Как ни спешил, но на собственный день рождения опоздал. Впрочем отпраздновали без меня.

Я же сказав: “Лучше поздно, чем никогда”, собрал свою семью, и мы посидели тихо по-семейному.

Лето шло своим чередом, с обычными и внезапными заботами. Тут у Агафьи день рождения подоспел. Также сели по-семейному, ну разве что с близкими друзьями. Например была семья Стрешневых. То есть повитуха царского двора Евдокия Панкратьевна, выйдя замуж за моего стольника Дмитрия Стрешнева, теперь и сама была Стрешнева.

Никаких особых поздравлений не ждали. Поэтому очень удивились курьеру. Но прибыл он не с поздравлениями. А с просьбой прислать повитуху, ибо у Андрея Ивановича вот-вот родит жена.

Наверно больше всех удивился я. С адмиралом виделись несколько месяцев назад. Про

беременность супруги он ничего не сказал. А тут срочно повитуху подавай.

Евдокия сама ехать не могла. Но подготовила и сто раз проинструктировала, свою самую лучшую ученицу.

Ученица наверно была ошарашена и быстрыми сборами и большой ответственностью. Ехать пришлось в царской карете, в сопровождении Царских Драгун.

Забегая вперед скажу. Повитуха успела. Лаура родила вовремя и на радость счастливому отцу мальчика. Сына назвали Федором. О чём через месяц после родов сообщил радостный отец.

Да, Андрей Иванович, заехал в Москву, ещё раз обсудили детали предстоящей операции. А дальше адмирал спешил в Архангельск к своей эскадре.

Ну а я продолжал готовить эту военную операцию. Вскоре после отъезда адмирала, в Москве побывали запорожские, донские и кубанские атаманы. Конечно Кубань ещё не стала казачьим краем. Но казаки, там появлялись всё больше и больше.

В первую очередь для меня были важны запорожцы и донские. Пытался им объяснить, что в данном набеге, важнее выполнить цель. А цель была зорить османские города и поселки по берегу. В идеале дойти до Стамбула. А уж грабёж, нажива на втором месте. А лучше на этот раз обойтись без грабежа. Османы никуда не денутся, можно и в следующий раз пограбить.

От Долгорукова пришло сообщение, что гвардейский полк, пока до полка по прежнему не дотягивает. Но укомплектованы роты гренадеров, пушкарские батареи и есть эскадрон всадников. Прибыло пополнение, тоже ветераны.

Кстати одной пушкарской батареей командует капитан-поручик Михаил Романов. С флота я его снял, пусть все армейские этапы пройдет. Что касается имени, то кто надо знал, чей он брат. А кто не знал, тому и знать не обязательно.

На Кавказском фронте, всё спокойно. Так отдельные стычки. Тяжело воевать против местных. Они каждый куст, каждый пригорок знают. Шеин командует всего двумя дивизиями. Сами подумайте линия от Черного моря до Каспийского, тут наверно в шеренгу не одну дивизию можно построить. Но войска под командованием генерал-поручика Шеина, это только государевы войска. А есть стрельцы, казаки, калмыки на русской службе. Есть и местные живут дружно с пришельцами.

Единственное, я попытался вспомнить, те народы, которые знал раньше. Но увы все русские называли их татарами. А сами они называли себя, так что и не выговоришь. Кто такие ирон, галгаи, чегемлиле. Хотя слово адыги было мне знакомо.

Главное то что на русские земли пришел мир. Ведь ещё лет десять назад татары делали набеги на Воронеж, Белгород. А теперь там покой. Люди спокойно селятся на Новые Земли. Вон адмирал намекнул, что хочет в своём поместье построить “Версаль”. Я честно говоря не совсем понял, что он имел ввиду. Ясно что ему понравилось у Людовика, но сделать парки подобные настоящему Версалью!

Впрочем закончится эта операция, заключим мир с турками. Дам Андрею Ивановичу отпуск, пусть творит свой Версаль.

А пока, пушки, порох. Ружья. И деньги, деньги, деньги. Вот интересно война одновременно и прибыльное и затратное дело. Проиграл войну, значит все вложения зря. А с другой стороны, ну взяли мы Крым и другие земли, а отдача будет ещё не скоро. Это как вложение в банк, но проценты, можно снимать, через несколько лет.

Хотя не всё так просто. Крым уже здорово. Вот ещё бы выход к Балтике получить.

Глава 18 Лето 7201 (год 1693)

Флотилия получилась большой. Пришлось делить на три эскадры. Так и выходили из Белого моря, сначала одна эскадра, потом вторая. На третьей был сам адмирал.

Неожиданно выход затянулся. На берегу реки и озера покрылись льдом. Белое море пока держалось, но ближе к причалам лед уже появлялся.

Наконец вышла эскадра и Андрея Ивановича.

В принципе картами Андрей Иванович снабдил обоих капитанов и командира первой эскадры капитана первого ранга Трубецкого Ивана Юрьевича и командира второй эскадры капитана первого ранга Салтыкова Алексея Петровича. Но перед выходом договорились встретиться, если на море будет тихо, пройдя вход в Кольский залив.

Посиделки, если это можно так назвать состоялись. Окончательно утвердили расписание похода. Первая эскадра идет севернее, а позднее западнее доходя до Исландии. Вторая эскадра идет чуть южнее, но так же потом прижимается к Исландии. Адмиральская эскадра идет ближе к берегу, тем самым прикрывая первые две от разных неприятностей, типа недружественных флотов. Отношения с Англией до сих пор не прояснились.

Поход был трудным. Зима время штормов в северном полушарии. Некоторые корабли потеряв свои эскадры, прибились к соседним. Но стоянка у Исландии в Эйяфьорде, показала, что первый этап путешествия все корабли прошли более менее благополучно. Пользуясь закрытым местом задержались на неделю, приводя корабли в порядок.

К удивлению многих капитанов, знающих хотя бы примерно направление движения. Корабли шли на запад, казалось бы удаляясь, от места назначения. Истинное направление знали только на “Маркизе”, так назывался фрегат адмирала Мурманцева. Здесь Андрей Иванович не постеснялся в относительно спокойную погоду собрал весь экипаж на палубе, не только офицеров, но и простых матросов. Провел лекцию, рассказав, о морях — океанах, о ветрах и течениях.

Вот и сейчас все знали, что сильное течение, тянет их корабли на юг. Потом также повернув на восток, оседлав другое течение, окажутся в Гибралтарском проливе. Гораздо быстрее, чем если бы шли туда напрямую.

Так и шли спокойно по своему маршруту. Даже шторма многие, новички в этом плавании уже считали ничего особенного.

Да Государь сдержал своё слово, постаравшись направить на корабли побольше русских матросов. Но увы и кораблей стало больше. Таким образом, на палубе, часто можно было услышать, голландскую, французскую, немецкую, итальянскую речь.

Иногда адмирал затевал тренировки, устраивая перестроения. Поэтому не все обратили внимания на знак, “чужие”. На горизонте виднелись паруса, их было гораздо меньше и пока они раздумывали, корабли русской эскадры сорвались вдогон.

Очевидно командир той эскадры, понимая, что не уйдут, приказал опустить паруса, уповая на милость божью.

И такая милость ему была явлена. Это была французская эскадра и адмирал Мурманцев, не отказал себе в удовольствии поговорить с французами.

Пока лодка с французского корабля шла на “Маркиз”, адмирал переоделся во французскую одежду, надел орден Святого Михаила.

Французские капитаны были ошеломлены, услышав, что их встречает маркиз Андрэ де

Курсийон де Данже. В ответ представился и командир французской эскадры граф Жан д, Эстре. Назвались и другие капитан маркиз де Сабле, лейтенант маркиз де Вард. Остальные очевидно были охраной, потому что скромно промолчали. Ветер был относительно свежий, но сидеть на палубе было можно, что и предложил русский адмирал.

Кстати было и начать разговор, что вот так однажды в водах Средиземного моря русский адмирал, тогда ещё капитан познакомился с графом де Турвиль, участвовал в битве при Бичи Хед.

Здесь встрепенулся французский адмирал, сказав, что его сын командовал эскадрой в этой битве.

Одним словом, разговор пошёл, неплохо посидели. На прощание русский адмирал ещё раз удивил французов, подведя свой фрегат к французскому, почти вплотную.

Средиземное море, после просторной Атлантики оказалось чрезвычайно узким. Эскадры шли одна за другой.

Наконец показался Крит. К этому времени захваченный османами. Только три крепости держались под властью венецианцев.

Здесь русская флотилия потренировалась обстреливая берег и топя редкие встречные турецкие корабли.

*

А тем временем на севере. Но не очень далеко. Даже так на севере Черного моря, тоже шли бои.

Во первых на Кавказе. Там всё шло очень медленно. Племена которые хотели дружить, встречались с распростертыми руками. Им давались разные привилегии, льготы в торговле. Но всё равно к сожалению было много тех, кто встречал русских с оружием. Лучшим выходом было, если помогали их соседи, перешедшие на сторону Русского Царства.

Генерал-поручик Шеин Алексей Семенович нервничал з-за того, что это война была не совсем войной. Но потери были. Немного успокоило письмо от Государя, в котором он советовал не спешить. Вся надежда на казаков и стрельцов. И стараться давить на востоке больше продвигаясь по берегу Каспийского моря и также на западе по берегу Черного моря.

Во вторых на западе. Где командир фронта генерал-майор Долгоруков Борис Федорович получил указ Государя давить осман до Ясс. А сами Яссы взять. Это в центре. На севере помедленнее достаточно взять Черновцы. На юге же надо дойти и по возможности взять Констанцу.

За юг Борис Федорович меньше всего переживал, там были казаки и моряки. В центре же было сложно. С одной стороны перед русскими войсками стояли османы. Но территория принадлежала Молдавии. А власть получил Дмитрий Кантемир, который намекал, что может помочь русскому воинству.

В третьих это казаки совершавшие рейды по западному и восточному берегам Черного моря. Дело это для них привычное. Два главных поручения, зорить османские города и жечь корабли. Казаки выполняли на пять. Им было обещано, что по выполнении задания смогут грабить османские города. Таким образом благодаря казакам, войска Шеина дошли до города Туапсе. И благодаря им же войска Долгорукова вошли в Констанцу.

Ну и в четвертых это черноморский флот добивал османские корабли, не сожженные казаками. Командовал флотом капитан первого ранга Милославский Алексей Матвеевич, согласно указу Государя вел свой флот к Босфору. Дальше в указе было непонятное. Не один раз перечитывая, но сомнений не было, Государь указывал встретить русский флот, а при

необходимости идти ему навстречу. Пока же корабли расправив паруса неслись к месту встречи неизвестного русского флота.

*

Флотилия адмирал-поручика Мурманцева медленно втянулась в пролив Дарданелы, хотя некоторым было привычно называть сей пролив на османский манер Чанаккале.

Кстати так назывался не только пролив, но и город стоящий на восточном берегу.

Чанаккале этот разбомбили, почти полностью. Адмиралу было жалко детей и женщин, но когда перед отправлением в поход он заикнулся об этом Государю тот сказал,

— Хочешь поговорить с теми, кого турки в плен брали. Как издевались, убивали женщин и детей. Но это не месть. Говорю об этом факте, чтоб ты не жалел. Бомбить же их призываю. Не от особой жестокости, а чтоб не вздумали на землю нашу заявляться.

В проливе османских кораблей не было. Поэтому следующий османский город Лампсеки тоже разбомбили.

Но вот на выходе из пролива у города Галлиполи стояла османская эскадра. Турки максимально растянулись, чтобы перекрыть выход в мраморное море. Но всё же как не велика была османская эскадра, а русский флот был больше.

Адмирал Мурманцев не стал долго раздумывать. Во флотилии было три бомбардировочных корабля. Брали их для обстрелов берега, а не для морских боёв, ибо точность у этих кораблей была условной. Но Андрей Иванович решил рискнуть использовать их преимущества, а именно дальность и мощность выстрела.

Корабли “Волк” и “Кабан” были однотипны. Но “Медведь”, немного побольше. Именно он первый выстрелил.

Так как моряки постоянно общаюсь с водной и воздушной стихией, поэтому очень суеверны. А то что произошло далее, показало обеим эскадрам, кто победит, а кто проиграет.

Да это была случайность, на точность выстрела надежды не было. Но ядро не только попало в турецкий корабль, но и в то место корабля, где хранился порох.

Взрыв был оглушительный. Часть того, что осталось от корабля долетела до соседних османских кораблей.

Ещё несколько выстрелов менее точных, но некоторые из них добавили повреждений османским кораблям.

Адмирал приказал поднять знак “Делай как я” и направил корабль в образовавшуюся брешь. Эскадра начала выстраиваться за ним. Сзади подходили две другие эскадры.

Османы растерявшиеся вначале. Довольно быстро пришли в себя и начали обстрел русских кораблей. Но фрегат “Маркиз”, И ещё несколько кораблей, прошли достаточно вперед, так чтобы их обстрелять османам надо было разворачивать свои корабли. Русские же наоборот были расположены удобно для выстрелов. Чем они и воспользовались.

Эскадра адмирала Мурманцева прорвалась сквозь строй османских кораблей. Таки образом турецкие корабли, которых изначально было меньше, оказались окружены.

Османская эскадра, пытавшаяся поймать русских в ловушку, сама оказалась в капкане. Примерно через час на поверхности моря плавали остатки того, что было османской эскадрой. Кричали спасшиеся моряки. Но их никто не собирался спасать. До берега недалеко, доплывут.

Бомбардирские корабли развернувшись начали обстреливать город Галлиполи. А флотилия пошла к острову Мармара, население, которого на удивление было греческим.

Здесь подвели итоги. Все корабли остались на плаву, но некоторые изрядно пострадали. К сожалению с ремонтом не стоило затягивать.

Через два дня русская эскадра взяв лоцмана из местных пошла на север к проливу Босфор и выходу в Черное море. Но прежде предстояло разбомбить Стамбул.

*

Государь ехал медленно по улицам Москвы. Спереди и сзади ехали по десятку царской стражи. Вид у них был достаточно грозный, чтобы случайный прохожий постарался спрятаться в ближайшем дворе. Издалека казалось Государь прямо в седле спал.

Но нет я не спал. Задумался о делах бытовых. Моя идея, точнее идея настоящего Федора Алексеевича, дать кредиты на обновление строений пришлась, как нельзя лучше. Москва похорошела. Старые деревянные дома были снесены, на их месте строились каменные. Улицы мостились кирпичом. Вдоль дорог устроены кюветы, так что привычная московская грязь, даже осенью отсутствовала. Нищих у церквей не трогали, но на улицах, брали за шиворот и вывозили за город.

На первых взгляд в город вернулись стрельцы. Но это была новая форма городских. Шапка по типу колпака, черного цвета. Зимой носили шинель похожую на ферязь стрельцов. Летом же китель и брюки в сапоги всё черного цвета. Платили городовым хорошо, Так что и сами городовые старались, за порядком следили. Были случаи, когда городской терял службу, после чего одна дорога в холопы.

Вот об этом я и задумался. В Европе крепостное право появилось раньше, но раньше и закончилось. На Руси процесс шел в сторону закрепления крестьян. Хотелось бы его остановить. Хотя с одной стороны, даря своему дворянину землю, тогда я не мог дарить людей. А земля без людей, ни к чему.

Надо было на что-то решаться. Из истории я знал, что многие цари побаивались отменять крепостное право из-за недовольства аристократов.

Значит надо так, чтобы аристократы что-то получили взамен, и у них сложилось мнение, что они ничего не потеряли.

Дальше, будто я правда задремал. Мысли понеслись вскачь. Все мои заслуги в одну линию выстроились. И учебные заведения, которые я создал для мастеровых, для военных, для медиков. Дороги хорошие. К тому же дороги и для повседневности и для тех же военных. Армейская реформа потихоньку идет. Флот совсем немаленький, кстати как там в Турции.

Тут я очнулся, от дум оглянулся. Сзади во весь опор мчался гонец. Очевидно прямо с дороги поехал в Измайловское, там меня не нашёл. Носился по городу.

— Государь, мы победили!

Придерживая лошадь, он протянул мне пакет. Писал сам адмирал Мурманцев.

У Стамбула встретились три эскадры. С севера подошла наша черноморская. Османская стояла в порту. Ну и наша флотилия. Какое то время все эскадры стояли, стрельбы не начинали. Наконец с берега прибыла лодка. С предложением прибыть во дворец султана на переговоры. Адмирал же предложил собрать посольство и отправиться в Крым, в Бахчисарай, где уже ждет посольство Русского Царства.

После этих слов, адмирал добавил,

— И лучше поторопиться, матросы устали путешествовать могут начать стрелять, дабы ускорить ваше посольство. Предлагаю завтра утром. И уберите корабли с дороги.

Лодка отплыла. Какое-то время было тихо. Потом забежали люди на берегу. От него снова отошла лодка, на этот раз к своим кораблям. Те разошлись, прижавшись к берегам.

Адмирал наконец-то смог встретиться с командующим Черноморским флотом. Капитаном первого ранга Милославским Алексеем Матвеевичем. Когда — то они оба начинали службу мичманами на одном корабле.

Разговор затянулся. Адмирал не удержался, угостил гостя своим любимым турецким кофе.

Наутро эскадры опять разделились. Черноморская сопровождала османское посольство в Ахтиар. А флотилия адмирала Мурманцева пошла в Таганрог.

Конечно война одним днем не заканчивается переговоры шли долго. Но Тяпкин Василий Михайлович, заключивший мир в Албазине в более невыгодных условиях, сейчас выторговал все возможные льготы.

Итак война с турками закончилась с опережением графика. Надо послать сообщение французам, что теперь для полноценной торговли нет никаких препятствий.

Все капитаны были приглашены в Измайловское. Ну а пока они добирались до Москвы. Моя жена Агафья отмечала своё тридцатилетие.

Конечно неплохо бы вывезти её куда-нибудь на Сейшелы. Но мало того, что туда непросто добраться, так они пока и называются по другому. Да и нет там никого. Разве что пираты иногда заглядывают.

Кстати о добраться, даже побывать на Азовском море непросто. А ведь я вкладывал немалые средства в дороги. Но пока две самые лучшие дороги это Москва-Воронеж и Москва-Вологда. И то потому что из Воронежа по реке до Азовского моря. А из Вологды до Архангельска.

Теперь появились новые дороги, до Твери и до Калуги. С прицелом, что тверская протянется до Новгорода, а калужская до Киева.

Нет дорог на Руси множество. Но с древних времен и до сих пор все предпочитали путешествовать по рекам. Потому что дороги хороши летом, если не было дождей и зимой, если не было метелей.

Да дорОги, дОроги. Но у меня есть своя “нефть”. Даже бензин. Из конопли, налажен производство канатов. А из льна, с примесью той же конопли шьют парусину. И даже недавно запущено производство батиста. Для жены к дню рождения я заказал батистовое платье.

День Рождения у царицы был как обычно, в том смысле, что приглашались, только женщины. Мужья и отцы, шли только как приложение. Впрочем о них тоже не забывали, отдельные столы с легкой выпивкой, с сытной закуской.

У женщин же как всегда показ мод. Тут мой подарок пришелся как нельзя кстати. Всё женское население окружило царицу. Агафья крутилась перед зеркалами, счастливая от восхищающихся ею женщин. И когда бросилась благодарить меня за подарок, я протянул ей магерку, слегка отделанную драгоценными камнями и перьями.

— Это тоже тебе.

А потом был День Победы. Не такой, как в двадцатом веке. Но Победа была настоящая и краткое мирное время хотелось как-то отметить. Парада не было. Было торжественное награждение капитанов кораблей.

Так получилось, что выехав вместе из Таганрога, они начали теряться по дороге. Первым потерялся адмирал Мурманцев. Конечно же он не удержался заехал в поместье к любимой жене. Часть капитанов задержалась в Воронеже. Часть первым делом поехала к родне уже в Москве.

В принципе я их понимал, долгое опасное путешествие. Как оказалось путешествие более опасное, чем битвы с турками.

Но вот собрались капитаны. При награждении присутствовали родственники и важные официальные лица. Как откажешь главе Ратного Приказа. А послы всех государств просто обязаны видеть торжество Русского Флота.

Парада не было. Но торжественное награждение, как принято в этом времени, провели обязательно.

Капитаны кораблей вызывались. Подходили ко мне. Я их награждал орденом "Служение Отечеству". Несколько капитанов, кроме орденов получила повышение. Так в зале появились адмиралы.

Последним был вызван адмирал-поручик, командор флотилии барон Мурманцев, маркиз де Курсийон, граф Стамбульский.

Да-да. Адмирал Мурманцев стал полным адмиралом. И по моему же указу, полные генералы и адмиралы получали графское достоинство.

Тем временем, пока в Москве шёл победный бал. В Молдавских горах и лесах шли кровопролитные бои. Османский визирь Бозоклу Мустафа Паша, понимая, что султан, даже отдавая приказ на перемирие, может отдать приказ на снятие головы. Поэтому собрал все войска, временно ослабив фронт против Австрии, направил всю эту массу воинства против русской армии.

Первый гвардейский полк держал одну из высот. Майор Константинов командир полка удачно подобрал место для обороны. С одной стороны густой лес, с другой озеро, которое просто так не обойти.

Прапорщик Михайлов второй день командовал ротой гренадеров. Собственно и прапорщиком он стал два дня назад. Это был тот самый унтер-офицер с семью медалями, которого заметил Государь. Думали, что Государь, сразу произведёт в офицеры или даст орден, но Федор Алексеевич, подойдя к командиру полка, попросил присматривать за унтером.

И вот теперь, когда османы, несмотря на собственные потери, перли вперед. Потери были и в русском войске. Но в гвардейском полку была лечебная рота, которой командовал капитан-поручик медицины Рязанцев Иван Борисович. Именно он приказал вытаскивать всех из под огня. В результате в полку были в основном потери ранеными, но не убитыми.

Кстати то что полк держался, была заслуга заместителя по снабжению капитан-поручика Хованского Андрея Ивановича. В полку все были храбрецы. Но когда нет снарядов, храбрость плохо помогает. Капитан-поручик помня наказ Государя, приложил все усилия, чтобы полк не испытывал недостатка ни в чем.

А потом. как это бывает на войне внезапно наступила тишина. Ведущий переговоры о мире Василий Михайлович Тяпкин пригрозил прекращением переговоров и возобновлением бомбардировки османских берегов. К визирю был послан гонец.

Так победой над османами заканчивается рассказ о Русском Царстве времен Государя Федора Алексеевича.

Больше книг на сайте - Knigoed.net